

КРИСТИНА ФРАНЦУЗОВА

ПЕРВООЧЕРЬ

*Цепляющаяся любовь не способна к созиданию,
ей предназначено разрушать*

Даже браки по любви оказывается не гарант «жили долго и счастливо». Мирослава вернулась домой после выписки из больницы и не узнала в своём муже того человека, которого когда-то полюбила всем сердцем и за кого вышла замуж. Георгия будто подменили. Из доброго, заботливого мужчины, он превратился... в домашнего деспота. Мире предстоит вскрыть то, о чём не принято говорить вслух. То, что привыкли замалчивать сами жертвы. Кто-то научен добиваться своего любыми путями. Кто-то приучен терпеть. Домашняя жестокость имеет множество личин. Причин её возникновения ещё больше.

Часть 1. РЕВНОСТЬ

От автора: мысли вслух, навеянные прочтением сборника писем Анны Ахматовой. Исполненные эпиграфы не являются основополагающими, но тем не менее идеально передают общий дух.

*Любовь всех раньше станет смертным прахом.
Смирится гордость, и умолкнет лесть.
Отчаянье, приправленное страхом,
Почти что невозможно перенести.*

*Любовь покоряет обманно,
Напевом простым, искусным.
Ещё так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.*

*И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.*

*Был светел ты, взятый ею
И пивший её отравы.
Ведь звёзды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы,
Осенние травы.
А. Ахматова, 1911*

Глава 1

Когда дверь в палату распахнулась, я увидела совсем не того, кого ждала и кто должен был предстать перед глазами.

— Доброе утро, Мирослава Андреевна. Я привёз дополнительную сумку, — мужчине вежливо поприветствовал и протянул в мою сторону сложенный в несколько раз чёрный спортивный баул.

— Володя? Доброе утро. А где Георгий? — недоумение и растерянность отразившиеся в моём голосе скрыть не удалось.

— У шефа возникли непредвиденные дела на работе, поэтому я здесь по его поручению. Не спешите, собирайтесь, я буду ждать в коридоре ровно столько, сколько потребуется.

Я оторопела, по-прежнему сжимая в руках большую порожнюю сумку, и непрошенная влага не замедлила проявиться в уголках глаз.

«Она столь же пуста, как и я», — глупое сравнение, резало без ножа.

«Это не повод, Мира, совсем не повод для слёз», — остудила неуместный душевный порыв. Но в своё оправдание я могла бы сказать, что сейчас мне стоило бы любая, даже самая незначительная поддержка от любимого мужа. Но если он занят... Что ж, вероятно с моей стороны будет эгоизмом требовать уделить мне больше свободного времени. Каждый из нас переживал горе и каждый по-своему справлялся с ним.

Вещи складывала не задумываясь, прокручивая в голове недавнюю сцену. Почему же Гера не приехал? Что настолько срочное могло приключиться на работе? Одежды у меня не так уж много: два халата, несколько пижам, домашний брючный комплект, тапочки, предметы гигиены. Я переделалась в спортивный костюм, который вчера вечером оставил Георгий. И ведь ни словом, партизан, не обмолвился, что у него на следующий день запланированы важные дела с утра пораньше. Хотя ему прекрасно известно о моём далёком от приподнятости настроении.

«Ты постоянно забываешь одну важную вещь, Мира. Подавленное состояние не у тебя одной», — внутренний голос, оказался мудрее меня самой. Конечно, я не имела права упрекать мужа, раз уж сама кругом виновата.

Стянув потускневшие волосы в низкий хвост, поплескала в лицо ледяной водой. Видок у меня был ещё тот. В таких случаях чаще всего говорят — в гроб краше кладут. «Тьфу, тьфу. Сплюнь дурная, шутить о подобном в больнице».

— Да, Мира, довела себя, — пробормотала отражению в зеркале. Но не желая поддаваться самобичеванию, тряхнула головой и решительно вернулась в палату из смежной туалетной комнаты.

Должна признать, что муж не поскупился. После того как мне сделали экстренную операцию во время отдыха на море, Гера в срочном порядке устроил мою перевозку в родной город. Королевский уход, который мне организовали можно было принять за санаторный на лазурном побережье, если бы не скорбный повод... Отдельная палата, туалет совмещён с душевой кабиной, напротив кровати широченная плазма. Муж расщедрился даже на услуги личной медсестры. Валечка целыми днями просиживала рядом со мной, заставляя мою голову раскалываться от боли по причине неумолкаемой трескотни. Но как бы я не мечтала накрыть очаровательную белокурую головку подушкой, чтобы приглушить хотя бы на время нескончаемый поток слов, льющийся из не менее очаровательного ротика-

бантиком. Но я, проявив недюжинную стойкость и мужество, не делала этого. А всё потому, что, слушая истории из жизни совсем молодой и юной девушки, я на время отстранялась от собственных проблем, бежала от невыносимой боли, разрывающей моё несчастное сердце на части каждый проживаемый день. Я раньше не задумывалась, что жизнь та ещё любительница напакостничать, подкинуть изошрённых испытаний, ударить исподтишка, со спины. Видимо настал мой черёд расплачиваться за собственную самоуверенность, помноженную на глупость.

Планшет, зарядка, мобильник отправились в небольшой кожаный рюкзак, который я повесила на плечо. Напоследок оглянулась на некогда пышный букет из роз и хризантем в плетёной корзинке. Цветки за время моего нахождения в больнице успели пожухнуть и свесить горемычные головки, утратившие былую красоту. «Очень похоже на меня», — промелькнула очередное сравнение, окрашенное угрызениями совести и мрачным сожалением содеянного. Открыла дверь и выглянула в коридор. Володя, как обещал, сидел неподалёку в кресле для посетителей, но увидев меня моментально подскочил.

— Мира Андреевна, ваш муж строго-настрого запретил позволять вам носить что-то тяжелее мобильного телефона. Поэтому все сумки отдайте, пожалуйста, мне.

Я внимательно посмотрела на крепкого плечистого мужчину, преградившего мне путь. Его брови сердито хмурились, углубляя борозду на переносице, делая молодое лицо значительно старше:

— Так сумка в палате, я не поднимала её.

Тогда Володя сделал ещё шаг, становясь ближе, почти вплотную ко мне, после чего осторожно подцепил пальцами лямки рюкзака на плече.

— Говоря все сумки, эту я тоже имею в виду, Мира Андреевна.

Я слегка наклонилась, позволяя лямкам скатиться вниз по руке, и перехватила кистью.

— Мне для выписки вероятно понадобятся документы, а они в рюкзаке, — со словами безропотно протянула мужчине ношу.

— Не переживайте, у меня приказ не отходить от вас ни на шаг.

Володя направился в палату за большим баулом, а я задумалась над его последними словами. Муж не приехал за мной на выписку, но позаботился о моём комфорте. Или не комфорт тому причина? Больше смахивало на контроль. Но я беспечно отмахнулась от подозрений. Георгий никогда не позволял себе подобные глупости.

Честно говоря, порою я завидовала сама себе. Да, со мной и такое случалось. Но я искренне была убеждена, что выиграла в многомиллионную лотерею, умудрившись повстречать на жизненном пути столь невероятного мужчину, как мой любимый супруг. Расписались мы семь лет назад, до этого встречались около года. И ни разу, за всё время Гера не дал ни единого повода усомниться во взаимных чувствах друг к другу. Даже когда первая влюблённость прошла, сталкиваясь с повседневным бытом, я по-прежнему чувствовала глубокую привязанность и уважение к своему мужу. Ждала его каждый вечер после работы и не могла удержать рвущиеся из глубины души искренние порывы — расцеловать при встрече и прижаться к нему всем телом, вдохнуть неповторимый аромат, понежиться в крепких, надёжных руках, сжимающих в ответ до хруста в рёбрах.

Первое время ужинать мы начинали только после того, как с положенными интимному моменту чувством и страстью исполняли по отношению друг другу супружеский долг. Постепенно, со временем, мы, конечно, научились держать эмоции в узде. А последние, полгода примерно, в наш быт незаметно вошла новая семейная традиция. Отныне мы

ужинаем, словно великосветская интеллигентная пара, чинно восседая за длинным обеденным столом, накрытым накрахмаленной скатертью. И только после ужина, либо после того, как Георгий уделит внимание незавершённым рабочим делам в кабинете, мы всецело отдавались взаимным ласкам. Я не расстраивалась, что былая жгучая, опаляющая страсть ушла, ведь иногда у нас случались и жёсткие порывы, совсем как раньше. Но должна признать, что их стало существенно меньше. Тем не менее некая размеренность и прозаичность мне больше по душе необузданных всплесков неконтролируемых гормонов. Неужели возраст накладывал свой отпечаток?

— Можно идти в регистратуру, — Володя бесцеремонно ворвался в мои размышления.

С бумагами закончили быстро. Оказывается, ещё вчера муж оставил необходимые распоряжения, забрав с собой все выписанные врачом рецепты и график приёма лекарств. Поэтому от меня потребовался только паспорт и несколько личных подписей.

Улица встретила промозглым осенним днём. На календаре середина сентября. Но низкие свинцовые тучи, нависшие над городом, а также промозглый, порывистый ветер тревожили и пугали, что солнце будет светить всё реже и реже. Я поёжилась в толстовке. Не ожидала, что куртка окажется не лишней.

— Пойдёмте быстрее, Мира Андреевна, пока вы не замёрзли. Извините, я не знал, что нужно захватить куртку. Но машина недалеко, — Володя не оставил без внимания мою зябкость. А я в ответ скорчила недовольную гримасу. Забота — это, бесспорно, положительное человеческое качество. Но когда её становилось слишком много, нестерпимо хотелось раздвинуть границы личного пространства. А возможно за меня говорили приобретённые в стенах больничных стен капризы и привередничество.

Засеменила мелкими шажками за водителем, его широкий размашистый шаг не чета моему. Когда я подошла к припаркованному внедорожнику, мужчина успел сложить сумки в багажник и терпеливо поджидал меня, предусмотрительно открыв заднюю дверь. Путь домой показался слишком быстрым. Странное чувство, учитывая, что как правило все, кто покидал лечебные учреждения, наоборот, стремился оказаться как можно дальше от них и чем быстрее, тем лучше. Не знаю почему, но под ложечкой противно сосало. Будто должно случиться что-то плохое. Хотя самое страшное, что могло произойти в жизни женщины я пережила две недели назад.

«В твоей груди эхо не унявшейся боли. Нужно время, Мира», — подбодрила сама себя, входя в наш с мужем особняк, всегда казавшийся мне слишком большим, пустым и холодным. В нём не хватало детского смеха и лая собак.словно уют и тепло старательно обходили наш дом стороной, не покупаясь на богатое и роскошное убранство. Первый этаж поражал высоченными потолками, мраморными полами и огромной хрустальной люстрой в холле. На стенах дорогие полотна картин, обрамлённые в затейливые рамы.

Кстати, напротив входной двери широкая центральная лестница, разветвляющаяся после первого лестничного пролёта на два ручейка, упиралась в огромную картину почти два метра высотой, на которой изображены я с мужем в день нашего бракосочетания. Художник писал картину по фото. Потому как Гера категорически отказывался позировать, но требовал у несчастного выполнение заказа в лучшем виде. Поэтому позировать мне приходилось одной. Не то, чтобы одной... Просто Гера вместо себя присылал кого-то из охранников со своей фотографией в руках. И смех, и грех, одним словом. Но в этом весь Георгий — я хочу, мне надо, значит остальные либо выполняют, либо подстраиваются под сумасшедшую карусель обстоятельств, учинённых моим мужем.

— Мирушка, ты вернулась! — Дородная женщина пятидесяти пяти лет в цветастом фартуке со следами муки на лице обняла меня крепко и по родному.

— Здравствуй, тётушка, давно не виделись.

— Ох, горюшко какое, Мира. Как же так? За что же вам с Герушкой столько испытаний? Ох, бедные-бедные дети, — женщина заламывала руки и в её глазах за линзами очков блестели капли непролитых слёз.

— Полно те, Мария Мстиславовна, что ж ты слёзы льёшь. И так тошно, не рви душу прошу.

— Конечно-конечно, Мирушка. А я тут тесто поставила. Герушка, молодец-то какой, вчера предупредил, что тебя привезут сегодня. Вот я с утра пораньше и расстаралась.

— Неужели вкусными булочками побалуешь? — Приветливо улыбнулась беспокойной женщине.

— Конечно, твоими любимыми, с орехами. Как не побаловать, когда любое горе нужно как следует заесть, чтобы изгнать его поганой метлой из души и из сердца. Чем вкуснее и сытнее заешь, тем быстрее сможешь вернуться в привычную колею. Или ты со мной желаешь поспорить? — тревожный и горестный взгляд за линзами очков приобрёл лукавый блеск.

— С тобой никто не рискнёт спорить, тётя Маш, — сразу признала поражение и смиренно опустила голову. Сердобольная женщина тут же чмокнула меня в макушку, но я резко отстранилась.

— Я же после больницы, дай мне помыться нормально и смыть с себя ужасный лекарственный запах.

— Кстати. Имей в виду, что твои таблетки у меня, с утра ребята смотались в аптеку и всё привезли. Герушка оставил мне расписанный врачом график приёма. Поэтому ни о чём не беспокойся, просто принимай то, что я принесу.

— Ну, что ты, тётя Маша. — Вина мгновенно растопырилась изнутри иголками, я недостойна заботы чуткой женщины: — Я не маленькая девочка, и позабочусь о себе сама. У тебя самой дел на кухне невпроворот.

— Тю, разве то хлопоты, — протянула тётя и пухлой рукой отмахнулась от надуманных возражений, — одно сплошное удовольствие. И вообще, не серди меня. Сказала, что принесу сама, значит не перечь. Ой, — громко воскликнув, она всплеснула руками, прикладывая ладони к покрасневшимся щекам, — тесто наверно убежало, — после чего поспешно развернулась и улизнула обратно на кухню. На свою любимую территорию, которую уже много лет по праву считала исключительно персональной вотчиной.

Мария Мстиславовна приходилась Георгию родной тёткой по отцу. У женщины не было своих детей, муж умер рано, угорел по пьянке в бане. А Гера, когда отстроил свой огромный особняк так сразу и забрал тётю к себе. Та же, проявив недюжинные кулинарные способности, умудрилась подмять все кухонные дела под себя. Гера и его ребята из охраны, которые жили на территории, примыкающей к особняку, в одном из флигелей, настолько полюбили стряпню Марии Мстиславовны, что практически носили женщину на руках. По крайней мере, стоило той попросить кого-то об услуге, просьба выполнялась в мгновение ока. Гера с хитрецей и снисходительностью посматривал на творимое самоуправство, но вместе с тем орлиным глазом зорко следил за происходящим и не позволял парням выходить за рамки. Прежде всего работа и служебные дела, всё остальное — в свободное время. Поэтому парни научились делегировать между собой полномочия. Если кто-то из них оказывался свободен, то именно ему выпадала честь исполнять прихоти Марии

Мстиславовны.

Помимо этого, за домом, вернее за территорией вокруг следил дед Василий, выполнявший обязанности дворника. Он обитал неподалёку, в соседней деревне. А также несколько девушек-домработниц, которые, согласно договорённостям с клининговым агентством, приезжали раз в неделю, обычно по понедельникам, чтобы провести полную уборку в доме. А за ежедневным порядком в обжитых комнатах со вторника по пятницу следила внучка деда Василия — Алина. И только в воскресенье особняк замирал. Мария Мстиславовна, как правило, занималась своими делами или частенько уезжала в город пообщаться с подругами. А мы с Герой оставались одни, и именно эти моменты я любила больше всего. По воскресеньям он не прятался, ссылаясь на рабочие дела в кабинете, а оставался рядом со мной.

Мы нежились и упивались минутами, проведёнными наедине. В такие дни любые комнаты особняка могли стать невольными свидетелями проявления наших неистовых чувств. Гера любил периодически обновлять разные поверхности. После чего в понедельник я красная от смущения и неловкости перед клининговой службой скрывалась в самом дальнем и необитаемом углу дома. Или же убегала подальше в сад на заднем дворе, или помогала тёте Маше по хозяйству. Именно в этот день я старалась записаться к косметологу или парикмахеру. Потому как Гера не ограничивал и не сдерживал себя, делом доказывая и убеждая меня насколько сильна его любовь, в следствие чего биологические жидкости могли оказаться в совершенно неожиданных местах. Он-то в понедельник уезжал в офис на работу, а я оставалась одна посреди пустующих комнат, не считая кухни и хозяйничающей в ней тётушки. Пока однажды не застала разговор двух девиц, мерзко хихикающих и обсуждающих нашу с мужем бурную сексуальную жизнь. С той поры я предпочитала исчезать с поля зрения уборщиц. Возможно я глупая, неуверенная в себе трусиха, но становиться объектом грязных сплетен не каждому придётся по душе.

Я поднялась на второй этаж в нашу с Герой спальню. Всё на своих местах, будто комната даже не заметила моего отсутствия в течение трёх недель. Широкая кровать с толстыми, украшенными резьбой деревянными балками в каждом углу, застелена тёмным покрывалом. Балдахин давно снят. Улыбнулась своим глупым детским мечтам и смешным воспоминаниям.

Помню, как впервые узрев кровать, предполагавшую наличие балдахина, я решительно и с азартом вознамерилась повесить поверх тонкий тюль. Какая девочка не мечтала о балдахине, наряжая в детстве кукол? Поэтому я была уверена, что мне несказанно повезло, потому как кровать хоть и выполнена из тёмно-коричневого массивного дерева соответствовавшая скорее брутальному мачо нежели тепличной принцессе, всё же обещала исполнить заветную девичью мечту.

Сказано — сделано. Тонкая кремовая вуаль, длиной с километр, была навешана ценой нескольких вёдер пота, проклятий в адрес всей ткацкой промышленности и отдельных кудесников, в частности, а также трёхэтажного мата, замешанного на блатном жаргоне. Потому как водрузить пошитый по индивидуальному заказу балдахин, а также дать ценные советы собрались почти все, кто так или иначе проживал в доме, либо на прилегающей территории. Гере повезло больше всех — он вовремя укатил на работу.

Я и тётя, дед Василий с внучкой Алиной, а также двое ребят из охраны — каждый решил, что уж он-то лучше всех знает с какой стороны набрасывать, как высоко подкидывать и сколь сильно натягивать. Я по сей день так и не поняла, почему ткань не пала смертью

храбрых в неравной хватке, а на удивление с честью выдержала все экзекуции. Множество ручьёв пота сошло с двух молодых ребят, один из которых был как раз таки Володя, мой нынешний водитель, в ту пору только устроившийся в охрану на испытательный срок. Ведь именно им пришлось совершать героический подвиг, стоя на стремянках, зарываясь в метрах воздушной ткани, параллельно отбиваясь от множества вытянутых над головами рук, принадлежащих женской половине помощников и деду Василию, кто остался внизу и расправлял путающуюся ежесекундно прозрачную ткань.

Когда дело было сделано, на меня смотрело шесть мужских глаз с идентичным выражением. Даже дед Василий почему-то поспешил выразить солидарность согласно половой принадлежности, а не относительно ландшафтной высоты нашей маленькой геосистемы. Так-то деда ведь снизу стоял, вместе со всеми женщинами. Однако мужчины, понимая, что перед ними молодая, ехидно улыбающаяся супруга их непосредственного и грозного начальника, которая неизвестно наябедничает или нет, и не смея называть своими именами те чувства, каковые им довелось испытать, тем не менее мысленно транслировали мне что-то вроде: «Ни за что не женюсь, а если женюсь, то моей бабе придётся спать на койке с панцирной сеткой и матрасом поверх».

Самое обидное — не для меня, но тем, кому могло и наверняка стало бы обидно, хотя мы с Герой не болтали и тётя Маша дала клятвенное обещание молчать — тонкий, воздушный, во всех смыслах распрекрасный балдахин не пережил первой же ночи.

Не знаю, может мы плохо закрепили ткань на столбах, или же Гера оказался чересчур пылким и не к месту сильным, но в порыве страсти ткань была бессовестно содрана мужем. И барахтаясь в воздушных тюлевых облаках, заставших нас врасплох, мы оба умудрились столь сильно запутаться, что неведомым образом петля едва не затянулась на моей шее. Гера ругался матом громко и долго, а я после произошедшего ни разу не повторила собственной досадной ошибки и резко перестала восторгаться и мечтательно вздыхать об интерьере предназначенному, судя по личному печальному опыту, исключительно для принцесс. Они видимо с рождения предупреждались о возможных опасностях и знали, как избежать конфуза.

Пройдя через всю комнату, села на мягкий стул у туалетного столика, расположившегося подле окна. Чувство неподъёмной тяжести давило на плечи, мешая дышать. Я ощущала себя настолько потерянной и одинокой, что одно лишь осознание собственных эмоций повергало меня в ужас. Спрятала лицо в ладонях до невозможности мечтая дать волю слезам, но почему-то даже на эту естественную функцию женского организма не осталось сил. Ни одной слезинки не выкатилось из глаз, как бы я не старалась выдавить хоть что-то. Поэтому пришлось поднимать себя за шкурку, насилу снимать одежду, чтобы принять обжигающий душ и смыть с себя не только больничные запахи, но и растворить ледяную глыбу в душе.

Я только переделалась в джинсы и объёмный пуловер в широкую сине-белую полоску, как зазвонил телефон. Бросилась тут же к рюкзаку откуда раздавался звук, надеясь услышать голос мужа, но дисплей высветил «Маринка». Стон разочарования сдержать не удалось, но на звонок я ответила.

— Привет, подруга. Как ты? Уже дома?

— Привет, Марин. Дома. Только из душа вышла.

— Вот и правильно. Вот и молодец. Не дрейфь. Прорвёмся. Где наша не пропадала?

В другой раз я бы рассмеялась, но сейчас лишь один уголок губ едва приподнялся: —

Ага, наша везде пропадала. Особенно когда речь заходит о тебе.

— Да, ла-а-адно, — протянул звонкий голос, — а жизнь для чего дана? Что я, по-твоему, буду в старости внукам рассказывать? Как вязала носки перед телевизором в компании двадцати кошек?

— Не утрируй, ты и кошки с носками — это что-то из области даже не фантастики, а скорее фэнтезийного комикса.

— Ага, японского... Худенькая девочка с сиськами десятого размера и десятком поклонников, стоящих вокруг неё, и во всеоружии так сказать.

После озвученной нелепицы я не выдержала и громко расхохоталась, едва в голове нарисовалась жуткая картина: — Только не говори, что это и есть твоя тайная и сокровенная эротическая фантазия.

— А что? — Моя лучшая подруга без комплексов: — Мужики во все века заводили гаремы из полтысячи неудовлетворенных, от того злых и ревнивых баб. Ты думаешь почему у тех, кто держал гаремы, столько кровожадностей и убийств с переворотами водилось? Несчастные тётки должно быть с ума съезжали от дикой жажды по мужикам, а не получив желаемого, усмиряли голодную утробу другим извечным способом — проливали чужую кровь, строя козни. А у меня пусть был бы какой-то десяток, пф! К тому же я не жадная.

Я продолжала хохотать, сидя на одном из двух имеющихся в комнате кресел и сгибалась пополам от смеха: — А-ха-ха, прекрати.

— Зато ты наконец рассмеялась, а то я успела подумать, что мою подругу за те два дня, что мы не виделись, завербовали в секту «Конец света близок, очистись подаяниями инок».

— Спасибо, что позвонила, Мариш, — постаралась передать скопившуюся тёплую признательность голосом, раз уж не могла обнять.

— Подольский как?

— Мы не виделись сегодня. С водителем домой приехала. Вроде у него какие-то срочные дела на работе появились.

— Да уж, конечно. Держи карман шире. Чтобы Гера, который с тебя пылинки сдувает и на руках носит до туалета и обратно, предпочёл непонятные дела твоей выписке? Ни за что не поверю...

Я и сама знала, сказанное подругой — чистая правда. Любой, кто мало-мальски знаком с Георгием Подольским, так же прекрасно осведомлён, насколько тот одержим своей женой, то есть мной. Впрочем, я отвечала мужу полной взаимностью. Мы хоть и не особо публичные люди, но тем не менее никогда не скрывали чувств, что испытывали в отношении друг друга. Поэтому все, кто регулярно или не очень общался и виделся с нами, отлично понимал, что наша семья основана на бурной и взаимной любви без грамма расчёта. Да, Гера много работал и не мог уделять мне достаточного времени. Но когда он рядом, то не было на свете той силы, которой по силам нас разъединить. Он ходил за мной по пятам, и я вторила ему тем же. Может мы больные, кто бы знал. Но когда вырастаешь в другого человека с корнями, выдрать обратно невозможно. Хирургические навыки и скальпель уже не помогут — летальный исход при любом, даже самом осторожном вмешательстве.

Гера моя первая и единственная любовь. Он мой первый и единственный мужчина. Таковым и останется до самой смерти, других мне не надо. И я более чем уверена, что он чувствовал тоже самое, если не больше. Потому как все окружающие не упускали случая потешиться над мужчиной, высмеивая его чрезмерную пылкость в отношении меня — когда он старательно сдувал каждую несуществующую пылинку или упреждал любое желание.

Отчего сплетни и зависть вокруг нас разрастались также быстро, как снежный ком в горах превращался в лавину от любого неосторожного, едва заметного шума, стоило нам появиться на приёме или именинах кого-то из партнёров мужа. Поэтому я привыкла избегать любыми путями большого скопления людей. Липкая грязь из осуждения, презрения, неприязненности и в большей степени зависти — это самый короткий список того, что я чувствовала, когда оказывалась под перекрёстным прицелом ядовитых глаз и вспышек фотокамер. Мерзко. Отвратительно. Жизненно.

— Алё, гараж! Ты почему молчишь? — до меня вдруг донёсся резкий голос подруги, заставивший вздрогнуть от неожиданности.

— Извини, родная, задумалась.

— Ох, Мирка. Хватит витать в облаках. Жизнь не закончилась. Всё у тебя наладится, вот увидишь.

— Твоим оптимизмом можно подпитывать целые города, списав в утиль атомные электростанции.

— А смысл хандрить? Жизнь, итак, не сахар, чтобы мы с тобой слёзы проливали. Соберись, возьми себя в руки. Запишись в наш любимый спа-салон, тот который возле торгового центра и меня заодно запиши. Будем вместе красоту наводить. А то на тебя без дрожи не взглянешь.

— Ну, спасибо подруженька.

— А что? Кто кроме меня тебе правду-матку в глаза скажет?

— И то верно. Хорошо, уговорила. Узнаю вечером планы Геры и запишу нас в салон, встанем в очередь за красотой.

— Только ты мне заранее сообщи день и время, чтобы я у шефа отпросилась.

— Не смей меня, Маринка. По-моему, это твой шеф у тебя отпрашивается, а не наоборот.

— А-ха-ха, есть такое. Но я же не наглею, знаю всё-таки своё место в пищевой цепи.

— Ты не надумала его бросать? Он ведь женатик, семейных перспектив — круглый ноль.

— Глупая ты, Мирка. Он именно этим меня и устраивает. Сама знаешь после Самохина я серьёзные отношения на дух не переношу. Поэтому мой женатый шеф — отличный вариант безопасно расслабиться. К тому же, умудрённые жизненным опытом матроны любят неустанно повторять, что регулярный секс полезен для женского здоровья.

— Угу, только надеюсь ты понимаешь, что так говорят исключительно те женщины, кто нуждается в оправданиях череды беспорядочных связей.

— Поздравляю, моя подруга — лицемерная ханжа. Если ты глубоко и надолго замужем, Мирка, это же не значит, что все женщины должны мечтать о том же самом.

— Ты права, Марин, извини.

— Да, ладно. Я не обижаюсь. К тому же тебе простительно, натерпелась как-никак.

— Не будем об этом. Иначе вся твоя дружеская терапия полетит коту под хвост.

— Слушай, а хочешь я подарю тебя котёнка? Или щенка. Ты кого больше любишь?

— Не вздумай. Во-первых, я хочу ребёнка, а не котёнка. А во-вторых, Гера вышвырнет вон всех лохматых и хвостатых. Он категорически не желает видеть в доме любую живность.

— Да в вашем доме месяц будешь животинку искать и то не найдёшь. Пока все комнаты оббегаешь, успеешь и проголодаться, и потеряться.

— Не преувеличивай.

- Ладно, как скажешь. Пойду я дальше работу работать. А ты не забудь про спа.
- Ты же мне сама десять раз напомнишь, если я забуду.
- Ха-ха, чао, подружка.

*Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днём, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.
А. Ахматова, 1915*

С Мариной мы сдружились на первом курса института. Когда я только-только приехала из провинции в большой незнакомый город, то долгое время терялась от количества снующих по улицам людей, ускоренного темпа жизни. Кто-то постоянно куда-то спешил, торопился, продираясь сквозь людскую реку таких же суетливых прохожих, не забывая прочищать себе путь плечами и локтями, при этом громко говоря по телефону и сопровождая разговор активной жестикуляцией. Машины оглушительно сигналили почему-то akurat в тот самый момент, когда оказывались позади тебя и ты невольно подпрыгивала вверх на добрый метр. После моего родного Н-ска, где почти все жители знали друг друга в лицо, городская кипучая жизнь меня несколько ошеломила. Маринка, в некотором роде, пожалела пугливую провинциалку и взяла надо мной шефство. Да так увлеклась новым опытом, что вот уже около девяти лет мы подруги не разлей вода. Признаться с её темпераментом у меня не было ни единого шанса отказаться. Маринка сказала — Маринка сделала. Со стороны мне забавно наблюдать за её неиссякаемым оптимизмом. Но вместе с тем я безмерно благодарна ей за помощь, что девять лет назад, что сейчас. Хотя в больших дозах выносить подругу могла только я. Гера, завидев её издали, молниеносно придумывал срочные дела и удалялся в кабинет, не забыв запереть дверь на замок (изнутри естественно).

Странно, что муж не звонил. Проверила телефон, но пропущенных сообщений и звонков после того, как я вернулась домой — ни одного. Это совсем на него не похоже. Неужели на работе выдалось что-то серьёзное? Хотя, по всей вероятности, тяжёлое происшествие случившееся в нашей семье выбило его из колеи также, как и меня. Нервно прикусывая нижнюю губу, я в сомнении и смятении гипнотизировала экран телефона. Была не была, в конце концов я жена, значит в своём праве. Нажав на кнопку вызова, вслушивалась в длинные гудки, очень много гудков и когда я уже собиралась нажать отбой, то неожиданно раздалось отрывистое и резкое:

— Я занят до вечера. перезвонить не смогу.

Вот так мой любящий и заботливый супруг в день выписки обожаемой супруги из больницы произнёс с утра всего две фразы. Теперь я с новой уверенностью осознала, что Маринка права. Гера никак не мог не приехать за мной. И резкий разговор уж тем более не вязался с тем человеком, которого я знала до сегодняшнего утра.

Червячок сомнения вдруг заскрёбся на подкорке: «Разве последнюю неделю Гера не вёл себя скованно и будто отстранённо?» Отогнала не вовремя появившуюся зудящую мысль, потому что подвергать анализу чьё-то поведение, даже если этот кто-то мой родной муж, у

меня не было ни сил, ни желания.

«Лучше проведу плюшки тёти Маши», — отдала себе приказ и преувеличенно бодро покинула спальню. А со стороны кухни, ещё издали послышался разноголосый гам:

— Володя, Вадик, не таскайте Мирушкины булочки. Для вас вон сколько пирожков напекла, с мясом, между прочим.

— Надо Георгию Родионовичу оставить. А то, не ровен час, обидится. — Я узнала голос Володи.

— Для Георгия отдельная тарелка имеется, не переживай. Что я вас оглоедов не знаю, что ли. Сколько ни корми, всё одно — вечно голодные.

— Просто ты, тёть Маш, слишком вкусно готовишь, — это Вадим подлизался.

— Подтверждаю! Твои кулинарные таланты влюбились в себя всех, кто хоть раз входил в этот дом.

— Ой, Мира! — женщина закружилась вокруг оси, хлопоча, едва заприметила меня в дверях, — садись скорее за стол с ребятами, чайник только недавно закипел.

— Не суетись, тётушка. Я в состоянии обслужить себя самостоятельно. — И следом подумала, что рановато по мне зауспокойную петь. «Слуг у нас нет», — между тем весьма кстати вспомнилась мамина присказка.

— Сидите, Мира Андреевна, я помогу, — подскочил Вадим и перехватил у тёти Маши блюдо с ореховыми плюшками. Передо мной, стоило мне присесть за стол, появилась кружка горячего ароматного чая и внушительна горка сдобы. «Может жизнь и вправду наладится», — робкая мысль, недавно посланная Маринкой, дала первый слабый всход.

— Очень вкусно, — похвалила Марию Мстиславовну с набитым ртом.

— Вот и славно. Для тебя, доченька, старалась, порадовать хотела.

— Спасибо, тётушка. Тебе, как всегда, удалось.

Мужчины постарались побыстрее закончить трапезу. Скорей всего чувствовали неловкость рядом со мной. Но разве я виновата в случившемся? Или теперь от меня все начнут шарахаться, как от прокажённой? Обидные слёзы наворачивались глаза. Потёрла рукой, прогоняя влагу и боль. Первая стёрлась легко, словно и не было, вторая исчезать не собиралась. Уже успела за короткий срок освоиться в груди и свернуться колючим клубком, выпуская шипы в ответ на каждую, даже самую робкую попытку избавиться от непрошенной гостыи.

— Не плачь, доченька. В жизни всякое случается. Бывает и такое. Но отчаиваться ни в коем случае нельзя. Иначе, что ты за будущая мать если сдашься при первой неудаче.

— Не плачу я. Просто неприятно чувствовать себя... какой-то неполноценной что ли. Вон, даже охрана шарахается, словно я заразная, — обнажила уязвлённое самолюбие. И тут же набила рот сдобой до отказа, чтобы заесть горе. Авось на самом деле поможет. Знала, что тётя плохого не посоветует. К тому же я давно относилась к ней не иначе как ко второй маме и порой откровения сами собой выскакивали изо рта, да так резво, что я не всегда успевала отслеживать собственную словоохотливость.

— О-хо-хо, горюшко-горе, — причитала едва слышно Мария Мстиславовна, сидя рядом со мной и слегка покачиваясь из стороны в сторону.

Муж обычно возвращался к семи вечера. Я не стала сегодня наряжаться и прихорашиваться, ибо до сих пор слабость в конечностях не отпускала, да и повода для радости — ни одного. Зато горя и печали — хоть ведром черпай из бездонного колодца.

В половине седьмого я спустилась вниз, сразу проходя через гостиную в каминную

комнату. Кто-то из охраны успел поджечь поленья, они искрили и громко щёлкали, будто в противовес поселившейся в душе мерзлоте, и подглядывали за мной оранжевыми глазками. Села в кресло, поджав ноги под себя. Середина сентября, а я уже в тёплых шерстяных носках. Гера всегда шутил, что я мерзлячка. Но так в действительности и было: едва уличная температура опускалась ниже двадцати градусов, и я тут же начинала кутаться во что-нибудь тёплое и желательно пушистое. Поэтому место у камина, пожалуй, одно из самых моих любимых в огромном доме, который в тёмное время суток развлекал себя тем, что пристально всматривался в жильцов мрачными пустыми углами. Сейчас же особняк представлял передо мной ещё более зловещим, чем три недели назад до совместной поездки к морю меня и мамы. Прошло совсем немного времени, меньше месяца, а такое чувство, что я постарела лет на десять. Озноб по коже...

Свернувшись на кресле клубком, пригревшись вблизи огня, я вскоре, сама того не заметив, задремала. Очнулась резко, будто от толчка, встрепенулась и вытянула шею, прислушиваясь к окружающим звукам. Но в доме стояла абсолютная тишина. Тётя Маша, должно быть в своей комнате смотрела любимый сериал по телевизору и что-нибудь вязала или рукодельничала. А Гера до сих пор не приехал. Я, даже не имея чётких фактов, кожей ощущала, что его нет. Без него вечерами всегда тоскливо. Будто только мужу подвластно разогнать сгустившиеся вечерние сумерки вокруг меня, сегодня казавшиеся особенно угрюмыми и тревожными.

Распрямив тело, приятно потянулась. От близости пламени кровь разгорячилась и быстрее бежала по венам. Жаль только, что лёд в душе не собирался легко сдавать свои позиции и таять не торопился. Но где же Гера, не случилось ли чего? Телефон наверху, подниматься лишний раз в спальню не хотелось. Развернулась полуоборотом назад, чтобы рассмотреть циферблат на напольных часах. Девять часов? Я проспала весь вечер? Почему же муж до сих пор не вернулся домой... Желудок заурчал, оповещая что нескольких сдобных плюшек, съеденных в обед, ему маловато для поддержания необходимого жизненного тонуса. Но тревога за мужа не отпускала. «Всё-таки придётся подняться на второй этаж», — решила для себя. Стоило только последней мысли сформироваться в заспанных мозгах, как я подорвалась с кресла и стрелой помчалась в спальню.

Два лестничных пролёта до второго этажа, впервые вызвали отдышку. Я прижимала ладонь к груди, унимая заполошное сердцебиение и стараясь не обращать внимания на хрипы пожилого шахтёра, рвавшиеся из лёгких. Уже в спальне разблокировала мобильный телефон, но дисплей по-прежнему молчал. Ни одного пропущенного звонка или сообщения от мужа.

Да что в конце концов происходит?

Я, не глядя присела на кровать, испытывая необъяснимую растерянность. Гера сказал, что занят до вечера, но его устоявшееся с годами понятие «вечер» давным-давно закончилось...

А вдруг авария по пути домой?

Страшные воображаемые картины начали лихорадочно скакать перед глазами. Но в кои-то веки здравый смысл подсказал, что если бы случилось что-то плохое, то кто-нибудь из охраны наверняка прибежал с новостями. Значит ничего плохого не произошло. Успокаивала сама себя, но нехитрый аутотренинг отказывался срабатывать как должно. Тем не менее злободневный вопрос, а где, собственно, прозябал мой муж, в то время как я впервые за долгое отсутствие вернулась домой, не снимался с повестки. Мне жизненно

необходимо получить от него немного тепла и заботы. Тут я, конечно, слукавила; «немного» заботы не в состоянии облегчить моё подавленное состояние. На самом деле я остро мечтала завернуться в Геру, как в верблюжье одеяло. Хотела, прижимаясь щекой к твёрдой груди, почувствовать его размеренное дыхание, пересчитать гулкие удары сердца. Чтобы крепкие объятия мужа своей уверенной, непоколебимой силой выдавили из меня лёд, прогнали прочь горькую и нелепую обиду на несправедливость судьбы. Думаю, что в наш непростой для обоих жизненный период он нуждался в этом не меньше меня.

Чудно, что в пору особенно острых душевных волнений мы — люди — взяли за привычку в первую очередь задаваться вопросом: «За что же небо послало мне вопиющие в своей жестокости испытания?» И только во вторую вспоминали, да и то не все, что судьба никак не виновата в том, что мы творим поступки, опираясь исключительно на личные амбициозные желания, подстёгиваемые самоуверенными и необоснованно дерзкими решениями.

Почему же его до сих пор нет?

Руки волнительно дрожали, пока я жала кнопку телефонного вызова. Длинные гудки, как удары кувалды по голове. После каждого последующего я съёживалась больше и больше, мечтая превратиться в невидимку. Меня не видно — значит и проблем вроде нет. Глупо, по-детски, но неизвестность слишком быстро превращала страх в отчаяние. Гудки прекратились, а я так и не дождалась ответа. Под лопатку вонзилась игла горького разочарования.

Неожиданно комнату расчертил отблеск автомобильных фар, и я тут же метнулась к окну, раскрывая тяжёлую шторку шире и одёргивая рывком тюль. Узнав внедорожник Геры, немного попустило. Но лишь после того, как муж показался из машины, неподъёмный груз одномоментно и окончательно свалился с плеч. Облегчение накрыло спасительной волной. И только после я осознала, насколько оказывается было трудно дышать, ибо сейчас лёгочные альвеолы работали в полную силу, насыщаясь кислородом. А я поняла, что значит испытать невообразимое умиротворение вместе с радостным предвкушением долгожданной встречи. «Глупая, почему ты до сих пор пялишься в окно, а не бежишь встречать любимого мужа?» — неожиданно очнулась совесть.

Я заторопилась поскорее вниз, чтобы привычно обнять Геру после возвращения домой. К моему приходу мужчина успел пройти в каминную комнату и наливал себе алкоголь из графина. Он открыл встроенный мини-холодильник в шкафу возле бара. Кубики льда звякнули в стакане. А я медленно и отчего-то неуверенно приближалась к нему со спины. Тревожные иголки хаотично впивались под кожу. Странное чувство, неизвестное. Я поёжилась, хотя в камине до сих пор багровели угли.

Но отбросив ложные, трусливые сомнения прижалась к широкой спине, вдавливая щеку и грудь как можно сильнее в крепкий торс. Обвила руками за талию, сжимая изо всех сил. Мне так не хватало его мощи сегодня, монументальности. Только властный, бескомпромиссный и вместе с тем удивительно чуткий и заботливый поток энергии от мужа способен оживить меня. Превратить из замёрзшей ледышки обратно в живую женщину из плоти и крови. Георгий Подольский всегда мне виделся таким оплотом, несокрушимой скалой посреди неукротимого морского шторма. Это ни с чем несравнимое, особенное удовольствие осознавать, насколько силён мужчина рядом с тобой, что казалось будто он всемогущ и непобедим. И тогда можно с лёгкостью позволить себе не просто спрятаться за надёжной незыблемостью, но прежде всего раскрыться тем самым нежным и хрупким

цветком, вступившим в прекрасную пору цветения. Без страха, а даже с неким предвкушением оголить свои тайные мысли, мечты, желания, чтобы позволить ему прикоснуться к самому сокровенному, потаённому и оттого уязвимому. Но видя в ответ лишь бережность и чувствуя искреннюю благодарность с обещанием защитить от всего и ото всех, возможно испытать чувственный оргазм. Это будто квинтэссенция взаимного доверия и открытости в паре, благословлённой самой Любовью.

— Ты поздно, я волновалась. — Мне понадобилось несколько минут, чтобы подпитаться, зарядиться от него.

— Много дел, — низкий голос с хрипотцой сорвался в конце фразы. Гера прокашлялся, одновременно отцепляя мои руки. А после развернулся, чтобы придирчивым взглядом коротко обвести моё лицо, словно желал удостовериться, что я цела и со мной всё в порядке.

— Может возьмёшь небольшой отпуск? Хотя бы на несколько дней, — мой тонкий голосок прозвучал неестественно и жалко.

— Ну какой отпуск, Мира? Я же говорил, что появилось много работы, — Гера повысил голос и в раздражении отвернулся, прикладываясь изредка к стакану. В нерешительности отступила и почти упала в кресло у камина, в котором совсем недавно дремала, мучаясь ожиданием. Снова стало зябко и мои руки невольно обняли плечи, внутренняя, душевная дрожь резонировала с внешней, телесной.

— Что-то случилось? — попыталась абстрагироваться от неожиданной мужской резкости.

— Что может случиться? Не выдумывай. Накопилась работа, которую приходится кому-то выполнять, вот и всё.

— Ясно. Ужин разогреть или холодный будем?

— Я поел на работе. Пойду приму душ и лягу спать. — Гера одним махом допил крепкий, судя по янтарному цвету, алкоголь и стремительно вышел из комнаты. Мне оставалось только недоумённо махать ресницами вслед, разглядывая опустевший дверной проем, и прогонять очередные слёзы, при этом беззвучно открывая и закрывая рот.

Что это было? Вопрос, который так и не слетел с языка.

Живот снова подвело от голода, и я пошла на кухню. Есть в одиночестве, когда на душе тоска, а муж по не известной причине злой, как чёрт, — не самое приятное занятие. Но выбора у меня не было. Управилась минут за десять-пятнадцать, не чувствуя вкуса еды, хотя уверена, что тётя Маша постаралась на славу. Но ужинать в компании самой себя, после семи лет приёма пищи исключительно в обществе любимого супруга — это примерно тоже самое, что пить в одиночестве. Смахивает если не на предвестника алкоголизма, то на подступающую аутофобию[1] точно.

Когда поднялась в спальню, в смежной ванной комнате из-под двери пробивалась тонкая полоска света и шумела вода. Я в нерешительности присела в изножье кровати не понимая, как себя вести. Через несколько минут Гера вышел, вытирая волосы и плечи полотенцем на ходу, постепенно спускаясь к животу. Я непроизвольно залюбовалась, потому как это зрелище вот уже почти восемь последних лет вызывало у меня непроизвольное слюнотечение. Его мышцы перекачивались под кожей, неяркое верхнее освещение бликовало на оставшихся редких каплях воды. Я проследила за тёмной курчавой полоской волос, спускающейся за резинку боксёров.

Хм...

Понадобилось время на осознание простого факта — мой муж надел трусы.

Нет, я не утверждала, что он не носит трусов. Наоборот, с этим у него всё в порядке. Но он никогда не ляжет спать если на нём осталось хоть что-то из одежды. Гера привык спать обнажённым, всегда. И меня с первого же дня совместного проживания настойчиво попросил не приносить в постель лишнее. И я, идя на поводу его прихоти, спала всегда обнажённой, за исключением женских дней. С моим мужем явно творилось неладное. Но вот как выяснить что именно?

В это время он потушил верхний свет, оставляя гореть лишь ночник с моей стороны, а после просто лёг спать. Ни объятий, ни поцелуев, ни пожеланий добрых снов, ни казалось бы закономерного после выписки из больницы «как твоё здоровье, жена?» — ни-че-го. Горестно вздохнув, я молча разделась и также молча легла на свою половину кровати, запуская в голове режим экспресс-анализа сложившейся ситуации. «Что происходит?» — поставила задачу на обработку. Интеллект завис в самом начале процесса, а я заснула, лелея робкую надежду, что возможно завтра что-то прояснится.

Но ни завтра, ни послезавтра, ни послепослезавтра ничего не изменилось.

— Как думаешь, пока ты валялась в больничке, борясь за собственную жизнь, Подольский мог завести любовницу? — Маринка бесцеремонно высказала вслух то, в чём я боялась признаться самой себе. Думать о подобном страшно до трясучки.

Мы с ней лежали на узких массажных столиках обмазанные чудодейственной грязью. Не знаю как насчёт косметического эффекта, но цены на глинистую слякоть воистину запредельные. Должно быть в неё вбухали алмазную крошку, и мы с Маринкой по окончании процедуры обязаны будем сиять не хуже Бетельгейзе или того же Сириуса.

— Почему притихла?

— Про алмазы и звёзды думаю.

— Правильно, пусть твой муженёк раскошелится на новые бриллиантовые серьги или даже кольцо. Баловать себя надо, Мира, хотя бы иногда.

— Это не баловство, а глупость. Не в бриллиантах счастье, Марин, к сожалению. Думаю, будь наоборот, людям жилось бы на порядок проще.

— Ага, просто у каждого счастье измеряется своим индивидуальным количеством тех самых бриллиантов. Ты, блаженная, удовлетворяешься одним, а по мне — чем больше, тем лучше. Тебе не кажется, что мы лежим обмазанные вонючей жижей слишком долго? Нам не пора посетить душ? Иначе, я боюсь, что превращусь от грязи не в красавицу, а в кикимору болотную.

Неугомонная подруга не успокоилась пока не подняла на уши персонал спа-салона, по её мнению, поступивших непозволительно легкомысленно предоставив нас самим себе. Я же, с буддистским спокойствием дожидаясь возвращения персонала, размышляла над тем, что местный женский коллектив попросту устал от трескотни многочисленных клиенток, наверняка озабоченных одними и теми же проблемами, которые без стеснения выплёскивали из себя, найдя в лице косметологов бесплатных слушателей. Тогда как последним скорей всего подобные разговоры своим однообразием и монотонностью успели набить оскомину на зубах. Ибо сколько веков не пройдёт, но дамы абсолютно любых возрастов в разговорах между собой изо дня в день склонны мусолить одну и ту же тему — отношения со своими мужчинами.

Мы хорошенько отмылись, затем нас ещё лучше помассировали, предварительно умастив маслами. И вот после массажа я задышала будто обновлённая, казалось, что каждая пора кожи дышала самостоятельно, помогая лёгким. Впервые после выписки из больницы

мне искренне захотелось улыбнуться, не широко во все зубы, а едва приподнимая кончики губ, не размыкая половинки. Радости нет, но жизнь действительно продолжалась. И как знать, может за следующим поворотом судьбы мне выпадет более счастливый билет. «Ты уже выиграла в лотерею, выйдя замуж за любимого мужчину», — попеняла сама себя.

Не проси от жизни слишком многого, иначе рискуешь потерять даже то, что сейчас неосмотрительно обесцениваешь.

На выходе из косметического салона нас встретил нервный и дёрганный Владимир. Тревожность моментально передалась и мне, топорща мелкие волоски на коже, я беспокойно переглянулась с Маринкой, но она, конечно, ничем не могла помочь.

— Мирослава Андреевна, ну, что же вы не отвечаете на звонки? — обиженно прогундосил водитель, что никак не вязалось со взрослым самодостаточным мужчиной.

— Володя, а что такого катастрофического могло произойти за несколько часов? — подруга решила проявить инициативу.

— Георгий Родионович звонил много раз, потерял жену, — мужчина недовольно поджал губы, и мне прекрасно известно почему. Гера как никто умел действовать людям на нервы, особенно в такие моменты, когда по той или иной причине не получал желаемого. И своё мастерство за годы самостоятельного ведения бизнеса он отточил до филигранности. Горе же тому, чья причина окажется незначительной и не стоящей внимания, потому как «великий и ужасный» отвлётся на неё, а посему виновник понесёт самое суровое наказание.

— Прости подружка, но мне лучше поторопиться, — со словами коротко обняла Марину на прощание.

Сидя на заднем сиденье автомобиля, я первым делом извлекла из недр сумки телефон и узнала, что накопилось тринадцать пропущенных звонков. Странно, я ведь вчера несколько раз предупредила мужа о намерении посетить спа-салон, он не возражал. Что могло произойти? Гадать бесполезно, а Владимир, наверняка знал меньше моего. Гера не из тех людей, кто станет делиться с работниками лишней информацией. Единственный выход — не затягивать с разрешением недопонимания. Муж ответил после второго гудка:

— Где ты? — голос резкий и отрывистый. Раньше он никогда таким не был.

— Возвращаюсь домой из спа. Я тебе вчера вечером говорила, что записалась с Мариной на процедуры.

— Ясно, — разделяющее нас расстояние не смогло скрыть раздражённого выдоха. Мои нервы, как по команде, натянулись сильнее, впитывая напряжение супруга, — будь готова к семи. У мэра приём и мне необходимо присутствовать.

Мои брови непроизвольно взметнулись ко лбу в удивлении. М-да, народ уже по четвергам не против развлечься, будто тому же мэру не нужно завтра утром на работу. Странные причуды посещали сильных мира сего.

— Форма одежды вечернее платье? — уточнила очевидное, но раз муж не в настроении, лучше не провоцировать его ещё сильнее.

— Да. И приведи себя в порядок, губы накрась поярче, что ли. А то выглядишь отвратительно.

Произнеся последнюю фразу, он бросил трубку, а я едва не задохнулась от возмущения, замешанного на обиде. В груди что-то сжалось, не давая сделать полноценный вдох. Мужа подменили — бессмысленно отрицать то, что лежало на поверхности, и прятать голову в песок. После моего возвращения Гера сам не свой. Он никогда не позволял себе оскорблять

меня за всё время нашего с ним знакомства. Впрочем, он никогда не опускался до оскорбления любой женщины, как бы вызываясь себя та не вела. По крайней мере при мне. Что же происходило с ним сейчас? Ни малейшего предположения, кроме одного. Но поверить в то, что беда, внезапно потрясшая нашу семью, по мнению мужа — исключительно моя вина, слишком жутко.

Подъехав к дому, я сразу поспешила подняться на второй этаж в гардеробную комнату. Предстояло выбрать подходящий случаю наряд, а с этим у меня регулярные затруднения. Вот Маринка, так та бы молнией пронеслась вдоль вешалок, безошибочно отыскивая самый беспроегрешный и сногшибательный вариант. Я пересмотрела отсек с вечерними платьями, но они сливались перед глазами в одно размытое, бесформенное пятно. Подняла с пола сумку, которую совсем недавно отбросила небрежно, чтобы вытащить телефон.

— Мне нужна помощь.

— Снова платье не можешь выбрать?

— Угу, — грустно повесила голову, соглашаясь со словами подруги и с тем, что я полный профан по части украшения самой себя.

— На чёрные даже не смотри, ты сейчас не в лучшей форме. Мм, дай-ка сообразить. Ты у нас шоколадка: тёмно-каштановые волосы и тёмно-карие глаза. Выбери что-нибудь из синих вариантов. Только не тот синий, который «вырви глаз», а глубокий, тёмный, при этом почти, но всё же не чёрный.

— Поняла. Только я сейчас совсем не шоколадка. Разве что ты имеешь в виду горький шоколад.

— Да какая разница какой, главное, чтобы вкусный был.

Я бы поспорила насчёт вкусности горького шоколада, но сейчас был не самый подходящий момент, поэтому уточнила одну деталь:

— Гера просил яркие губы, — сообщила полуправду, отказываясь жаловаться на недавно полученную мужнину грубость.

— Много твой Подольский понимает. Глаза покрась ярче, синяки замажь в несколько слоёв, блёсток в уголки глаз, мерцающую пудру на всё лицо, и для губ вполне достаточно блеска.

— А я не замерцаю новогодней гирляндой не к месту? До нового года всё-таки далеко.

— Зато никто не обратит внимание на твой болезненный вид.

— Марин. Ответь, пожалуйста... только честно, — как бы ни было горько и печально, лучше узнать правду здесь и сейчас и успеть примириться с ней до встречи с Герой. — Всё настолько плохо?

— Пф, не говори ерунды. Просто ты всегда и без исключений красавица, вот все и привыкли, что ты всякий раз в отличной форме. Как будто человек не может элементарно не выспаться или устать на работе.

— И всем также прекрасно известно, что я не работаю, так что уставать мне по идее не отчего.

— Значит не выспалась, — голос у подруги окрасился недовольством и нетерпеливостью, — муж у тебя жеребец ещё тот, вали всё на него, — Маринка грубо расхохоталась. — Заодно окажешь мужику добрую услугу. После подобной характеристики их твоих уст, он тебя на руках будет носить от зари до зари.

— Спасибо за совет.

— Этого добра у меня навалом, обращайся.

Я благодарила за платье, пропустив мимо ушей дурацкую шутку про жеребца, но не уверена, что Маринка думала о том же.

Предложенный ею вариант отыскался быстро, я даже вытащила с задворок памяти, что достаточно давно не надевала его на светские рауты. Возможно, сойдёт за новое. Тёмно-тёмно-синее, как советовала подруга, плотным корсетом оно облегалo верхнюю часть фигуры, выгодно приподнимая грудь, спадая свободными волнами от талии к низу, не стесняя движений. На улице похолодало, придётся подобрать что-то поверх платья. Но в таких случаях Гера любил, когда я надевала норковый палантин на атласной подкладке, подаренный им, уже не вспомню по какому случаю. Чёрный блестящий мех, ... ох, Маринка же отсоветовала чёрный цвет. Задумавшись, прикусила нижнюю губу, но поиск подходящей замены страшил меня больше, чем будущие ядовитые «комплименты» о нездоровом цвете лица. У меня в семье сплошной кавардак, с мужем произошло что-то странное, на душе гнетущая тоска, так что в этот раз я не побоюсь укусов «светских гадюк», пусть брызжут ядом сколько пожелают. С макияжем и причёской я успешно справилась самостоятельно, не провозившись долго.

Мой муж — Георгий Подольский — руководил большой строительной компанией, в том числе выполняя государственные заказы. Поэтому на различных приёмах за несколько лет мы побывали — не пересчитать сколько раз. По началу я шарахалась от вспышек фотокамер, бросалась наутёк от журналистов с микрофоном в руке, если те оказывались в шаговой доступности от моей персоны. Но постепенно, в первую очередь благодаря поддержке мужа, я освоилась в великосветском террариуме. Лица посещающие подобные мероприятия не менялись из года в год. Мужчины одни и те же, супружницы одни и те же, а вот с любовницами заминка, конечно. Запоминать их не имело никакого смысла. Они менялись и мелькали со скоростью звука, не иначе, так что даже гениальной памяти не хватит запомнить хотя бы треть из них. Я в данном обществе подруг не заводила из принципа, общаясь лишь из вежливости и по необходимости. В основном, как многим из присутствующих дам, мне приходилось выполнять функцию украшения собственного супруга. Но надо отдать должное Георгий никогда не позволял себе или кому-то высказываться в мой адрес неуважительно. В памяти невольно всплыло недавнее, брошенное им походя, как бы между прочим и от того сильнее впивающееся отравленными шипами в душу: «Выглядишь отвратительно». Горечь застряла в горле; я сглотнула вязкую желчь, но с лица долго не сходила перекошенная гримаса. «Возьми себя в руки, Мира. Удерживать на лице приклеенную улыбку несколько часов для тебя не впервой и, по большому счёту, пустяки». Лишь бы за грудиной перестало тянуть и ныть... Но ради этого предстояло запастись недюжинным терпением. Жестокие события так просто не забывались.

У любого горя, как и всего на земле, имеется свой срок годности, но, к сожалению, уходя, горе всегда оставляет после себя шрамы, а те, даже покрываясь со временем бесчувственной рубцовой тканью, меняют нас навсегда.

Живот требовательно заурчал, напоминая об отсутствии ужина. Глянув на часы, отметила время — начало седьмого. Я в нижнем белье, но покрашенная и причёсанная. Платье выбрано, так что вполне успевала перекусить хотя бы бутербродом. Накинув на плечи махровый халат и обув тапочки, спустилась вниз.

— Мирушка, ты проголодалась?

— Немного, тётъ Маш, — обняла добрую женщину со спины, пока она нарезала салат, — но мне достаточно бутерброда. Гера скоро подъедет, поэтому нет времени на застолье.

Она оглядела меня сверху донизу и хитро улыбнулась: — Куда-то собрались? Ты, я погляжу, прихорошилась.

Я невольно скривилась: — Очередной приём у мэра и почему-то в четверг. Что за блажь?

— Ну, так вы приедете, поздороваетесь с хозяином вечера, покрутитесь среди гостей и уйдёте. Разве ж это тяжёлая работа? Зато у Герушки появятся новые заказы, — тётя терпеливо разъясняла прописные истины.

— Ты, как всегда, права.

— Садись за стол, я быстренько соберу тебе поесть. Как раз жаркое успело подойти.

— Не надо, ты что! Не хочу опоздать, — на ходу выпалила подходящую отговорку. Не откровенничать же перед родной тётушкой, что я опасалась взбучки от собственного мужа, её племянника на минуточку. Однако несмотря на мои протесты, через минуту передо мной стояла полная тарелка, а непроизвольно выделяемая слюна моментально заполнила рот.

— Выглядит и пахнет божественно, — потянула носом аромат, склонив голову над тарелкой, — я говорила, что люблю тебя?

— Вы мне все это говорите, когда получаете вкусенькое.

— Зря ты не согласилась открыть ресторан. Это сущий грех — прятать подобный талант.

Мария Мстиславовна рассмеялась: — Ешь, фантазёрка. Зачем мне ресторан, когда у меня здесь от клиентов отбоя нет. Одни оглоеды твоего мужа чего стоят.

Хохотнула, в ответ: — Истинная правда. Я удивляюсь сколько ты готовишь за день, чтобы прокормить нашу ораву, — конечно называть двух охранников оравой преувеличение, но исправляться я не спешила, поскольку мой забитый до отказа рот быстро жевал райскую еду, а я жмурилась от гастрономического удовольствия.

— Ты до сих пор не готова? — грозный окрик раздался прямо у меня за спиной. От неожиданности я поперхнулась и зашлась натужным кашлем. Открыла рот и сплюнула не дожёванную массу обратно в тарелку, ибо от кашля брызнули слезы, а портить макияж нельзя категорически. Поэтому я хрипела как дикий зверь раненый неумелым и криворуким охотником и быстро смаргивала ресницами набегавшую влагу. Наконец, кто-то похлопал меня по спине, и я смогла прокашляться гораздо быстрее.

— Выпей воды, полегчает, — на помощь пришла вездесущая тётя Маша.

— Спасибо, — саднящее горло выдавило хрип.

— Так почему ты до сих пор не готова, Мира?

— Дай девочке отдышаться и поесть. Она совсем прозрачной стала, ещё в обморок хлопнется на вашем приёме.

— Не хлопнется, я не дам.

Если раньше подобная фраза растрогала бы меня, то сейчас почему-то кожа покрылась холодной испариной. Допив воду, я встала из-за стола.

— Извини, тётъ Маш, я пойду. Доем, когда вернёмся, — салфетку, покотившуюся с колен, подхватила в последнюю минуту для чего пришлось наклониться, а когда выпрямилась в полный рост, голова закружилась от резкого движения. Должно быть я покачнулась, но твёрдый хват на руке чуть выше локтя удержал на месте.

— Теперь ты видишь, что Мире надо поесть.

— Ничего твоей Мире не сделается, мы уже опаздываем. Зато чем раньше уедем, тем быстрее вернёмся домой.

— Эгоист, — недовольно пробурчала женщина вслед.

Гера не отпускал мою руку пока не дотащил до гардеробной. Скорей всего проступят синяки, я цеплялась пальцами второй за его кисть, но попытка ослабить захват оказалась безрезультатной. Меня грубо впихнули в комнату.

— Где платье?

— В спальне, я почти готова, мне нужно десять минут, не больше.

— Так чего встала, бегом переодеваться, — грозно рявкнул муж, и я трусливо шмыгнула в соседнюю спальню.

Переодеваться пришлось быстро, не отвлекаясь ни на что и заведомо отключая в голове все нехорошие мысли. Ответов в любом случае не было, а пустыми домыслами и предположениями многого не добьёшься. Управилась я даже быстрее чем ожидала и вышла из комнаты, не забыв прихватить клатч с минимальным набором косметики. Но Гера всё равно собрался раньше меня и сейчас подпирал спиной стену в коридоре. Он сменил рубашку и костюм. Чёрный цвет, в отличие от меня, его совершенно не портил. Синие глаза казались темнее чем обычно, будто в них застыла гроза... Или угроза... Мой любимый супруг соблазнительно горяч и обжигающе волнителен, но сейчас я нуждалась в тепле совсем иного толка. Не отдавая отчёта собственным поступкам, привычно потянулась к нему, вжимаясь всем телом:

— Я соскучилась.

— Мира, мы опаздываем, — твёрдые пальцы накрыли плечи, но сквозь меховую накидку не причиняли боль.

Я отклонила голову назад, заглянула в потемневшие глаза, провела языком по губам, увлажняя, и потянулась за поцелуем... Но удивительней всего то, что поцелуя я так и не дождалась. Гера решительно отстранил меня, чтобы сделать шаг в сторону лестницы, но внезапно задержался глазами на мне, окидывая мрачающим взглядом. Его пристальный взор блуждал по моему лицу, подолгу задерживаясь на глазах, словно считывал каждую возникавшую в моём сознании заполошную мысль, что испуганными тенями метались за радужкой. Но вскоре он тряхнул головой, сгоняя пелену, перехватил мою кисть, сжав до хруста, и потянул за собой к выходу.

[1] Аутофобия — это патологическая боязнь одиночества.

*Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда моё он имя произносит.
А. Ахматова, 1913*

— Инструкции будут? — выходя из машины и принимая предложенную мужем руку, спросила привычное перед каждым аналогичным приёмом.

— Всё как обычно. Краско́ должен познакомить меня с неким московским гостем, занимающим высокий чин, затем несколько бизнесменов и через час вернёмся домой. Ты, как и прежде, общаешься с жёнами, если таковые будут.

— А если нет, то подпираю стенку, — закончила вместо него сама.

— Мира, не начинай, — тихий, но недовольный рык на ухо, заставил волосы на руках встопорщиться. Я едва вышла из машины, приклеила на лицо заученную улыбку, поэтому сейчас сквозь зубы выдавила всего лишь:

— Даже не собиралась.

А в следующее мгновение мы оказались в просторном ярком помещении ресторанного комплекса. Столы предусмотрительно расставлены для фуршета. Ряженные джентльмены прогуливались вдоль длинной залы, ведя под руки своих разряженных леди. Кто-то разбивался на группы, зачастую по половому признаку. Оно и понятно, мужчины обсуждали деловые вопросы, вели предварительные переговоры, в то время как их спутницы хвастали размером карат и бюстов. Мне хвастать особо нечем, грудь есть, но обычная, среднестатистическая, а из бриллиантов — в ушах лишь небольшие гвоздики, подаренные мужем до свадьбы. Раньше я ходила сквозь реку, кишашую пираньями, с гордо поднятой головой, потому как хваталась единственным, что имело для меня самую высокую цену — своим браком, своей семьёй, своим мужем. Именно знакомство с Герой — самый бесценный подарок, посланный провидением, которым я дорожила больше всего на свете и от которого никогда не смогла бы отказаться. Столько любви, уважения, взаимопонимания, преданности, как у нас, я не видела ни в одной знакомой мне паре. Поэтому до сего дня я искренне и от чистого сердца гордилась супругом. Единственное, что оказалось недоступно нашей семье — рождение детей. Почему-то в этом вопросе нам катастрофически не везло. Но думать о грустном решительно возбранялось, если мы под прицелом не меньше сотни глаз.

— Выпьешь что-нибудь? — Гера вежливо поинтересовался, стоило нам покинуть Краско́ Виталия Валерьевича, который, собственно, и трудился мэром нашего города. Его обожаемая супруга Инесса Вениаминовна уплыла в противоположном от нас направлении. Причём я в прямом смысле имела ввиду уплыла — аки перегруженный зерном балкер, потому как весила едва ли меньше.

— Я до сих пор принимаю лекарства, поэтому нет. — Как правило муж внимательно подмечал все нюансы, особенно те, что напрямую касались моего здоровья, но не в этот раз.

— Хорошо. Я принесу тебе воды.

Гера направился к столу с напитками, а я заскользила взглядом по богато украшенному

залу. Смысл сегодняшнего вечера остался для меня за гранью понимания: то ли Виталий Валерьевич планировал нечто грандиозное в нашем городе, то ли просто решил встретить московского залётного гостя со всем возможным пафосом. Хотя на мой субъективный взгляд подобное поведение скорее опрометчиво и недальновидно, чем перспективно в плане будущего возможного карьерного роста. Разве не покажется странным, что обычный государственный служащий, не жалеющий сил и здоровья вкалывая на благо родного города за ежемесячную зарплату, вдруг организовал приём подобно сегодняшнему. А уж сколько карат носила на себе его дражайшая супруга Инесса Вениаминовна... Честно говоря даже не рискну предположить длину ожерелья, украшавшего её шею, ибо я скорей всего успешно смогу им подпоясаться. Однако уверена, что любой ювелир будет счастлив видеть обоих супругов Краско в числе своих постоянных клиентов. И мне отчего-то весьма любопытно: он ей дарит украшения, как и большинство мужчин, после походов «налево»?

— Добрый вечер, Мирослава Андреевна. — Мои наблюдения и размышления, к моему же глубочайшему сожалению, прервали, и я по голосу заранее определила кого увижу, стоит мне обернуться.

— Здравствуйте, Пётр Аркадьевич. Как поживаете?

— Вашими молитвами, Мирочка Андреевна, вашими молитвами, — низкий чуть хрипловатый голос с искушающими вибрациями неожиданно взбудоражил.

— Должна заметить, я совершенно точно не могу быть причастна к озвученному вами действию, Пётр Аркадьевич.

— А что так? Вы, Мирочка Андреевна, слишком юны и не в обиду вам будет сказано, наивны, чтобы переходить на тёмную сторону цинизма. Сделайте одолжение, не разочаровывайте старика.

Я в ответ раскатисто, должно быть излишне громко рассмеялась. Мимо проходящие и близко стоящие к нам чопорные участники сегодняшнего «театрального действия» неодобрительно покосились в мою сторону. Но мне за последнее время впервые было действительно смешно. И я даже не подумала убавить громкость собственного смеха. Признаться, я ощутила внутри себя внезапно вспыхнувшую крошечную, но хитрую и озорную искорку, подначивавшую почему-то на шалости.

Должна предупредить, что Пётр Аркадьевич Загорóднeв — мужчина весьма привлекательный. Старше моего мужа. Гере — тридцать четыре, а возраст Петра Аркадьевича, я бы предположила, приближался или едва перепрыгнул отметку сорок. Посеребрённые виски, сетка морщин вокруг глаз, углублённые носогубные складки, делавшие его аристократические тонкие черты лица более хищными. Но сколько в этом мужчине присутствовало скрытой харизмы, невозможно передать словами. Чёрный смокинг, сшитый явно на заказ, сидел на его худощавой фигуре безукоризненно, подчёркивая разворот плеч и отсутствие «скопления нервов» в районе живота, в дополнение к элегантному образу белоснежная сорочка с чёрной бабочкой, русые волосы тщательно уложены в причёску. Гере безусловно повезло, что я замужем и не страдала влюбчивостью.

— Пётр Аркадьевич, некрасиво с вашей стороны. Вы ставите меня в неловкое положение.

— Чем же, Мирочка? — его брови взметнулись вверх, выражая искреннее недоумение. Но серые глаза, не отражали как мои жалкий отблеск окружающей нас иллюминации, нет, они пылали внутренним огнём. Как много в импозантном мужчине скрывалось внутренних секретов? Я всякий раз задавалась этим любопытным вопросом, когда мы

встречались, вот, как сейчас, на мероприятиях различной степени пафосности.

— Ох, Пётр Аркадьевич, — погрозила пальцем мужчине, что было крайне невежливым с моей стороны, столь грубо нарушать правила этикета. Но после моего гогота (больше напоминавшего звуки из стойла, чем человеческий смех) поздно заказывать панихиду по едва почившему этикету. — Георгий Родионович по возвращении окажется весьма недоволен.

— Полно вам, Мирочка. Что же вы вспомнили о средневековых временах? Вы молодая, умная и самостоятельная женщина. Вам ли оглядываться на мужа? Слово он ваш хозяин, а не соратник.

— А кто говорит о хозяине? Вопрос в элементарном уважении.

— Так мы с вами ничем неуважительным не занимаемся, разве нет?

Я не возьмусь утверждать, но у меня складывалось чёткое убеждение, что все разговоры с Петром Аркадьевичем неизменно загоняли меня в тупик. Я умудрялась с систематическим постоянством терять нить разговора. Как, например, сейчас, о чём мы вообще говорили? Погоду заранее исключила, как возможного претендента из списка потенциальных бесед. Мужчина поглядывал на меня с веселящейся хитростью, но я не чувствовала в нём подвоха. Не исключено, что он гениальный актёр, но в его отношении ко мне никогда не чувствовалось жажды обладания или же азарта охотника. Вот хитрости в нём — просто океан, а он там акула. Но при всём при этом, если бы меня спросили доверяла ли я Петру Аркадьевичу или нет, то чаша весов пусть на несколько граммов, но перевесила бы в сторону доверия. В нём по крайней мере полностью отсутствовали злоба и зависть, и он не брызгал ядом в мою сторону при встречах.

— Приветствую, Пётр. — Гера появился из ниоткуда, и почти ткнул в меня увесистым бокалом на ножке с водой. Кто-то явно не в духе, потому как скрыть недовольные нотки в голосе мужу не удалось.

— Добрый вечер, Георгий. Как жизнь молодая?

— Полагаю также, как немолодая. Сплошные дела и заботы.

— Ну, не скажи. Возможно, ты удивишься, а впрочем, может и нет, но после сорока человек, как правило, познаёт совсем другие стороны бытия, и мерить начинает совсем иными категориями.

— Я вот думаю, когда ты, Петя, успел получить докторскую степень по философии.

— А-ха-ха. Как прекрасна молодость, но вместе с тем исключительно опасна собственной недальновидностью. Зачем мне степень в философских науках, когда я прошёл самую главную школу. Ты, несомненно, догадываешься какую, но я озвучу для Мирочки. Так вот, юная леди, запомните, жизнь — наша самая главная и важная наука. Только жизнь способна щедро награждать нас или наказывать — тут срабатывает вечный принцип кнута и пряника — всеми необходимыми знаниями и опытом. А уж как полученными навыками распорядится человек — каждый для себя решает самостоятельно.

— Полно вам, Пётр Аркадьевич, прикидываться стариком. Вы весьма привлекательный мужчина, и я абсолютно уверена, что у вас нет недостатка в поклонницах.

Загороднев расплылся в улыбке и глаза его сверкнули довольством, и я очень надеялась, что не в ответ на моё высказанное мнение о его внешности, но хитрость из взгляда никуда не делась:

— Так поклонницы, Мирочка, отнюдь не из-за внешней привлекательности, а по причине наличия солидного банковского счёта и выписанных мною щедрых чеков.

Я, до этого момента с интересом смотревшая в серые лукавые глаза, после последней произнесённой фразы почувствовала непонятную неловкость. Мы вроде не друзья, чтобы поднимать в разговорах откровенные темы. Я даже ощутила, как предательский румянец опалил щёки и шею. Вовремя вспомнила, что в руках бокал с водой, и спряталась за ним, отпивая мелкими глотками и остужая неловкий подростковый порыв.

— Пётр, прекращай смущать мою жену, — как и раньше, Гера всегда на моей стороне. Душу изнутри омыла волна тепла. Чтобы ни происходило с мужем последние дни, я уверена — наши взаимные чувства слишком глубоки, что им по силам преодолеть все возникшие разногласия и недоразумения.

— Я вынужден попросить у вас прощения, Мирослава Андреевна, — мужчина перешёл на официальное обращение, и голос его растерял дружеское участие, превратившись лишь в делового партнёра. — Я и вправду позволил себе лишнее. Я вижу, что наш московский гость освободился. Пойду пообщаюсь, пока его не перехватили до меня. Всего доброго и приятного вечера, — Пётр Аркадьевич воспользовался весьма удобной отговоркой. Поцеловав мне на прощание тыльную сторону кисти и коротко кивнув Гере, он действительно направился в озвученном направлении. И мы с мужем на пару наблюдали за тем, как двое мужчин завязали непринуждённую беседу.

— Почему на каждом приёме стоит мне отойти, Загороднев тут же начинает крутиться возле тебя?

Прозвучавший от Геры вопрос оглушил своей нелепостью.

— А мне-то откуда знать? Он всего лишь поздоровался, мы перекинулись общими фразами и подошёл ты.

— А ты, как всегда, в своём амплуа: ничего не вижу, не слышу, не знаю.

Я почти слышала, как раздражение булькало внутри него, угрожая незапланированным выходом из берегов. За время нашей совместной жизни для меня стало привычным гасить Герины темпераментные взрывы. Но сейчас я сама, как никогда, нуждалась в поддержке, и абсолютно уверена в том факте, что женщины переживали несчастье, случившееся со мной, гораздо глубже нежели их мужья.

— Давай не здесь. Потерпи, пожалуйста, до дома.

Мою согнутую в локте руку, на которой болтался перекинутый меховой палантин, а на тыльной стороне ладони до сих пор пламенел след недавнего поцелуя Петра Аркадьевича, стиснули жёсткие пальцы. Больно. Я дёрнулась, но другая рука держала напиток в бокале. Ко всему если сильно извиваться то, во-первых, опозорюсь сама, во-вторых, опозорю мужа и в окончании оболую кого-нибудь недопитой водой.

— Больно, — зашипела рассержено.

— Прикуси язык, Мира. С Петром ты не дерзила, напротив лебезила перед ним. А родному мужу нормально ответить не можешь.

Тиски разжались, хотелось прикоснуться к болезненно пульсирующему участку кожного покрова, но обе руки по-прежнему были заняты.

— Возьми бокал. Я опасаясь облить кого-нибудь.

Гера недовольно скривился, но выполнил мою просьбу. А я тут же растёрла горящую кожу, чтобы моментально ощутить успокоение.

— Я тебе ничего не сделал, — мужское недовольство проступило сильнее.

— Так я и не говорю, что сделал. Только ты забываешь, что после больницы прошло не так много времени. Я не успела восстановиться и похудела к тому же. Поэтому всё

ощущается интенсивнее.

— Ещё максимум полчаса, надо пообщаться кое с кем и после поедем домой.

Я облегчённо выдохнула. Отличная новость. Полчаса — это то, что я способна выдержать, не напрягаясь. Оставшееся время муж переходил от одного приглашённого гостя к другому, я же вынуждена была либо стоять в стороне, если беседовали исключительно мужчины, либо перебрасывалась ничего незначащими фразами при наличии прекрасных и не очень дам.

Поездка домой прошла под аккомпанемент гробового молчания. Я мечтала об ужине, потому как собственный желудок достиг апогея возмущения и высказывал претензии не рычанием, а полосующей болью. О чём думал недовольный супруг — не имела ни малейшего предположения. После моего возвращения из больницы я перестала его понимать. Как будто вместе со мной под одной крышей жил абсолютно незнакомый мне человек.

— Ты будешь ужинать? — я поначалу едва ли не бегом бросилась в сторону кухни, но вовремя вспомнила, что не одна и резко затормозив босыми ногами — туфли на шпильке валялись где-то возле входа — обернулась, чтобы задать насущный вопрос.

Оставив меня без ответа, Гера вдруг подался ко мне, нависая сверху мощной фигурой и продолжая наступать, заставляя меня отступать назад, мелко перебирая ногами. Почему у людей нет глаз на затылке? Я впечаталась спиной в комод у стены. Было не больно, скорее я немного растерялась и опешила из-за странного поведения мужа. Я часто моргала, глядя в его почерневшие глаза и никак не могла ухватить суть. Что от меня требовалось? В чём я снова успела провиниться? Гера, схватив за плечи, мотнул меня в сторону, чтобы тут же вдавить в стену. А вот это уже больно. Затылок тоже пострадал, и я поморщилась. Мужские пальцы тем временем впились в челюсть, управляя моей головой словно кукольной, поворачивая в нужную ему сторону.

— Так, о чём ты столь мило беседовала с Загородневым пока меня не было рядом?

— Эм, ни о чём... — Гера странным и непредсказуемым поведением напрягал всё больше. Я ни разу не видела его в подобном состоянии. И на что он окажется способен мне теперь не известно. — Я же говорила, — встряхнула собственное серое вещество, чтобы после испытанного замешательства интеллект вновь стабильно заработал, — о каких-то бессмысленных пустяках. Я даже произнесённые слова сейчас не вспомню, настолько они были малозначимыми.

— Или же ты очень старалась понравиться, улыбалась во весь рот, что не запомнила разговора. А под конец все присутствующие на приёме люди слышали, как ты хохотала над его шутками.

Ах вот из-за чего весь сыр-бор... Я опасалась косых посторонних взглядов, а надо было вести себя аккуратнее, чтобы не спровоцировать собственного мужа. И пришлось вновь включать режим «жены»:

— Гера, неужели ты ревнуешь? — озвучила вслух предположение, казавшееся совершенно невероятным. Не мог же он в одночасье забыть обо всём, что было и есть у нас двоих.

— Мира, я не ревную, — грозное рявканье в лицо, и горячее дыхание опалило щёки, — я не желаю выглядеть идиотом, когда моя жена заигрывает на глазах у толпы людей, бо́льшая половина которых мои деловые партнёры, с посторонним мужиком.

— Я не заигрывала! И вся твоя толпа прекрасно это видела. Он просто посетовал на собственную старость, вот я и рассмеялась.

— И ты говоришь, что не заигрывала? — яростное шипение в ухо. Одна рука продолжала больно впиваться в челюсть, вторая поползла по бедру, собирая ткань платья в гармошку, чтобы найти доступ к коже. Когда его ладонь оказалась на бедре я вздрогнула от диссонанса. Моя кожа прохладная, его — полыхала. Я не чувствовала возбуждения, но от тактильного и эмоционального контрастного всплеска задышала чаще. Острые зубы прикусили мочку.

— Больно, — голос сорвался, выдавая писк.

— А ты не ври.

— Так я и не вру. Зачем мне Пётр, если я люблю тебя.

Вопреки ожиданию рука, ласкающая бедро, сжалась сильнее. На коже к завтрашнему утру точно проявятся мужнины отпечатки пальцев.

— Когда жёны любят, Мира, то не хохочут с посторонними мужчинами, поощряя тех к неформальному общению.

— Гер, ну в самом деле, — говорить трудно, удерживаемая им челюсть побаливала, но я упрямо вознамерилась достучаться до него, — он же первый подошёл ко мне, я его не искала и не стремилась к общению. Мне абсолютно всё равно до тех людей, кто разговаривает со мной на мероприятиях, которые посещаю, между прочим, потакая твоей прихоти. Я просто ждала, когда ты освободишься. Вот и всё.

— А я разве сказал что-то об этом? — пальцы на челюсти наконец разжались, и поползли вниз, ныряя в декольте и обхватывая полушарие груди. Знакомые мурашки тут же побежали по коже, пробуждая все тактильные рецепторы. — Я всего лишь отчитываю тебя за то, что во время беседы с посторонним мужчиной, ты вела себя развязно.

В этот момент его пальцы сжали сосок, причиняя сладкую боль. Ответный спазм внизу живота не заставил себя долго ждать. Поэтому мой мозг и не смог быстро обработать информацию, полученную последней. Болезненный укус чувствительного места под ухом быстро стряхнул липкое марево:

— Я и развязно? Гера, как ты можешь говорить такое?! Особенно после случившегося.

Его ладонь с груди взметнулась вверх и сомкнулась вокруг шеи.

— Не играй со мной, Мира, — когда-то синие словно морская глубина, а сейчас затопленные тьмой глаза прожигали душу насквозь, — советую поверить мне на слово и не проверять на личном опыте. Для тебя игры ничем хорошим не закончатся.

Пальцы сжимались сильнее, ограничивая поступление воздуха, но не лишая полностью кислорода. Мои вдохи стали поверхностными, рваными. Но я не верила, что мужчина, который демонстрировал мне прежде ничего кроме любви, способен на жестокость. Меня пугали перемены в нём, но я не боялась физических угроз. Как бы странно он себя не вёл, в каких бы глупостях не обвинял, я твёрдо знала, что Гера не способен причинить вред женщине.

— Как скажешь, — покорно согласилась с целью успокоить всколыхнувшуюся нежданную ревность.

Он провёл носом по щеке, шумно вдыхая аромат, плотно вжимаясь своим телом в меня. Ладонь с ноги вдруг сместилась к развилке между бёдер и пальцы принялись потирать лоно через ткань белья.

— Гера, что ты делаешь? — голова слегка кружилась, но я не забыла про наказ врача побережь женское здоровье.

— А на что похоже, — хриплый голос резанул по взвинченным нервам, действуя

сильнее любого афродизиака.

— Мне пока рано.

— А мне было нужно ещё вчера.

И я понимала его нетерпение, молодой крепкий мужчина нуждался в женской ласке. Но кто позаботится обо мне, если муж почему-то отказывался вспомнить о взятой на себя ответственности.

— Извини, но я не могу.

— Тогда ты можешь помочь мне другим способом.

Господствующий голос требовал покориться, древняя женская суть вынуждала принять и признать власть над собой доминирующего мужчины, источающего секс каждой порой разгорячённой кожи. Моё нутро трепетало от острейшей нужды подчиниться, чтобы в ответ он наградил удовольствием, сопоставимым с зависимостью от сладкого яда. Тело слишком хорошо знало сколько наслаждения мог доставить супруг, который даже выглядел словно первородный грех. Я вцепилась в его бугрящие бицепсы под рубашкой и отчаянно жалела, что не могла себе позволить поддаться сладкому соблазнительному искушению. Низ живота тянуло от ноющей пустоты. Мне жизненно необходимо её заполнить. Пустота в душе резонировала, намекая что тоже жаждала внимания, но совершенно иного рода. Последняя мысль вновь безжалостно напомнила о том, что моему телу требовался отдых. Липкая порочная пелена постепенно отступала, чтобы оставить после себя противную слабость и подрагивающие конечности. Но в этот раз ноги подгибались уже не от волшебного возбуждения, а скорее из-за пресловутого отсутствия энергетического топлива. Как ни печально признавать, но не позаботившись вовремя о пропитании, сейчас я расплачивалась слабостью, головокружением и резко подступившей к горлу тошнотой. Муж, не замечая возникших во мне изменений, продолжал жадно шарить по телу руками, покусывая и влажно лаская шею. А мне творящееся вокруг показалось каким-то чужим, инородным, происходящим будто не со мной.

— Гера подожди. — Уперевшись в его плечи, попыталась оттолкнуть. Но мои вялые трепыхания не изменили ровным счётом ничего. Тогда пришлось повысить голос: — Гера!

Он уставился требовательным, недовольным взглядом, мысленно передавая, что лучше бы мне заткнуться.

— Гер, меня тошнит от голода. Давай в другой раз, пожалуйста.

Под его скулами моментально заиграли желваки, губы неприязненно поджалась, а почерневшие глаза жгли мою душу без жалости и намёка на снисхождение. Он долго всматривался, выискивая что-то у меня во взгляде. Затем его ладони с моего тела переместились на стену по бокам от лица. А я, чего уж скрывать облегчённо выдохнула и опустила ресницы, временно скрываясь от сверлящего взора. Надеюсь, что он услышал меня и не станет требовать того, что сейчас я дать не в состоянии.

— Мира, первый и последний раз тебе сходит подобное с рук. Я не потерплю, чтобы моя жена вертела задом перед мужиками, а после отказывала мне в близости. Я никогда не уподоблюсь тряпкам, которые позволяют жёнам вертеть хвостами и вытирать ноги о своих мужей. Моя женщина не будет шлюхой нигде и ни перед кем, кроме меня и моей постели.

— Гера! — я задохнулась возмущением в ответ на несправедливое обвинение.

— Мира! — он перебил, не интересуясь отговорками, — я всё сказал. Ты меня услышала. Как поведёшь себя — решать тебе. Но я напоминаю, что любые игры с твоей стороны приведут к печальным для тебя же последствиям. — После чего выдал совсем

шокирующее: — И начни уже нормально есть. От тебя остались кожа да кости. Уже подержаться не за что.

Окатив напоследок мою фигуру презрительным взглядом, он ушёл наверх. А я ещё долго стояла, подпирая спиной стену, пытаюсь понять откуда в любимом человеке появилось столько неприязни по отношению ко мне.

*Заплаканная осень, как вдова
В одеждах чёрных, всё сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.
А. Ахматова, 1921*

Неожиданно для меня в семье воцарился холодный нейтралитет, чего раньше не случалось ни разу. Гера не лез ко мне с выполнением супружеского долга, а я старалась как можно реже мелькать у него перед глазами. Никогда бы не подумала, что моя супружеская жизнь способна превратиться в испытание. Сейчас смешно вспоминать, но выходя замуж по любви я была твёрдо уверена, что уж у меня-то с мужем непременно сбудется пресловутое «и жили они долго и счастливо». Но на деле первый серьёзный шторм, приключившийся в семейной жизни, грозил подтопить нашу лодку, оказавшуюся на поверку с дырявым днищем.

Вместе с тем я не готова вот так просто отвернуться от прежнего счастья. Кто-то, возможно, посчитает меня душой, но я по сей день слишком сильно любила мужчину, с которым связала свою жизнь. Ведь все предыдущие совместно прожитые годы были преисполнены самых светлых чувств. Ссоры случались. Конечно, куда ж без них. Путём проб и ошибок, однако, нам удавалось находить компромисс. И не только я, но и Гера без особых затруднений шёл на уступки. Постепенно мы узнавали, что являлось более значимым друг для друга и я поступалась менее важным для себя в пользу мужа, а тот отвечал мне взаимностью. Мы договаривались, как партнёры на переговорах. И до чудовищного события, приведшего меня на больничную койку, наш план работал. Не без сбоев, но тем не менее мы могли с гордостью утверждать, что наша семейная жизнь удалась. Поэтому я до конца не оправившаяся от трагического горя, заставлявшего кровоточить собственное нутро, крошила зубную эмаль, но упёрто не шла на открытое противостояние. Заняла позицию выжидания. Ибо мне катастрофически не хватало информации.

Почему Гера так резко переменял отношение ко мне?

И пока я не получила ответа на главный вопрос, не было смысла гоняться за ветряными мельницами. «Хотя я в принципе могла бы...», — посмеялась про себя над собственной глупостью. Но сейчас у меня не хватило бы жизненных сил, чтобы сражаться на два фронта. Отложив свои внутренние переживания из-за личной беды, я сосредоточилась на мужчине, который слишком важен для меня. Был всегда и таковым останется пока я дышу.

— Привет, подруга. Извини за опоздание. — Маринка чмокнула в меня щёку, слегка приобнимая. Отстранившись, я поёжилась от резкого порыва холодного ветра, что от неё не укрылось: — Что же ты на улице стоишь? Зашла бы внутрь. Сегодня прохладно.

— Привет, Мариш. Ничего страшного. Я специально осталась снаружи. Такое чувство, что больничный запах вьелся в меня напрочь. И сколько бы я не мылась, он продолжает раздражать обоняние. Поэтому предпочитаю мёрзнуть снаружи, чем греться в больнице.

— Хватит мёрзнуть, пошли скорее.

Марина поторопилась зайти в помещение, и она вряд ли бы верно оценила робость с моей стороны. После долгого лечения в данном учреждении я не торопилась возвращаться обратно. Даже если мне предстоял плановый осмотр, всё равно чувства не из приятных. Подруга выжидала в проходе, придерживая для меня дверь, и вопросительно поднимая бровь:

— Чего застряла? Сейчас заморозим всё приёмное и нам по башке надают. И правильно сделают.

Не успела оказаться внутри, как специфический запах тут же ударил мне в ноздри. Делая унылое настроение ещё более мрачным. Оставив верхнюю одежду в гардеробной, мы поднялись на третий этаж к моему лечащему врачу. Я постучала в дверь и боязливо заглянула в приоткрытую щёлочку:

— Иван Сергеевич, к вам можно?

— А, Мирослава Андреевна. Конечно, проходите, жду только вас.

Лучше бы он не говорил последнюю фразу. Я категорически не хотела, чтобы доктор ждал меня для чего бы то ни было. С трудом удержалась от гримасы неприятия. Обернувшись к подруге, убедиться, что она по-прежнему рядом, и мы наконец вместе прошли в кабинет, чтобы расположиться: я на стуле напротив доктора, сидящего за рабочим столом, Маринка присела неподалёку, на смотровой кушетке. Я заметила, что она тоже непроизвольно сжалась в комок, вцепившись побелевшими пальцами в сумку, которую придерживала на коленях. И весь её напряженный внешний вид кричал, что она мечтала убраться отсюда как можно быстрее.

— Результаты анализов готовы? — Несколько дней назад я ранним утром приезжала, чтобы медсестра взяла у меня все возможные биологические жидкости для проверки хода лечения.

— Да, Мирослава Андреевна. Я их видел и весьма доволен результатом. Сейчас, минуточку. — Взрослый мужчина около пятидесяти лет сосредоточенно рылся в компьютере, водя мышкой по столу и стуча по клавиатуре, — нашёл. Сейчас мы с вами всё тщательно прочитаем и удостоверимся. Так-так... Да, всё отлично. Вы пока проходите за ширму, раздевайтесь. И, как обычно, забирайтесь на смотровое кресло. Кстати, а где Георгий Родионович? Он разве не подъедет?

Я замаялась, испытывая неловкость: — Нет, сегодня я с подругой. Муж занят на работе.

Доктор важно покивал в ответ: — Тогда подруга продолжает сидеть на кушетке, а вам, пациентка, стоит поторопиться. После вас у меня есть люди по записи.

Осмотр не занял много времени. Тщательно ощупав всё, что требовалось, Иван Сергеевич великодушно разрешил одеваться. Натянув джинсы обратно на положенное им место, я вернулась к рабочему столу доктора.

— Ну, что скажете, Иван Сергеевич?

— А что говорить? Вы в полном порядке, оправились полностью. Но я и не сомневался. Организм молодой, сильный.

— Я смогу в будущем иметь детей? — ответа на вопрос исключительной для себя важности я ждала, замерев в испуге. Перестала дышать. Даже сердце похоже приостановило свой заполосный стук, тоже дожидаясь ответа наравне со мной.

— Что за глупости вы себе вообразили, Мирослава Андреевна? Вы же молодая, здравомыслящая женщина. Негоже верить в предрассудки и суеверия.

Доктор меня пристыдил, но смысл сказанного нещадно ускользал. Мне требовался простой, однозначный и максимально понятный ответ — «да или нет» вполне подходили, потому как это единственные слова, что мой скованный ужасом разум был в состоянии осмыслить.

— Иван Сергеевич, вы можете просто ответить?

Он неодобрительно из-под бровей зыркнул в мою сторону, но сжалился:

— Разумеется у вас будут дети, Мирослава Андреевна. Нет никаких предпосылок к обратному. Случившееся с вами, к сожалению, не такая уж редкость. Единственное, теперь необходимо обратиться в центр планирования, и там вас уже более полно и правильно проконсультируют. Но, как врач, я советую перед второй попыткой сделать существенный перерыв. В настоящее время после выкидыша, предположительно на двенадцатой неделе беременности, но принимая во внимание возникшие осложнения в процессе, я советую вам отложить зачатие как минимум на год. Хотя лично от себя добавлю, что чем больший перерыв вы сделаете, тем лучше для благоприятного течения и завершения следующей беременности. Некоторым женщинам порой требуется до пяти лет. Каждый организм сугубо индивидуален, Мирослава Андреевна, не забывайте об этом и не поддавайтесь панике, тогда всё сложится хорошо.

Я похолодела. Пять лет — это слишком долго. Мы с Герой женаты семь лет, последние два года из которых, не предохранялись. После многих месяцев тщетных попыток, я решила на полное обследование, потому как свекровь, Елена Викторовна, поездом меня ела, в каждом разговоре попрекая, что у неё до сих пор нет внуков, а у Геры — наследников. Как будто мне личных переживаний не хватало. Но она сделала всё возможное и невозможное, чтобы я и Гера поняли и прониклись насколько важно для неё будущее потомство.

В общем я пошла по врачам, не только из-за собственных страхов о возможном бесплодии, но также под давлением неуправляемой свекрови. Чтобы избежать повода и не дать ей обвинить меня и врачей в предвзятости и взяточничестве, я посетила два крупных медицинских центра нашего города, чтобы в итоге услышать единогласное — вы абсолютно здоровы, пытайтесь дальше. Либо приходите на ЭКО, если естественные попытки ни к чему не приведут.

В последствии я кое-как уговорила Геру тоже сдать анализы, на всякий случай. Это послужило причиной, пожалуй, самой крупной семейной ссоры, но я твёрдо стояла на своём, раз за разом объясняя супругу, сколь много значило для меня материнство. Наше с ним противостояние заняло ещё несколько месяцев. В конце концов муж смирился, прошёл всё то, через что прошла я в своё время (правда в единичном формате, а не двойном, как я). И мы услышали точно такой же диагноз — вы совершенно здоровы, продолжайте попытки.

Поэтому узнав, что теперь в течение года, с перспективой на следующие пять лет мне предстоит выслушивать стенания родни Геры о моей бесплодности и неспособности выносить наследника их обожаемому сыночку, я отчаялась. Даже руки опустились, ненадолго, но всё же.

— Не огорчайтесь раньше времени, Мирослава Андреевна. У вас всё впереди. Вот увидите, у вас будут дети. Попомните мои слова. — Видимо мои мысли явственно проступили на лице, раз уж доктор снизошёл до сочувствующих речей и жалостливого взгляда, который скорее раздражал вместо того, чтобы успокоить. Но доктор меньше всего виновен в моих личных бедах, поэтому растянув губы в подобии улыбки, поблагодарила.

Коротко, но искренне, потому что благодаря профессионализму именно этого человека я всё ещё здесь:

— Спасибо, Иван Сергеевич.

— Распечатку анализов я сейчас для вас сделаю, а также напишу своё заключение.

Когда мы с Маринкой вышли на улицу я жадно глотала прохладный воздух, будто долгое время провела без кислорода, отчего никак не могла надыхаться.

— Эко, тебя повело, Мирка. Пойдём-ка посидим в кафе, кофейком побалуемся да тортиком.

— Надо Володю предупредить.

Пока я звонила Владимиру, Марина по карте в мобильном телефоне определила ближайшее кафе. И через пятнадцать минут мы уже наслаждались капучино и куском чизкейка — подруга, я — чаем с лимоном и лимонным же пирогом.

— Что между вами происходит? — первым делом обеспокоенно поинтересовалась Марина, даже не прикоснувшись к десерту.

— Ты о чём? — в отличие от неё я испытывала острую нужду в положительных эмоциях и, как ни странно, сладкий десерт — это единственно доступный вариант из всех возможных на текущий момент.

— Про тебя и Подольского, — ехидно ухмыльнулась она, неприкрыто намекая, чтобы я не увилывала.

— Марин, если бы я знала. После моего возвращения из больницы его будто подменили. Он стал злой, раздражительный. Каждый день — как битва полов. Я его просто не узнаю.

— А ты не пробовала спросить прямо, что, собственно, случилось?

— Ты меня за дуру держишь? — вспыхнула, — безусловно я пробовала и не один раз. Но он только бесится и ничего не говорит. Придумывает миллион отговорок, что я никудышняя жена и лучше бы мне обратить внимание на собственное поведение, чем упрекать его. Но откуда мне знать, на что обращать внимание, если я понятия не имею в чём он меня подозревает.

Выдав тираду на одном дыхании, я вновь вернула взгляд в тарелку. Настроение паршивое, десерт не помогал, как итог — с психом и звоном швырнула ложку обратно в тарелку.

— Ладно, не нервничай. Рано или поздно всё разрешится. Подольский с тебя столько лет пылинки сдувал, имеет же мужик право на усталость в конце концов. Может он хочет женского внимания от тебя. Как у вас с ним в постели, порядок?

— Марин, нет там никакого порядка, сплошной беспорядок, — сходу, даже не задумываясь о сказанном, я выплёскивала на неё наболевшее, — мне было нельзя, ко всему слабость постоянная из-за сильной кровопотери после выкидыша. Какая из меня соблазнительница, если голова кружилась и тошнило? Он как-то настоял на оральных ласках, но в итоге меня вывернуло, еле до унитаза добежала. Так что нет у нас никакого порядка.

— Ну, ты даёшь мать... Не знала, что всё настолько плохо.

— А ты? Не заездила своего шефа? — отвлекла её внимание от себя, иначе опасалась скатиться в позорную истерику.

— А то, — брюнетистая бестия подмигнула из-под густой чёлки голубым глазом, — его жена небось локти кусает, гадая почему благоверный перестал заглядывать в её постель.

— Ох, дошутишься, Маринка, — попыталась образумить подругу, чей темперамент

порою покидал границы, — не забывай, что даже та женщина, которая простит и забудет, если представится подходящий случай — непременно вспомнит со всеми мельчайшими деталями и отомстит со всей женской изобретательностью. Что в переводе на простой человеческий язык означает — мало никому не покажется.

Она же беспечно отмахнулась:

— Тю, пушай мстит сколько угодно и кому угодно. На мне, сама знаешь, где сядешь, там и слезешь. Кстати, Серёжка предложил съездить с ним на Мальдивы. Я уже подбираю новый отпускной гардероб при живейшем участии его банковской карты. Хочешь, присоединяйся, в один из выходных я отправлюсь по магазинам.

— Не могу, — погрустневший голос выдавал, что обречённость накрыла меня с новой силой, — завтра приезжают Герины родители... Семейный обед...

— Сочувствую.

— Спасибо. Хорошо, что тётя Маша никуда не уехала, она хоть как-то умудряется сдерживать Елену Викторовну.

— Да, твоя свекровь та ещё стервь. Всю кровь выпьет и на костях станцует под звон шаманского бубна.

— Ма-рин..., — голосом укорила разбушевавшуюся подругу.

— Да ладно тебе, Мирка. Мы обе знаем, что это правда, но почему-то только я не боюсь произнести её вслух, — подруга не стеснялась меня подначивать.

— Возможно потому, что я как-никак живу с её сыном под одной крышей, — после собственных слов грустно усмехнулась. Но скорее про себя, чем для виду. Ей-то легко обсуждать чужих людей, а меня сдерживало слишком много условностей, да и воспитание не позволяло опускаться до уровня хабалки.

Телефонная трель раздалась из моей сумки.

— Привет, Гера. — Сегодня мы не виделись, потому что он уехал на работу до моего пробуждения.

— Где тебя носит?

— Я же предупредила Володю. После больницы, мы с Маринкой зашли в кафе выпить чаю с пирожными.

— Мира, — злобное рычание, — твой муж — я, а не Володя. Почему меня ты не предупреждаешь, что задержишься?

— Извини. Что-то случилось? Из-за чего внезапная срочность?

— В следующий раз будь любезна сообщать мне лично об изменениях в твоих планах.

После чего связь разъединилась, видимо он бросил трубку, а я продолжала недоуменно пялиться на телефон в руке.

— И что это было? — спросила у телефона, но ка бы он знал...

— Подольский лютует? Что на этот раз? — поинтересовалась Марина.

— Да. Теперь причина в том, что я предупредила Володю, а не его. В прошлый раз было наоборот, вроде: зачем ты мне названиваешь по всяким пустякам, когда у меня важное совещание. Звони своему водителю, если надо, он меня предупредит.

— М-да. Теперь я ещё больше радуюсь, что в своё время рассталась с подонком Самохиным и не успела выскочить за него замуж. Нескучная, как я погляжу, жизнь-то семейная.

— Ага, замуж выйти не напасть, лишь бы замужем не пропасть. Почему я раньше не задумывалась?

Вечером я с некой долей опаски ждала возвращения мужа домой. Он задерживался, и прождав полчаса сверх обычного времени его возвращения я всё же решила позвонить. Мой звонок Гера сбросил, а через секунду пришло сообщение: «Ужинай без меня. Буду поздно». Действительно, для чего стремиться выскочить замуж, чтобы после вместо положенных новому замужнему статусу преференций выслушивать кучу безосновательных претензий и ужинать в одиночестве. Уснула я раньше, чем Гера вернулся.

Очнулась в кромешной темноте и от того, что меня сверху придавило большое тяжёлое тело, тогда как я лежала на животе. Кто-то натужно дышал в затылок, опираясь на локти по бокам от меня. Я часто заморгала, напрягая зрение, но увидеть ничего не смогла, зато окончательно проснувшись поняла, что на мне пыхтит Гера, а внутри меня ходит поршнем его длинный член.

«Эм, а что собственно говоря происходит?» — задалась про себя вопросом, который даже спросонья показался глуповатым. Потому как ответ был в общем-то очевиден. Но я впервые угодила в столь необычную ситуацию. Муж решил не заморачиваться по поводу моего согласия и ненужной прелюдии, а попросту решил сделать свои дела по-быстрому пока я спала?

— Мм, Гера? — позвала несмело.

— Конечно, я, глупышка. Или ты хотела кого-то другого, — похабный смешок в затылок.

— Что за глупости, — фыркнула недовольно, — просто что ты делаешь? — ляпнула очередную глупость, но разве я не имела права слегка растеряться?

— Я беру то, что по праву моё... Мм, малышка, в тебе так хорошо, — он протяжно застонал мне в шею и задвигался активнее.

Я растерялась окончательно, возбуждения не было и, судя по всему, не предвиделось. Геру по ходу всё устраивало, он видимо не собирался меня будить. Но неожиданно мои бёдра сами подались назад, тело помнило, как ему нравилось и не собиралось ждать, пока хозяйка определится с личным отношением к происходящему.

— Да-а, Мирочка, умница, так намного лучше, — явно довольный муж переплёл наши пальцы и увеличил амплитуду своих движений.

Меня наконец накрыло волной возбуждения, и я, поддавшись соблазну отринула ненужные размышления и сомнения. Раз всё складывалось удачно, то я тоже не против вкусить свою порцию блаженства.

— Как же мне этого не хватало, Мир-ра. — Беспорядочные поцелуи осыпали плечо, лопатку и часть шеи: — Малышка моя.

Его пальцы крепко поджимали мои, горячая грудь почти вдавилась в спину. Из меня начали вылетать короткие выдохи-стоны. Вес мужского тела со спины будоражил, разжигая желание, вознося его на новую высоту. Вдруг Гера напрягся, подался чуть вверх, вынуждая меня вслед за ним сильнее выпячивать попу, из-за чего проникновения стали глубже, томительней, заставляли подрагивать низ живота в истомном предвкушении. Но через несколько толчков муж зарычал и вскоре обмяк, окончательно вжимая меня в матрас. Дыхания не хватало, и я завозилась, прижатая тяжёлым весом. Он перекатился на спину, давая мне возможность сделать полноценный вдох, тогда я тоже перевернулась, укладываясь ему под бок и закидывая колено сверху, попутно лаская кончиками пальцев влажную от пота и разгорячённую кожу его груди. Я вслушивалась в его шумное дыхание и млела от мужской руки на своём плече.

— Гер, а продолжение будет?

— Я в душ. А ты спи, рано ещё, — он резко и неожиданно подскочил с кровати и скрылся в ванной комнате, не подарив напоследок даже утешительного поцелуя. М-да, не такого ответа я ожидала. Пошла за ним и застала тот момент, когда муж выбрасывал использованный презерватив. Тут меня осенило, может в этом всё дело! Мы кроме самых первых моментов интимной жизни почти никогда не использовали презервативы. Учитывая кипучий темперамент Геры, я вскоре начала принимать противозачаточные таблетки, и пила их вплоть до того момента, как два года назад мы решили, что настала пора заводить детей, поэтому ни о какой защите речи больше не шло. Теперь же мне противопоказано беременеть, но и таблетки я пить не торопилась. Кто бы знал, вдруг причина моей неспособности «залететь от взгляда», как, бывало, судя по рассказам в женской консультации других девушек-счастливец, крылась именно в гормональных контрацептивах. Гера заметил меня и, шагнув под душ, высказал вслух то, о чём я только что раздумывала сама:

— Презервативы отстой. Нужно что-то решить с контрацептивами.

— Согласна. Но таблетки ближайший год я не хочу принимать, чтобы потом опять не пришлось пытаться зачать два года.

— Спираль? Или что там у вас женщин бывает...

— Спираль как правило для рожавших. Может не в меня?

— Давай так. Но ты ведь понимаешь, что это не даст полной гарантии?

— Презервативы отстой, — напомнила ему то, с чего начался разговор. — А что насчёт продолжения? — Зашла за стеклянную перегородку душевой в надежде соблазнить на второй раунд: — Я не успела, но теперь очень хочется.

Пока водила ладонями по мощной спине, поднимаясь к плечам, Гера упрямо молчал. Вскоре мыльная пена окончательно смылась напором воды, он развернулся, и мои кисти рук оказались зажаты в тиски. Принудительно опустив мои руки вниз, он отстранил меня от себя, чтобы я сделала шаг назад. И как только это произошло невозмутимо вышел из душевой и принялся спокойно растираться полотенцем.

— Гера? — упрямо не оставляла попыток разобраться в перемене мужского поведения.

— Что, Мира? Я не готов к продолжению. Тем более завтра, хотя правильнее будет сказать сегодня — непростой день. Надеюсь, ты не забыла, что мои родители приедут на семейный обед?

Разве о подобном можно забыть? Одна свекровь стоит того, чтобы прикинуться больной, глухой, немой и далее по списку.

— Лично я ложусь спать. Тебе советую сделать тоже самое. — Он закончил вытираться и вышел из ванной, оставляя меня в одиночестве и растерянности.

«Ему-то легко говорить «ложись спать», он заснёт через минуту после того, как уронит голову на подушку, а мне усмирять растревоженные гормоны», — тихо и обиженно ворчала в отсутствие мужа. Но выбора не было, поэтому я встала под струи прохладного душа, предварительно скрутив волосы в пучок, чтобы не намочить.

«Только бы пережить сегодняшний день», — моя первая мысль, после того как проснулась утром. Свет ярких солнечных лучей пробивался сквозь неплотно сомкнутые шторы. День обещал быть чудесным, радуя отличной погодой. Если бы не визит родственников... Обернулась в сторону второй половины кровати, но Геры в комнате уже не было. Мне тоже следовало поторопиться, чтобы помочь Марии Мстиславовне с приготовлением обеда. Выйдя из ванной умытой и причёсанной, я споро заправила постель. Натянула вчерашние джинсы и футболку с длинным рукавом и поспешила вниз. По пути на кухню заглянула в кабинет и столовую, но мужа нигде не было.

— Доброе утро, Мирушка, — радостно поприветствовала меня розовощёкая тётя. Её тёмные с проседью волосы были убраны в низкий пучок, а боковые пряди прихвачены невидимками. Чистый фартук, как всегда, одет поверх домашнего платья. Тётя Маша — аккуратистка во всём, но особенно когда готовила еду.

— Доброе. Ты не знаешь случайно, где Гера?

— Так он уехал по делам. Но клятвенно заверил, что к обеду непременно вернётся. — Заметив во мне перемены, тётя Маша поспешила оправдаться, причём не за себя, — не расстраивайся Мирушка, мы с тобой вдвоём скоренько сварганим обед. Ты только позавтракай для начала. А там сама не заметишь, как твой Герушка вернётся. Уж приезд родителей он точно не пропустит.

— А вот я бы пропустила его с большим удовольствием, — ляпнула вслух. И осознав сказанное, всё же Родион Мстиславович родной брат тёти Маши, прикрыла ладонью рот, — прости тётушка, вечно я болтаю не впопад.

Но она, поглядывая с хитрецей, наоборот хохотнула:

— Не извиняйся. Мне ли не знать как невестка одной фразой способна довести до состояния крайнего кипения.

Я расслабилась обрадованная обстоятельством, что не обидела Марию Мстиславовну, но тем не менее сделала себе самовнушение: «Сегодня ни в коем случае нельзя вестись на провокации. Всего один день, Мира».

После завтрака мы с тётей Машей вертелись как белки в колесе, обед включал первое, второе, десерт, множество салатов на любой даже самый взыскательный вкус. А ещё следовало накрыть стол на пять персон, соблюдая по возможности каноны сервировочного этикета. Иначе Елена Викторовна будет недовольной, а когда матушка Георгия недовольна об этом незамедлительно узнавали, а после долго жалели все «везунчики», которым не посчастливилось оказаться поблизости от неё. Поэтому чтобы задобрить строгую женщину, я решила украсить обеденный стол и комнаты первого этажа пионами с заднего двора, заботливо выращенные дедом Василием.

Я суетилась в столовой, когда услышала шум подъезжающего автомобиля. Подскочила к окну, нетерпеливо выглядывая из-за тюля, но едва заметив марку машины моя надежда сдулась лопнувшим шариком. Гера не вернулся. Зато пожаловали родственнички. «Спокойствие, Мира, только спокойствие». Побольше глубоких вдохов-выдохов. Ещё больше вдохов... Но сердце грохотало, срываясь в бешеный темп, а ладони потели, становясь при этом ледяными. Я вытерла их об джинсы и вздёрнув повыше подбородок направилась встречать гостей, не оставляя же их на улице в ожидании оболтус-сына.

Открыла дверь в тот самый миг, когда свёкор собирался сделать это сам. Растянула губы в самой широкой улыбке, на которую была способна. «Лишь бы лицо не лопнуло от натуги», — подумала в последний момент.

— Здравствуйте! Как хорошо, что вы приехали. Проходите, пожалуйста, мы все вас очень ждём.

— Кто это все? — можно по тексту и без звука догадаться, что таким образом поздоровалась Елена Викторовна.

— Здравствуй, Мира, — Родион Мстиславович воспитан не по примеру жены.

— Проходите, пожалуйста, в каминную комнату, — предложила гостям, но моя последняя фраза оказалась без надобности людям, чувствовавшим себя в особняке гораздо больше хозяевами, в отличие от меня.

Мне оставалось послушно семенить следом, костеря про себя на все лады Геру. Ведь ему прекрасно известен характер мамули. Неужели так тяжело хотя бы один день взять на себя сыновьи обязанности и не перекладывать их на мои нервные плечи. У меня, в отличие от мужчин Подольских, не было иммунитета к змеиному яду, вырабатывавшегося у них десятилетиями. За семь лет, что я замужем, мне так и не удалось найти подход к этой воистину экстраординарной женщине.

Не уверена на сто процентов, но мне показалось что Елена Викторовна сегодня выглядела чуть иначе чем в нашу последнюю встречу, когда в середине лета мы с Герой приезжали на день рождения свёкра. Но за преобразованиями свекрови не угнаться. Не хотелось бы судить, однако я искренне надеялась, что, дожив до её возраста я научусь смотреть в зеркало с долей саркастичной философии, что-нибудь в духе Ф. Раневской: «Старость — это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идёт на анализы». Но тем не менее нельзя не отдать должное её королевской осанке, умению себя подать и выглядела она всегда так, будто только вернулась из Букингемского дворца. Костюм в стиле Шанель, туфли на обязательном каблуке, гарнитур из драгоценных камней под цвет наряда и причёска волосок к волоску. Я не припомнила случая, чтобы застала Елену Викторовну в расхристанном виде. А слов «джинсы» вызывало у неё изжогу. Наверно нелюбовь Геры к названному предмету гардероба (избранная нелюбовь, касающаяся исключительно меня, себя то он джинсами не обделял), передалась ему от матери вместе с удивительным цветом глубоких синих глаз. Чертами лица и телосложением мой муж всё же пошёл в отца, потому как Елена Викторовна Подольская всегда акцентировала внимание на своей безупречной внешности с утончёнными чертами, синими глазами, русыми волосами и худощавой фигурой среднего роста. Тогда как её муж был темноволос, кареглаз, с атлетически развитым и несколько приземистым телосложением. Но он также как и его супруга явился на заурядный семейный обед при полном параде: в костюме, идеально подчёркивающим его величавую статью, и при галстук.

— Предложить вам что-нибудь выпить?

— А где Гоша?

Разумеется мои слова никого не интересовали.

— Гера уехал по делам, но обещал вернуться к обеду, — дословно передала то, что сама узнала лишь от тёти Маши.

— Никакого воспитания, — посетовала гадю..., то есть Елена Викторовна. Мне пришлось отвернуться иначе губы растягивались в многообещающий оскал. Кто бы говорил о воспитании мадам. — Это сказывается твоё влияние, Родик, — мужу тоже доставалось не

меньше других, — вместо того, чтобы встретить мать на пороге он куда-то уехал. Сегодня выходной, какие могут быть дела?

— Леночка не горячись, я уверен..., — но в чём был уверен Родион Мстиславович я так и не узнала.

— А ты ничего не скрываешь? — пристальный, изучающий прищур синих, как у сына глаз, в мою сторону заставил меня непроизвольно съёжиться. Но правда-то на моей стороне:

— А что мне скрывать? Гера заверил, что вернётся точно в срок, без опозданий.

— Не знаю, не знаю. Странно, всё же выходной день, и мы заранее договорились о встрече. В итоге мы приезжаем, а его нет... Мира, может он завёл любовницу?

Что?! Эта женщина в своём уме? Я открыла рот, чтобы вывалить на безумную все свои сокровенные мысли, взращиваемые мною последние семь лет, которые как порядочная невестка прятала поглубже дабы не становиться камнем преткновения между матерью и сыном. Мужественно терпела все придирки и поучения, даже сносила оскорбления, хотя в такие моменты мужская половина семьи Подольских вставала на мою защиту, по возможности ограждая от несправедливых нападков. Но как известно рано или поздно всему наступал конец.

«Это провокация, Мира. Сохрани спокойствие». И даже жаль, что холодная и трезвая мысль, проявившаяся, как нельзя кстати, остудила запал. Я бы не отказалась расставить точки над «и» или «ё», что со свекровью, что с её сыночком.

— Лена, ну какая любовница, не болтай глупости, — высказался Родион Мстиславович. А я, улучив момент, захлопнула рот, чтобы молча развернуться и отправиться вон из комнаты.

— Мира, ты куда? — недоумение в женском голосе не могло не порадовать.

— Поскольку вы не желаете ничего из напитков, то я должна помочь тётке Маше накрыть на стол. Чувствуйте себя как дома. — Послала напоследок «приветливую» улыбку в адрес гостей, и мне оставалось надеяться, что вышло не столь же ядовито, как у свекрови, а после почти бегом устремилась на кухню.

— Приехали, — обречённо выдохнула, оказавшись на дружеской территории.

— Слышала. Давай-ка, бери поднос с салатами и марш в столовую. Я пока проверю мясо в духовке, — тётя Маша раздавала указания хорошо поставленным командирским голосом.

Естественно, произошло то, чего я боялась, но не переставала надеяться на положительный исход — Гера всё-таки опоздал. Я и Мария Мстиславовна мужественно приняли удар свекрови на себя. Вот уже полчаса как стол накрыт, гости в наличии, а хозяин дома бессовестно отсутствовал.

— Мира, ты звонила мужу, как я тебя просила?

Будто она сама не знала, что такое мобильный телефон, или номер её обожаемого сыночка не вбит на быстром наборе.

— Звонила, — в десятый раз повторила тоже самое, — он не отвечает, но я оставила сообщение.

— Полнейшее безобразие. Не понимаю, как можно относиться к своим родителям настолько неуважительно.

— Что ты хочешь, Леночка, другие времена, другие нравы. — Родион Мстиславович усиленно налегал на коньяк, который самостоятельно разыскал за время моего отсутствия, и я уже реально начала опасаться, как бы «дорогие» гости не остались с ночёвкой.

Когда за окном послышался шум колёс, мне кажется, я услышала облегчённый, но главное слаженный выдох четверых «скованных одной цепью обстоятельств» людей. Я выскочила к входной двери первой, мне был нужен любой даже самый маломальский предлог, чтобы сделать поток воздуха, которым не дышала со мной одновременно Елена Викторовна Подольская.

Геря вошёл в дом широким шагом, чувствуя себя хозяином жизни. Я едва дёрнулась, чтобы обнять супруга по привычке, но он вдруг обернулся назад. Любопытно проследив за его поворотом головы и взглядом, не сдержала разочарованного стога: «Этот что здесь забыл?» Муж услышал и, вернув внимание ко мне, неодобрительно покачал головой. Я же, резко расхотев объятий, вернулась на кухню за дополнительным комплектом приборов. Намеренно задержалась подольше. Постояла у окна, обнимая себя за плечи и вдруг сообразила, что не переделалась. Но внутренне махнула рукой на вероятное недовольство мужа по этому поводу, настроения прихорашиваться не было. А если свекровь вздумает пропесочить меня насчёт ненадлежащего внешнего вида, так одной претензией больше или меньше, какая собственно разница. Выпила стакан воды и снова застыла у окна. Не знала, что твориться в столовой, но выяснять не было ни малейшего желания. Задержалась я основательно, что даже тётя Маша вынужденно заглянула на кухню, явно разыскивая меня:

— Тебя будто за смертью посылать. Чего застыла?

— Сейчас подойду, начинайте без меня.

— Ты это брось, Мира. Зачем обращать внимание на глупую женщину, будь выше её придинок.

— Знаю, я всё знаю. Я подойду, тётушка. Скоро...

Если бы я не любила мужа до помутнения рассудка и при других обстоятельствах, наличие подобной свекрови стояло бы главной причиной в моём заявлении о разводе.

— Мира, я думала ты переоденешься.

Конечно, а я не сомневалась, что ты непременно ткнёшь меня носом в очередную провинность, которую надумала твоя неубиваемая жажда следовать правилам устаревшего этикета, выпестованная до грани безумия. Но мы ведь «семья», как бы жалко не звучало это слово рядом с Еленой Викторовной, поэтому:

— Я тоже так думала, но обед предполагался в кругу семьи, поэтому к чему условности, — бросила красноречивый взгляд на её сыночка, который сидел во главе стола в джинсах и рубашке, не заморачиваясь с переодеваниями. Свекровь мой посыл поняла и недовольно нахмурилась.

Справа от Геры осталось свободное место, и я прошла к нему. Муж даже встал и предусмотрительно отодвинул для меня стул, как только я приблизилась.

— Привет, Мира. Мы не успели поздороваться. Ты быстро убежала, — подал голос незваный гость. Хотя я была единственным человеком, кто считал его незванным. Для мужа и его родителей Прохор почитай, что родственник.

— Здравствуй, Прохор. Теперь поздоровались.

Странные взаимоотношения сложились между мной и другом Геры со школьной скамьи. Вроде и делить нам с ним было нечего, но я не могла заставить себя находиться подолгу рядом с ним. Этот человек во мне кроме гадливости, никаких других эмоций не вызывал. Разве что мне постоянно казалось, что от него можно запросто ожидать подлого удара в спину. С виду Прохор Антошин совершенно не выделялся среди миллионов обычных людей. Ничем не примечательная внешность: среднее телосложение, средний рост, черты

лица вроде и правильные, но тоже какие-то средние. Но должна признать, что при этом девушек он менял... Я через полгода после того, как Гера нас познакомил перестала запоминать имена спутниц Прохора. Подозреваю, что всякий раз, когда он являлся не один, то девушки подле него не повторялись. Первое время я даже опасалась, если Гера уходил на какой-нибудь сабантуй строго для «мальчиков» вместе со своим школьным другом. Но муж ни разу не дал повода для обоснованной ревности, и со временем, что было весьма непросто, я успокоилась. Сейчас же Прохор мне больше напоминал чирей на пятой точке — не вспомнишь, покуда не сядешь.

После того как тарелки наполнились, и присутствующие наконец приступили к тому, для чего, собственно, и собрались в нашем доме, я, напротив, внутренне сжалась от внезапной дурноты. Кусок отказывался лезть в горло и мне приходилось возить ложкой в тарелке с супом, который, не обращая внимания на моё минорное настроение, пах восхитительно. Ещё бы, любая стряпня Марии Мстиславовны пахла так, что любой будет готов съесть еду вместе с посудой. Но волшебному аромату оказалось не по силам пробудить желание насладиться кулинарным шедевром. Как и следовало предположить, через пять минут после начала трапезы неугомонная свекровь перешла в любовую атаку.

— Когда ты последний раз была у врача, Мира?

— Вчера.

— И... Как прошло лечение? Какие прогнозы?

Я неуверенно взглянула на сидящего слева мужа, увлечённо поглощающего крем-суп, затем на тётю Машу, расположившуюся по другую сторону от меня, и которая неодобрительно покачивала головой и досадливо поджимала губы, посылая говорившей многозначительные взгляды. Разве это прилично обсуждать чьё-то здоровье, особенно женское, на семейном обеде? Я не знаток правил общения в высшем обществе, но что-то мне подсказывало, поднятая тема далека от приличий, страстно обожаемых Еленой Викторовной. Но издеваться надо мной, свекровь видимо любила ещё больше. Дополнительным раздражающим фактором являлось присутствие за столом одного постороннего человека. Даже то обстоятельство, что он был совладельцем компании Геры, а также его другом, не делало его членом семьи, по крайней мере для меня.

— Мира, что же мне из тебя клещами тащить ответы? — свекровь рассержено приструнила мою нерешительность.

— Просто не хотелось бы портить аппетит присутствующим интимными подробностями.

— Деточка, за столом все взрослые люди, к тому же мы одна семья. Никакого стеснения или неудобства, а уж тем паче потери аппетита не предвидится. Я все ещё жду ответа на вопросы, Мира.

Оставив ложку в покое, я переплела руки в замок на коленях, прикрытых тканевой салфеткой. Призывая всё имеющееся мужество и терпение, чтобы пережить должно быть одну из самых кошмарных встреч с родственниками.

— Врач сказал, что лечение закончено. Я прошла курс восстанавливающей терапии. Теперь всё в порядке.

— И когда вы начнёте работу над новым ребёнком?

Но перед чёрствой свекровью любое терпение иссякало за секунду. После последней произнесённой ею фразы я вновь вцепилась в ложку одной рукой, вилку схватила другой, кровожадно мечтая, чтобы мои ногти как следует исполосовали отшлифованное

косметическими хирургами лицо матери моего мужа. Как вообще можно говорить подобное?! Кто называет ребёнка новым? А предыдущий, выходит, старый, что ли? И если он погиб, не успев родиться, то неужели допустимо высказываться о нём пренебрежительно?! Кто бы ни был на небесах: высшие силы, провидение или сама судьба, но, пожалуйста, дайте мне сил пережить сегодняшний день.

— С этим не стоит торопиться, — процедила сквозь зубы, испепеляя неповинную тарелку супа ненавистным взглядом, который предназначался совсем иному адресату.

— Лена, тебе не кажется, что Мира достаточно натерпелась. Какая нужда ворошить недавние события именно за столом. Не лучше ли дожидаться окончания обеда и после в непринуждённой обстановке обсудить все волнующие тебя аспекты личной жизни детей.

— Мария, ты, как всегда, утрируешь. Ничего с твоей Мирой не случится, вечно ты за неё заступаешься. К тому же для неё любая обстановка «принуждённая». А я как мать, имею право знать, когда невестка подарит нам внуков. Мы, итак, слишком долго ждём. Уж, грешным делом, думали, что она неполноценна как женщина и не способна к зачатию.

— Лена!

— Леночка, ну что ты разошлась. — Родион Мстиславович накрыл ладонь супруги своей: — Мира же сказала, что по заверениям врачей со здоровьем у неё всё хорошо. Значит дети вскоре смогут порадовать нас счастливыми новостями о пополнении.

Я склонила голову как можно ниже и закрыла лицо руками, отказываясь находиться среди людей, которые задавали мне вопросы, с кажущимся вниманием выслушивали ответы, но при этом я испытывала стойкое ощущение, что меня никто не слушал. С самого первого дня я будто не существовала для родителей Георгия. Такое впечатление, что они смирились с моим присутствием в жизни единственного и обожаемого сына только для того, чтобы я как племенная кобыла исправно и регулярно приносила им потомство. Терпеть подобное, да ещё в присутствии большого количества народу — неподъёмная ноша. Молча встала из-за стола, но не успела сделать шаг, как муж схватил меня за кисть.

— Сядь, Мира, — голос спокойный, но не терпящий возражений. А я воззрилась в его синие глаза, не понимая, как он может быть настолько равнодушным. Ведь его мать оскорбила не только наше неродившееся дитя, но и меня — жену и женщину её сына. Как это всё мерзко и противно. Гера наверно что-то прочитал в моём мятежном взгляде и добавил гораздо мягче:

— Пожалуйста, Мира. Я прошу тебя.

Сама не заметила, как села обратно, но даже придя в себя знала, что открытой просьбе мужа я не в силах противостоять. Тем временем он наклонился ко мне, молчаливо призывая сделать тоже самое, после чего зашептал на ухо:

— Наберись терпения. Всё скоро закончится.

Мы оба вернулись в прежнее положение, и я согласно кивнула. Затем Гера наконец вспомнил о том, что именно он являлся хозяином дома и семейного обеда и вовлёк присутствующих мужчин в разговор о делах. Тётя Маша хлопнула мне по ладоням, которые я вновь чинно сложила на коленях, тем самым подбадривая. Но принимать пищу за одним столом со свекровью-мегерой я отказалась окончательно и бесповоротно. «Перехвачу что-нибудь на кухне, когда гости разъедутся», — пообещала погрустневшему желудку.

После проводов родителей, к моему несказанному облегчению, Гера и Прохор скрылись в кабинете, а мы с тётей Машей сплетничали на кухне за чашкой чая.

— Видишь, всё прошло не так уж и плохо.

— Конечно, если не считать того, что, по их мнению, я неполноценная женщина, не способная родить им внуков, — зло осклабилась в ответ.

— Тю, не обращай внимание. Собака лает, ветер носит. Ленка сама-то еле разродилась Герой в своё время. Вот на тебе и отыгрывается теперь. Думаешь Родик ей мало нервов потрепал по молодости? Ходок ещё тот был. Повезло, что хоть с возрастом остепенился и в профессии к тому же возвысился, репутация вроде как обязывает.

— С этим не поспоришь, как адвокат он известен половине нашего города.

— Ну, а раньше-то он же ни одной смазливой мордашки не пропускал. Ленка бесилась, но терять перспективного мужа не хотела. Вот и терпела из последних сил. Может поэтому в стерву превратилась. Да и Герушку она рожала с одной целью, только чтобы мужа удержать в семье. Пока тяжёлая ходила чуть ли не каждый день приговаривала: «лишь бы мальчик родился». Она и после сына ведь хотела больше деток родить, чтобы Родик наверняка не бросил большую семью. Но оно вон как вышло. Не задалось у них с детьми что-то.

— А ты не знаешь почему. Она не рассказывала в чём причина? — я моментально встрепелась, получив новую информацию.

— Нет, не знаю. Но помню, что как к ним не придёшь, Ленка злющая словно ведьма. Поэтому я частенько закахивала, чтобы за племяшом присматривать. Ведь папаша вечно был занят на работе да по девкам шастал. А мать хоть и дома торчала постоянно, но постоянно недовольная и раздражённая. Кричала на сына регулярно, а уж сколько подзатыльников он стерпел — не пересчитать.

Меня передёрнуло. Никогда не понимала подобной жестокости, тем более исходящей от женщины. Как можно относиться с равнодушием или злобой к родному дитя, которое носила под сердцем столько времени, рожала в муках и адской боли, вскармливала, воспитывала, тряслась над ним. Как вдруг бац, личная жизнь не задалась, и родительница начала лупить ребёнка почём зря, отыгрываясь за собственные неудачи. Внезапно оказалось, что это ребёнок виноват в неустроенной и неудавшейся жизни взрослых.

— Извини, тётя Маш. Но я ненавижу людей, которые сваливают личные промахи на маленьких беззащитных детей. Что им стоило разобраться со своими отношениями, а потом уж заводить потомство. Что за блажь?

— Да мы уж все знаем твоё отношение к материнству, Мирушка. Для тебя ребятишки всегда на первом месте, добрая ты. Но на Ленку уж больно не злись. Жизнь-то её потрепала. Муж только сейчас начал относиться к ней по-человечески. Не знаю, может хрен стоять перестал, вот он и не бегаёт больше за юбками, — тётя Маша шкодливо захихикала, прикрыв рот рукой, а я, глядя на неё, и представив в голове пошлую картину с родителями Геры в главной роли (оба неглиже, мадам в томительном ожидании раскинувшись на постели, а муж стоит посреди комнаты и виновато разводит руками в стороны) расхохоталась в полный голос. Смех смехом, но сегодняшней ночью у меня самой примерно так и вышло. За тем исключением, что Гера пока ещё молодой, тридцать четыре всё-таки не возраст для мужчины, и мужской орган работал у него без сбоев. Тьфу-тьфу.

— Значит вот почему Гера хочет, чтобы ты жила с ним. Выходит, ты заменила ему родную мать, — спустя семь лет брака я всё ещё продолжала раскрывать тайны семьи Подольских.

— И мать, и отца заменять пришлось, Мирушка. Поэтому я за него, как за собственного сына переживаю. Хочу, чтобы между вами двумя всё хорошо сложилось, чтобы детки в доме

появились.

— М-да, только с этим у нас проблемы, как и у Елены Викторовны в своё время, — вспомнила о грустном, печально вздыхая. — Знаешь, тётушка, я одного не пойму — он здоров, я здорова, так почему не получается? А когда получилось, то слишком рано оборвалось...

— Не знаю дочка. Не сильна я в науках. Может сглазил кто?

— Тётя Маш. Двадцать первый век на дворе, если ты забыла, то времена ведьм и колдунов давно прошли.

— Так-то он так. Но ведь не складывается с ребятишками. Хотя я вот что подумала. Я ведь тоже бездетная, мой Ванька угорел по пьяни совсем молодым.

— А почему ты, кстати, повторно замуж не вышла? — Раньше тётя никогда не отвечала на этот вопрос, просто отмахивалась и ловко уводила разговор в другое русло.

— Да что я там не видела, Мирушка? Мой муж стал пьяницей. Родной брат оказался кобелём. Уж сколько слёз Ленка вылила при мне, жалуясь на своего непутёвого супружника. Поэтому я и не стремилась замуж. Не хотелось, знаешь, повторять ни свою судьбу, ни Ленкину. Но я не про это подумала. А про то, что у меня нет детей, у Ленки и Родика только один ребёнок получился — Гера. И как больше она ни старалась, ничего не вышло. — Глаза тётя Маши за очками округлились в ужасе, будто от осознания грядущей катастрофы: — Мирушка, так по всему выходит, что теперь ты повторяешь нашу с ней судьбу!

— Да что ты такое говоришь, — всплеснув руками, я изо всех сил пыталась не рассмеяться абсурдности выдвинутой гипотезы. — А ну, отставить панику, Мария Мстиславовна, — мне пришлось вытащить из закров командирский голос, ибо с моим мужем особо не накомандуешься, а тётя если разволнуется, то может и сердце прихватить, всё-таки не девочка уже. — Пойми, тётушка, мы с Герой совсем другие, мы — не его родители. И у нас никогда не будет как у них. И про семейные проклятия не вздумай фантазировать. Сериалов дурацких насмотришься, потом кошмары снятся или глупости в голове копошатся.

— Хорошо если так, — согласилась Мария Мстиславовна.

— Вы почему по комнатам не расходитесь, поздно уже?

Гера появился так внезапно, что я увлечённая беседой с тётей от неожиданности взвизгнула, но как только сообразила кто стоял рядом — засмеялась: — Ты меня напугал.

— Не знал, что я настолько некрасивый, что, завидя меня, женщины падают от страха в обморок. Я считал, что всё должно быть наоборот.

— Чтобы ты падал в обморок от вида некрасивых женщин? — прикусила губу и проказливо уставилась на мужчину.

— Ох, Мирка, дошутишься. А ну, разойтись по спальням. Вам волю дай, вы и до утра просидите. Даже Прохор давно уехал домой.

— Не сердчай, Герушка. А мы с Мирой завтра наболтаемся. Так ведь дочка? — я подтвердила сказанное тётей кивком. Тогда сообразительная Мария Мстиславовна пожелала нам спокойной ночи и оставила нас одних, однако муж не торопился отодвигаться, а продолжал нависать надо мной, сидящей на стуле.

— Поболтать любишь, жена?

— А кто мне запретит?

— Хочешь выяснить?

— Рискнёшь показать?

— Ты доигралась, женщина.

Гера вздёрнул меня со стула вверх, закинул на плечо и под мой радостный визг понёс добычу в спальню. Но когда крепкая ладонь опустилась на попу, даже сквозь плотные джинсы я осознала заведомый проигрыш моего висячего вниз головой положения. Дверь в спальню открылась, но после того, какпустила нас внутрь, оглушительно захлопнулась благодаря пинку. Меня поставили тут же, вдавливая лопатками в стену. Муж скользил по лицу хищным потемневшим взглядом, что подогревало моё собственное возбуждение. Насладившись видом, он впился в мои губы нетерпеливым поцелуем. Жадный напор сквозил в каждом движении, в каждой ласке. Он покусывал губы, рыча при этом в рот. В то время как требовательные пальцы потянули вверх футболку, вынуждая меня поднять руки. Ненасытные поцелуи возобновились, пока одной рукой он проникал за мою спину, чтобы, расстегнув застёжку лифа, сдёрнуть его одним движением и отбросить в сторону. Я обхватила рукой его крепкую шею, а другой зарылась в короткие тёмно-русые волосы, вжимая его в себя ещё сильнее, чтобы страстный поцелуй не прекращался. Губы горели, но я не обращала внимания, потому как горела сама, плавилась в любимых сильных руках. Он обхватил ладонями мою грудь, не прекращая ласкать губы, стиснул пальцы, выбивая из меня стон. Требовательные, жёсткие, на грани боли ласки заставляли жар струиться по телу. И я несдержанно мычала, не разрывая поцелуй, и нетерпеливо потиралась бёдрами о его крепкое тело.

Дальше Гера проложил губами влажную дорожку к груди и принялся покусывать сосок. В том же жадном, нетерпеливом темпе, в каком совсем недавно ласкал мои губы. Его пальцы заскользили вниз, очертили талию, бёдра. Я уже двумя руками зарылась ему в волосы. Но ласки вдруг прекратились. Непонимающе посмотрела вниз, чтобы услышать недовольное ворчание:

— Мира, ты почему в джинсах, опять? Я ведь просил тебя надевать юбки. Терпеть не могу, когда ты в джинсах.

Будто пока он нёс меня по лестнице и шлёпал по заднице не рассмотрел штаны вместо юбки.

— Давай ты их просто снимешь, — предложила идеальный вариант дальнейшего развития событий, который устроил бы нас обоих, при этом добавив в голос низких соблазнительных ноток.

— Я их не только сниму, но и воспитаю кое-кого, кто не понимает с первого раза, — не в его духе просто согласиться со мной, Гера обязательно должен вставить своё условие.

Джинсы и трусики были сдёрнуты с нетерпеливым рычанием. После чего мужчина резко и неожиданно развернул меня на 180 градусов и придавил мою голову к стене, фиксируя своей крепкой рукой. Я упёрлась ладонями, чтобы меня не расплющило. Но сила мужа не шла ни в какое сравнение с моей. Тем временем наглые пальцы второй руки уверенно накрыли лоно, огладили складочки, приласкали, чтобы затем размазать проступившую влагу.

— Хочешь меня, непослушная девчонка, течёшь. Значит получишь. Но пора бы тебе усвоить, Мирочка, кого следует слушаться в первую очередь, — тихий хриплый голос возбуждал, запуская неподконтрольную мне мелкую дрожь во всём теле.

После чего он зарылся в мои волосы рукой, захватил пряди у корней и силой потянул назад. Я запищала от боли, одной рукой хватаясь за его кисть, в надежде ослабить хватку, но мои попытки для него, что трепыхание бабочки.

— Видишь, Ми-ра, теперь ты уже не перечишь своему мужу. А скоро и вовсе станешь послушной, шёлковой девочкой.

Я слышала вжик молнии на штанах мужа. Затем второй рукой Гера крепкой хваткой зафиксировал мой зад. Ни единого шанса вырваться или сменить позу, чтобы при этом не остаться без волос. Тут одним толчком он вошёл в меня на всю длину. И как бы я не возбудилась перед этим, всё же без дополнительных ласк принять его сразу оказалось не просто. Член выходил почти до конца и вновь врвался слишком резко, слишком грубо и глубоко.

— Ге-ра, — жалобно застонала, — это чересчур.

— Я знаю, Мирочка, знаю. Но разве ты заслужила ласку? — Грубый толчок бёдрами и хриплый будоражащий шёпот — ошеломляющий диссонанс: — Ты ведь сама напросилась на воспитательные меры.

Кожу головы жгло от натяжения волос, вторая ладонь пальцами продолжала впиваться в попу. Его зубы нещадно царапали нежную кожу шеи, изредка зализывая места укусов. Несмотря на грубость, я чувствовала, что с каждым движением муж входил в меня всё легче. Должно быть под воздействием возбуждения я невольно расслабилась, потому как вскоре смогла почувствовать, что сама начала сильнее выпячивать попу. Мои стоны из жалобных превратились в грудные.

— Моя малышка любит, когда жёстко. Что же ты молчала, Мир-ра, мм?

Мочку уха ожёг укус. Но ощущение того, что член доставал до самой матки смыло боль и добавило витков возбуждению.

— Плохая девочка хочет, чтобы её наказали, — порочный, скрипучий тихий голос возле уха сильнее сжимал спираль внизу живота.

Не знаю почему Гера такой, почему я реагировала странно, но меня бешено колотило от возбуждения. Вскоре муж выпустил мои волосы, и я едва не кончила от дичайшего облегчения, что больше не испытывала боли. Он вцепился двумя руками в бёдра и начал неистовую долбёжку. А я поняла, что он на грани, но мне не хватало самой малости. Тогда быстро облизнув палец, накрыла свой жаждущий ласки бугорок и порхающими движениями пыталась догнать мужа. Мелкие острые иголки пробежались по всему телу, заставляя пальцы на ногах поджиматься. Гера нещадно проникал в моё тело сзади, и вскоре, облокотившись рукой о стену и уткнувшись лбом в сгиб локтя, я громко стонала, а внутренние мышцы лона часто сокращались, посылая по всему телу лучи самого примитивного, первобытного, но вместе с тем невероятно изысканного удовольствия. Гера кончил вслед за мной, изливаясь мне на спину. Его ладонь крепко обхватывала мою шею сзади, пока второй он продолжал выжимать из себя последние капли.

Через несколько минут затишья, прерывавшегося лишь обоюдным шумным дыханием, сначала я ощутила лёгкий поцелуй в обнажённое плечо, а после меня обдало завихрением прохладного воздуха. «Гера направился в ванную», — сделала для себя краткий вывод.

— А ты оказывается проказница, Мира.

Услышав неожиданное, обернулась в его сторону с недоумением: — Только не говори, что не знал.

Муж тоже повернулся и смерил меня вдумчивым, серьёзным взглядом: — Теперь точно знаю.

После чего зашёл в ванную комнату, оставив дверь открытой. Мне же его слова показались напряжёнными, и я даже сама себе не могла объяснить почему подумала именно

так. Зашла следом. Он уже успел полностью раздеться и стоял под струями воды.

— Потереть тебе спинку? — я едва не мурлыкала после пережитого удовольствия и охотно ластилась точно кошка.

— Сегодня тебе тоже мало? — вдруг резко спросил он, оборачиваясь через плечо. Я невольно отшатнулась от сердитого, даже злого взгляда, полоснувшего остриём.

— Нет, не мало. Просто хотела сделать тебе приятное.

— Я в состоянии помыться сам, Мира, — выплюнул Гера грубо. Будто его член не покинул моё тело несколько минут назад.

— Как скажешь, — пробормотала неуверенно, вновь погружаясь в полную растерянность.

Смочив чистое полотенце под краном в раковине, я без лишних слов протёрла промежность и поясницу с попой, по которой стекала сперма. А затем просто легла в кровать и повернулась спиной к половине мужа. Чтобы не разреветься пришлось зажимать зубами собственный кулак. Мужчины не выносят женских слёз — это я уяснила ещё в первый год семейной жизни. Но только сейчас вдруг остро прочувствовала, как мне не хватало возможности поплакать на плече родного человека. Со времени выкидыша мне не представился случай как следует выстрадать и выплакать своё горе. А теперь ко всему я вынуждена была мириться со вспышками агрессии, ревности или что там ещё мучало Геру.

*Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю —
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».*
*Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод
Чёрной ревности твоей.
Горе душит — не задушит,
Вольный ветер слёзы сушит,
А веселье, чуть погладит,
Сразу с бедным сердцем сладит.*
А. Ахматова, 1922

Сидя в ресторане, я лениво наблюдаю за осенним листопадом на улице. Панорамное окно в прямом эфире транслировало городской пейзаж, слегка искажённый стекающими дождевыми каплями по стеклу. С самого утра зачастил стылый дождь. Зима совсем скоро. Её незримое присутствие с каждым днём ощущалось явственней. Загодя она предупреждала, что в отличие от осенней сестры не будет столь милостива к нам. Прохожие кутались в куртки и плащи, кто-то зарывался в кокон из шерстяных шарфов, чтобы наружу торчал лишь кончик покрасневшего носа. Но все как один, словно вырезанные деревянные солдатики, в одной руке держали раскрытые зонты. По тротуарам и дорогам текли тонны воды. С людей кому не повезло оказаться без зонта под проливным дождём стекали ручьи. Глядя на них, я сама ёжилась, хотя сидела в сухом помещении и мне на голову не проливалась нескончаемым потоком ледяная вода. Боковым зрением заметила суету возле входа и повернулась. Маринка. Мои губы сами растянулись в добрую приветливую улыбку. Её угольно-чёрные от природы волосы сегодня убраны в низкую аккуратную косу, прямая густая чёлка нависала над голубыми глазами, делая их ещё ярче. Подруга сняла чёрное пальто, демонстрируя строгое офисное платье такого же цвета. Роковая женщина — убийственное сочетание фарфоровой кожи, ярко-голубых глаз и смоляных волос. Я не встречала ни одного мужчины, кто бы не обернулся ей вслед.

— Привет, извини за опоздание, пробки. Эта мерзкая погода даже на дорожное движение влияет.

— Она на всё влияет. Привет.

— Ты уже заказала?

— Нет, тебя жду.

Официант в белоснежной рубашке и тёмных брюках вырос возле нашего столика, как гриб после дождя, внезапно, но неизбежно.

— Комплексный обед?

— Я точно нет. Мне салат «Цезарь» и кофе.

Маринка удивилась моему короткому заказу:

— На диету что ли села? Так ты завязывай с глупостями, мужики не собаки, на кости не бросаются.

— Погода дождливая, настроение пасмурное, аппетит примерно такой же.

— Ясно, а я буду комплекс и кофе двойной. Сегодня шеф лютовал, всех пропесочил, поэтому я голодная, аки зверь.

Официант, записав в блокнот наши пожелания, ретировался столь же бесшумно, как и появился.

— Ты не опоздаешь на работу?

— Да ну его. Надоел. На отдыхе надоел, теперь и в офисе надоел. Уже подумываю, что пора возвращать мужика в семейное стойло.

— Фи, как грубо.

— Ха, извини, но я вас, семейных, на дух не переношу.

— Посмотрим, как ты запоёшь, когда какой-нибудь предприимчивый тип окольцует тебя, а ты сама не заметишь, что превратилась в беременную домохозяйку.

— Тьфу-тьфу три раза, чур меня — чур, — после произнесённых слов Маринка сплюнула через левое плечо и смешно замахала вокруг себя руками. Не знаю, что она хотела этим показать, отогнать злых духов или кого-то другого вроде будущих воображаемых воздыхателей, но выглядело это весьма забавно. — Не желай больше мне такого «счастья». А то я подумаю, что стала тебе не нужна.

— Ты мне любая нужна. Холостая или нет, без разницы.

— Про девушек не говорят холостая.

— Это мне тоже без разницы.

— Что случилось?

— Ничего. Почему ты так решила?

Официант принёс заказ и нам пришлось прерваться.

— Ты давно не улыбаешься. А сегодня и вовсе какая-то недовольная и поникшая. С Подольским поссорилась?

— Чего с ним ссориться. У нас теперь каждый день — состояние холодной войны. Понять бы ещё против чего или кого воюем.

— Забей. Разве мужиков поймёшь? Может у него на работе не ладится. Вот он на тебя проблемы выплёскивает.

— Вполне возможно. Кстати, как прошёл твой отпуск?

— Ты получила мои фотографии?

— Конечно, ты же атаковала меня спамом, — воспоминание заставило меня непроизвольно улыбнуться и даже в собственном голосе я расслышала весёлые нотки. — Буквально засыпала фотоснимками своих полуголых сисек на фоне моря, пляжа, загорелого официанта, бармена и на фоне такого же, как ты бледнокожего отдыхающего, из чего я сделала вывод, что он наш соотечественник. Удивительно, что твой шеф не скормил тебя акулам от ревности.

— Там нет акул.

— Значит другим хищникам, кто-то же там водится.

— Ага, шикарные полуголые мужики. Они, кстати, были не против полакомиться.

— Заткнись, мы за столом.

— Ханжа.

— Вертихвостка.

— Добрый день, девушки. Не помешаем? — знакомый голос некстати прервал девичью перепалку.

Я скользнула взглядом вверх, чтобы наткнуться и моментально узнать искрящиеся лукавством серые глаза.

— Добрый день, Пётр Аркадьевич.

— Сколько лет, сколько зим, Мирочка. Я не один, поэтому разрешите сразу вам и вашей подруге представить моего единокровного брата — Савелий Аркадьевич, 35 лет, не женат, детей не имеет, судимости тоже отсутствуют. Живёт один в собственной квартире, зарплата достойная, мечтает о семье.

Мы с Мариной как по команде окинули взглядом второго из мужчин, который своей привлекательностью нисколько не уступал старшему брату. А на чей-то вкус возможно даже превосходил его. Тёмно-русые волосы, лёгкая небритость, те же серые глаза, что у брата. Но у Петра они хитрили без меры, а у Савелия взгляд прямой, более открытый. Телосложением младший Загороднев был немного крупнее, заметно, что мужчина поддерживал физическую форму. В то время как его старший брат смотрелся более худощавым и жилистым. Вообще, внешне Пётр походил на некоего питерского интеллигента в десятом поколении. А Савелий, наоборот, напомнил мне мужчин из высших военных чинов. У такого человека всё разложено по полочкам, на всё свой уклад, на любой вопрос найдётся ответ. Перебитый нос указывал на драчливую юность. Но нисколько не портил его внешность, наоборот мужчина притягивал взгляд, подкупая излучаемой твёрдостью и открытостью. К тому же весьма дружелюбно улыбался нам, переводя взгляд то на меня, то на подругу. И я засекала, что на ней его взгляд задерживался на несколько секунд дольше. Глянула искоса на Марину, и с трудом сдержала улыбку. По-моему, её нынешний любовник, который по совместительству шеф, действительно в шаге от будущей отставки, потому как голубые глаза подруги не мигая смотрели на Савелия.

— Пётр Аркадьевич, вам бы всё шутки шутить, — закончив разглядывать младшего брата наконец обратила внимание на старшего.

— Мирочка, вы с подругой не будете возражать если двое скучающих мужчин составят вам компанию за обедом?

— Вообще-то..., — начала протестовать, памятуя вспышки ревности Геры и словоохотливость личного водителя. Но не успела...

— Нисколько не будем возражать. Даже наоборот. А то Мира сегодня грустная и на меня нагоняет тоску. А я, кстати, Марина, очень приятно познакомиться, — хитрая подружка попыталась изобразить томную скромность (если такое возможно в её случае), но я заметила, что в голубых глазах внутренний экономист уже достал калькулятор и, с азартом клацая по клавишам, вводил данные в формулы, чтобы в итоге подсчитать предварительный размер ежемесячного «достойного» заработка Савелия, оценивая пока его внешний вид.

Мужчины резко возрились на меня, видимо пытаюсь предугадать степень заразности моей грусти. Из-за пристального внимания к моей персоне щёки моментально полыхнули жаром, а предприимчивый Пётр Аркадьевич тем временем подсуетился и сел на свободное кресло рядом со мной.

— Тогда мы просто обязаны поднять настроение таким красавицам, как вы. Погода и вправду подкачала, но уверен, что ваши улыбки быстро разгонят хмурые тучи.

— Пётр Аркадьевич, очень вас прошу. Давайте хотя бы сегодня отдохнём от ваших витиеватых переслащённых речей, к коим, я заметила, вы испытываете нежную

привязанность, — и я, как назло, будто специально скопировала его манеру изъясняться.

— Мирочка, — Савелий впервые заговорил, и должна признать, как и сам мужчина, его голос оказался не менее хорош. Даже чем-то схож по тембру с голосом моего мужа. Густой, бархатистый, от которого у каждой женщины что-то всколыхнётся за грудиной (ну, или в другом месте, всё исключительно индивидуально), — если позволите вас так называть вслед за братом. Вы не поверите, но я устал с ним бороться. Если вы в состоянии на него повлиять — я буду вашим вечным должником. У меня скоро уши в трубочку сворачиваться начнут.

— Молодёжь, что с вас взять. Дорастите сначала до моих лет, а после сможете над стариком шутить.

— Ну, вот опять. Мне кажется, вы просто бесцеремонно напрашиваетесь на комплименты в адрес вашей привлекательной и незаурядной внешности, Пётр Аркадьевич.

— Мирочка, если вы не против давайте перейдём на «ты» и опустим отчества.

Он взял мою кисть в свои ладони и слегка пожал, перед тем как продолжить: — Должен признаться я сражён наповал тем обстоятельством, что ты, Мира, находишь меня привлекательным.

Мои глаза едва не выпрыгнули от вопиющей наглости и бесстыдства, кои ни с того ни с сего проявил господин Загороднев. Резко вынула руку и отодвинулась от него подальше, шумно скрежеща ножками тяжёлого кресла по полу.

— А я сражена наповал как быстро ты, Пётр, перепрыгиваешь с интеллигентных речей на банальную пошлость. И напоминаю, если ты вдруг позабыл — я замужем. И между прочим мой муж уже заметил, что ты появляешься рядом со мной подозрительно часто.

Тот незамедлительно поднял руки вверх: — Каюсь, больше не повторится. И смею надеяться, что ты не столь доверчива в отношении сплетен в отличие от Подольского.

— А вы я смотрю хорошо друг друга знаете, — Савелий переводил проницательный взгляд попеременно с меня на Петра и обратно. Маринка ему вторила, приоткрыв рот от удивления.

Было бы чему удивляться...

Тем временем мужчины сделали заказ и терпеливо отвечали на вопросы дотошной подруги.

— А чем вы, Савелий, занимаетесь?

— Мариночка, я солидарен с Петром в этом вопросе, давайте опустим официоз и дружно перейдём на «ты», — дождавшись её согласного кивка, мужчина продолжил, — у меня своя компания по продаже стройматериалов.

— В некотором роде он конкурент Подольского, — встрял с объяснениями Пётр.

— Мне, честно говоря, так не кажется. Муж строит, Савелий предоставляет материал, из которого строят. В чём конкуренция? — я задалась резонным вопросом.

— Кстати, я и логистикой занимаюсь. — У младшего Загороднева появилась их семейная хитреца во взгляде. А я допустила логичное предположение:

— Выходит он не конкурент, а скорее возможный партнёр?

— Это сейчас. Но как только ему наскучит продавать материалы и займётся он строительством, посмотрим тогда, как запоёт Подольский, — Пётр продолжил необоснованные нападки.

— Я не поняла. Ты угрожаешь моему мужу?

Как говорится, вечер перестал быть томным, в нашем случае обед. Мне не хотелось оставлять подругу одну с двумя малознакомыми для неё мужчинами, но поносить Геру в

моем присутствии я не позволю никому. Поэтому решительно встала, намереваясь положить конец разыгравшемуся фарсу. За Марину особо не волновалась, ибо она точно в состоянии принять взвешенное решение: остаться здесь или уйти со мной.

— Марин, позвони, когда доедешь до работы. Всем приятного аппетита, но мне пора.

— Мирочка! — Пётр тоже подскочил и снова схватил мою кисть. Да что ж такое, неужели Гера был прав, ревнуя меня к Петру Аркадьевичу? Предположение, совсем недавно казавшееся диким, в свете последних событий начало приоткрываться для меня с другой стороны. Уже во второй раз я высвободила руку, отказываясь терпеть фамильярность. Мужчина смирился с моим нежеланием прикосновений, но не с моим уходом: — Извини, пожалуйста, Мира. Сам не знаю, что говорю. Рядом с тобой я теряю границы. Не уходи. Пожалуйста. Хочешь, совсем замолчу и до конца обеда не произнесу ни слова.

— Мира, соглашайся, так ты спасёшь двух людей от выслушивания плетения словес, — Савелий, разумеется, поддержал брата.

— Подобное поведение не допустимо, Пётр. Ни за что бы не подумала, что ты можешь опуститься так низко.

— Я был не прав. Признаю. Пожалуйста, оставайся и тогда больше ни слова о бизнесе. Обещаю.

— Мира, ну, что ты в самом деле. Человек извинился, сядь выпей кофе, через полчаса поедем, заодно твой водитель подкинет меня до работы, — Маринка тоже вставила свои пять копеек. И выступила она, вопреки моим внутренним ожиданиям, не на моей стороне.

— Я могу подкинуть тебя до работы или куда скажешь, — оживился Савелий в ответ на Маринкину просьбу. Подруга поначалу смутилась (я бы ставила на то, что она скорее сделала вид, чем действительно ощущала неловкость), но согласилась.

А Пётр, пока я с засмотрелась на двух голубков, ловко потянул меня за руку вниз, что я опустилась попой точным попаданием в недавно покинутое мною кресло. Вторая чашка кофе с его подачи возникла передо мной незамедлительно.

— Десерт?

— Откажусь.

— На диете?

— Что за устаревший шаблон? Ты второй человек за последний час задал этот дурацкий вопрос, — раздражение накатывало на меня волнами, но имело разную этимологию, — нет, по правде, как верно заметила Марина, я грущу, а в такие моменты иногда не хочется сладкого, чтобы искусственно поднять настроение. Случается, что я просто хочу немного поддаться осенней меланхолии, вот и всё.

— А я предпочитаю в такие моменты навещать тёплые края, — Савелий оказывается прислушивался к нашему с Петром разговору.

— Вы с Маринкой похожи, она совсем недавно вернулась из отпуска, — ответила ему, при этом не спуская хитрого взгляда с подруги.

— Откуда же?

— На Мальдивах отдыхала, — сдала Марину с потрохами и улыбнулась, глядя на её возмущённую моим вероломством мордашку. То-то же, она сама недавно объединилась с Загородневыми, чтобы я осталась, вот и пусть терпит.

— Понравилось? — Савелий, не замечая наших с ней переглядываний или делая вид, продолжил расспросы.

Клянусь, Маринка покраснела после этих слов. Не знала, что она до сих пор не

растратила этот навык. Я так-то привыкла думать, что за ней не водилось подобного после выхода из пелёнок.

— Неплохо, — просипела подруга, а меня подмывало спросить куда она подевала звонкий голос.

— Можем повторить, если захочешь.

Вот это да-а, расторопный мужик не привык откладывать в долгий ящик свои «хотелки». А Пётр умудрился во время знакомства ляпнуть, что его брат мечтал о семье. Ну-ну. Я скорее поверю, что каждый вечер его постель согревают разные девушки, и он из той категории мужчин, что предпочитали разнообразие качеству. Никогда не любила выступать в роли дуэньи, но сейчас сдержаться не представлялось возможным. В конце концов моё мрачное настроение никуда не исчезло.

— Я, конечно, рада, что Марина произвела на тебя столь неизгладимое впечатление, Савелий. Но мне кажется поспешным звать девушку на отдых, подразумевающий интимные отношения, через час после знакомства. Или я чего-то не понимаю?

— Похоже, настал мой черед извиняться. Пётр прав, рядом с вами, красавицы, мозги совершенно перестают соображать.

— Хоть кто-то меня понял, — первые слова Петра после того, как я осталась.

— А я не запрещаю тебе говорить, — уточнила старшему брату на всякий случай.

Дождавшись, когда мужчины закончат обедать, мы наконец-то потянулись к выходу. Кстати, Пётр заплатил за нас с Маринкой, вполне успешно прикинувшись глухим и нисколько не реагируя на мои активные возражения. Замолчала, только когда Савелий подошёл вплотную и, сжав мою руку выше локтя, тихо произнёс, наклонившись к самому уху, чтобы слышала только я: «Мира, не устраивай глупых сцен. Он всё равно сделает по-своему».

А выйдя из ресторана меня ждал очередной сюрприз, и я не уверена, что он окончится для меня чем-то приятным. Напротив выхода стоял внедорожник мужа и стоило мне показаться на улице, как задняя дверь услужливо открылась изнутри, приглашая меня присоединиться. Коротко попрощавшись и чмокнув подругу в щёку, я забралась в автомобиль. М-да, обстановка внутри мне не показалась дружественной. Ярко выраженный дух салона вскружил голову после уличного воздуха, омытого осенним дождём. Пахло терпкой смесью салонной кожи, мужского одеколona и родного аромата мужа, но общую мешанину уверенно перебивал один единственный запах — запах грядущих проблем.

— Привет, — разбавила первой гнетущую тишину, — приятный сюрприз. Не ожидала тебя увидеть.

В ответ молчание, и лишь презрительный взгляд резал синим клинком мою без вины виноватую душу. Дальше ехали, не нарушая удручающей тишины. Признаться я надеялась, что Гера отправится на работу, наказав своему водителю довезти меня до дома. Но я жестоко ошиблась. Муж вышел из машины, не утруждаясь подать мне руку, чего не забывал никогда. Что ж, я не гордая и справлюсь сама.

— Иди за мной, — единственная фраза, произнесённая отрывистыми словами, которой я удостоилась.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, затем Гера услужливо распахнул дверь в спальню передо мной. И лишьждавшись, когда я пройду внутрь, зашёл сам и затем хлопнул ею с оглушительным треском.

Он начал раздеваться прямо у входа. Снял пиджак, бросив небрежным движением на

кресло неподалёку, щёлкнул браслетом на часах, чтобы сделать один шаг вправо и отложить их на комод.

— Раздевайся, — раздался приказ, после которого мой внутренний голос завопил об опасности.

— Гера, может ты для начала объяснишь, что происходит. — Я действительно не понимала. Точнее я догадывалась, что он намекал на секс, но не могла связать между собой его гнев, ревность и намёк на интим.

— Ты глухая? Я сказал раздевайся, — муж отчеканил по словам. Некогда синие, теперь почерневшие глаза метали в меня молнии ненависти, обещая страшную кару за малейшее неповиновение. Судорожно сглотнув, я потянула за пояс пальто. Затем прошла ко второму креслу, разделённому от первого низким квадратным столиком и стоящему ближе к окну, чтобы снять сапоги. Лёгкими мурашками страх скользил по моей коже, забирался под неё, но уверенность в собственном муже мешала ему овладеть моим разумом.

— Вернись в центр комнаты, — последовал новый окрик, когда со вторым сапогом было покончено.

Я выполнила указание, чтобы не вызвать ещё большего раздражения у взбешённого мужчины. Яростные глаза затягивали меня в свою чёрную воронку, и я будто загипнотизированная не смела отвести взгляд.

— Раздевайся... полностью, — выстрелил словами муж, пока сам расстёгивал мелкие пуговицы на рубашке и манжетах рукавов. Крепкая грудь оголилась. И только этот факт заставил мой взгляд скользнуть ниже, оглаживая красиво очерченные, идеально вылепленные мышцы. Образовавшаяся во рту сухость вынудила облизнуть губы. По правде говоря, мой муж — исключительно привлекательный мужчина, для меня по крайней мере. Атлетически сложенный, с крепкой, развитой мускулатурой, которую любил поддерживать в спортзале. Он намного шире в грудной клетке того же Петра Аркадьевича. Странно, что я вспомнила о Загородневе-старшем в такой момент. У Геры черты лица несколько грубее, против тонких аристократических черт братьев Загородневых, но не лишены обаяния, квадратный подбородок смягчался аккуратной ямочкой посередине, синий взгляд всегда прямой, цепкий и хищный смотрел по-особенному, пронзительно. Его внутренняя уверенность и решимость сквозила в каждом движении, заставляя женщин оборачиваться ему в след и замирать, прикладывая ладонь к груди по причине сбоев дыхания. Он прекрасно знал себе цену и с успехом этим пользовался. Поэтому после нашей свадьбы я сполна прочувствовала весь спектр женской гадючьей зависти и неприязни, исходивший от большинства представительниц прекрасного пола брачного возраста самого широкого диапазона, имевших матримониальные виды на Георгия Подольского.

— Живей, Мира. Ты до сих пор одета, — властный голос выдернул меня из фантазий. А я заряженная обнажённым, соблазнительным торсом мужа, сполна погрузившись в любование им, почему-то забыла о страхе, о злобных и ненавистных взглядах исходящих от него. По наивности решила, что мне возможно привиделось и на самом деле Гера всё также любит меня, как беззаветно и преданно любил все семь лет брака, промелькнувших как один день. Вот и получилось, что один брошенный взор на его шикарное и обещающее много удовольствий тело способен лишить меня остатков мозгов, потому что я споро стащила через голову пуловер, затем избавилась от юбки. Когда дошёл черёд до белья и чулок, то услышала:

— Повернись задом.

Сегодня на мне надет бежевый комплект с чёрными кружевными вставками. Я выполнила, как он сказал, а после заведя руки за спину, расстегнула застёжку бюстгалтера, чтобы, спустив лямки с плеч, отбросить его в образовавшуюся на полу кучу одежды. Только потянула трусики вниз и тут же последовал новый приказ:

— Медленно, Мира. Очень медленно.

Я многозначительно усмехнулась, но развела ноги на ширину плеч, чтобы, согнувшись пополам, выставить попу на широкий обзор. Трусики под моим управлением медленно скользили вниз по ногам до самых щиколоток. Только после этого я выпрямилась, сильно прогибаясь в пояснице и одним движением головы отбрасывая копну длинных волос за спину, затем переступила через бельё и потянулась к чулкам, но властный голос снова остановил:

— Ложись на кровать животом.

Забравшись через изножье на кровать, я на четвереньках, не забывая призывно вилять попой, поползла до изголовья и растянулась на прохладном покрывале. Муж вскоре устроился верхом на моих бёдрах и неспешно водил по спине и ягодицам горячими ладонями. Ощувив через тонкие чулки шершавую ткань, я догадалась, что он так и не снял брюк. Неожиданно раздался шелест ремня, вытаскиваемого из шлёвок. Новый холодок пугающей неизвестности пополз вдоль моего позвоночника. И я обернулась в самый неудачный для себя момент, чтобы увидеть, как Гера, согнув кожаный ремень пополам, проверял его на прочность. После этого зрелища уже не страх, паника захлестнула с головой.

— Гера, что ты делаешь? — мой дрожащий тонкий голос диссонировал с повелительным мужским.

— Воспитываю потаскуху-жену, — короткий ответ, после которого на мою попу обрушился шквал ударов широким кожаным ремнём. А я завопила во всю глотку.

— Нет! Остановись, Гера! Что ты делаешь? — громко кричала наравне с раздающимися звуками порки.

— Я уже ответил, Мирочка, что я делаю, — хлёткий, подобно обрушивающимся на меня ударам ремня, ответ. И новая серия безжалостного «воспитания», которое высекало из меня плач, стоны, крики, ругательства, но все они оказались бесполезными. Мне чудилось, что кожа на ягодицах лопнула под воздействием издевательской трёпки. В голове рисовались картины сильного кровотечения, уродливых шрамов на тонкой нежной коже. От этого становилось ещё страшнее и ещё больнее. Вскоре мои крики превратились в жалостливые всхлипы. Потому что терпеть издевательство было невыносимо не только из-за физических мучений.

— Гера, пожалуйста, умоляю, остановись.

Хлестание перекинулось на спину. И я завопила от новой порции терзаний. Начала брыкаться с удвоенной силой. Удары прекратились, но я не успела сделать облегчённый вдох, как мою голову воткнули в подушку больно прихватив кожу с волосами на затылке. Следом раздался яростный шёпот на ухо:

— Ещё одно движение и воспитывать тебя придётся не в спальне, а во дворе. Чтобы все желающие полюбовались какая шлюха мне досталась в жёны и на что приходится мне идти, чтобы держать твою похоть в узде.

Я затихла от прозвучавшей угрозы. Гера не адекватен, ясно как день, поэтому пришлось задушить сопротивление и затолкать свой упрямый норов подальше, чтобы не умереть раньше времени от разрыва сердца по причине жуткого стыда, если муж осуществит угрозу.

Но вскоре дыхания стало не хватать, голова кружилась, а лёгкие загло от острой нехватки кислорода. Я снова задёргалась. Голова вдруг освободилась, и я жадно глотала живительный воздух, смаргивая чёрные мушки перед глазами. Но не успев прийти в себя, услышала очередной поток брани от мужа:

— У всех жёны как жёны, и только у меня потаскуха. — После чего на мою спину, рассекая воздух противным свистом, снова обрушился проклятый ремень.

Слёзы уже сплошным потоком текли из глаз, несмотря на полное отсутствие всхлипов. Я больше не тряслась в рыданиях. Должно быть выдохлась. Но слёзы текли и текли, видимо старались смыть боль с тела и с души. Но, к сожалению, это им было не по силам. Отстегав спину, Гера вернулся к попе, безостановочно выплёскивая бешенство. Рыча и матерясь на все лады, он раз за разом опускал ремень на кожу ягодиц. Хлёсткий звук, отражаясь в ушах, проникал до самого нутра, невольно нанося раны и там.

— Зато в будущем сто раз подумаешь, прежде чем рискнёшь вертеть задом перед чужими мужиками при живом муже, — злобно выговаривал тот, кто называл себя им.

Следующий удар оказался самым сильным и болезненным, хотя кожа успела онеметь от ожогов и потеряла былую чувствительность. Представилось, что я окунулась в чан с жидкой лавой, плавящей живую плоть. Затем я услышала стук пряжки ремня об пол и не сдержала облегчённого стога. Даже всхлипы снова проявились, сотрясая моё тело плачем.

— Заканчивай выть, Мира. Я тебя предупреждал. Ты ослушалась. Кому нужны теперь твои слёзы. Думать надо было головой, а не другим местом.

Его голос по прежнему злой и отрывистый. Словно он не выплеснул наружу бушующую в нём ревность самым диким способом. Я хотела посмотреть мужу в глаза, чтобы выразить всё своё внутреннее презрение к его так называемым «методам воспитания», но собственное тело не подчинялось. Даже голову повернуть, чтобы сменить положение для онемевшей шеи оказалось невыполнимой задачей. До моего слуха донеслось, что Гера расстегнул ширинку на брюках. И волна нового ужаса пронеслась по телу, даже боль отступила на задний план. Он же не собирался?..

Моя вера в мужа и надежда на его здравомыслие оказались наивными, ложными и простодушными, тогда как страх был прав на все сто процентов. Жёсткие ладони раздвинули бёдра. Гера пристроился промеж моих широко раскинутых ног и теперь его руки раздвигали израненные ягодицы. Страдания с новым силами вернулись вновь, и я заскулила, на этот раз добровольно утыкаясь головой в подушку, заглушая вопли обиженной и униженной женщины.

— Перестань орать, ничего с тобой не случилось. Прислушайся к себе и ты поймёшь, что вопишь от страха, а не от боли, — странные слова прозвучали в спальне.

Но я не могла понять, какой смысл Гера планировал до меня донести. Если бы только он произнёс нужные слова раньше... Сейчас же их значение попросту ускользало, потому что я уже погрузилась в панику с головой и не было никаких сил вынырнуть из неё или хотя бы запустить мыслительный процесс для анализа происходящего. Чтобы это осуществить, необходимо было остаться в одиночестве, но присутствие мужа рядом только сильнее погружало меня в липкий ужас. Когда Гера провёл пальцами по развилке между бёдер убеждаясь, что я суха словно пустыня, то жалкая искорка надежды затеплилась у меня внутри. Я напряглась в ожидании возможного помилования, но едва вспыхнувшую искру быстро потушил смачный плевок, затем пальцы растёрли по промежности влагу, и я обречённо обмякла понимая, что сегодня не выйду из этой комнаты, пока муж не извергнет

накопившиеся в нём обиды и гнев. Попыталась отрешиться, но не успела. А может это изначально была дохлая идея, ведь как можно отрешиться от того, кому веришь, кому доверяешь, на кого надеешься. Кто должен оберегать, но...

Он ворвался без предупреждения. На полную длину, толкаясь до самого конца. Внутренности жгло. словно член обернут наждачной бумагой. Если снаружи слюна помогла, то внутри тело отзывалось болью. Душа кровоточила изнутри и безмолвно вопила о несправедливости, предательстве, совершаемого самым родным и близким человеком. Гера сильнее раздвинул повреждённые ягодицы и миллион болезненных иголок безжалостно втыкались в плоть снова и снова. Ему было тяжело. Член не скользил как хотелось. Поэтому он всё шире раздвигал меня, настолько, что казалось он порвёт надвое мои полупопия. Я поворачивала голову набок, чтобы сделать жадный глоток воздуха и снова утыкалась в подушку. Так сохранялась призрачная иллюзия, что терзаний становилось на самую капельку меньше. Слезы текли и тут же впитывались в наволочку, а Гера продолжал усердно пыхтеть надо мной, не подозревая что насилует не тело...

Я отчаянно молилась, хотя до этого момента была уверена в своей несокрушимой приверженности атеизму. Но сейчас оставшись один на один с несправедливой, неоправданной жестокостью мне ни оставалось ничего другого кроме молитвы о том, чтобы пытка закончилась поскорее. Не знаю, что послужило причиной: мои ментальные мольбы или видимая покорность, но Гера начал толкаться яростнее и быстрее, чтобы через минуту вынуть член и излиться на мою многострадальную попу. Я снова зашипела, а вскоре захныкала от новой порции страданий, когда он намеренно тщательно принялся растирать по повреждённой коже выплеснутую им жидкость. Вдавливая пальцами, нарочно дразня и вызывая болезненную реакцию. Один палец нырнул в заднее отверстие размазывая влагу и там. К нему присоединился второй. Он таранил ими плоть, несколько не заботясь о моих чувствах и ощущениях. Я прокусила губу от осознания нового ужаса. Не может мой муж быть настолько безжалостным... или может?

Вскоре пальцы покинули меня, давая жалкую передышку. Но мысли об отдыхе оказались преждевременными и напрасными, когда Гера поднял с пола ремень связал им мои кисти, после чего перекинул хлястик через одну из деревянных реек в изголовье кровати и в итоге закрепил его на запястьях.

— Никуда не уходи, Мира, — издевательский смешок от него, — мы не закончили.

Он скрылся в ванной, после чего послышался плеск воды, а я наконец дала короткую волю рыданиям, попутно прислушиваясь к шуму за дверью. Слезы облегчения не принесли. Потому как всякий раз я вздрагивала от малейшего стука или подозрительного звука за дверью ванной комнаты. Гера отсутствовал долго. Моё тело затекло и онемело, а спина и зад полыхали пожаром. Я попыталась проделать дыхательную гимнастику и таким образом взять эмоции и боль под контроль, но у меня ни черта не получалось. Когда-то читала, что чувство боли можно притупить, и я намеренно уплывала сознанием в приятные воспоминания: представляла сад на заднем дворе с клумбами цветов, высаженных специально с учётом сезонного цветения; погожие летние деньки, обогреваемые ласковыми лучами солнца и романтическими объятиями любимого мужчины на закате дня. Казалось, что страданий становилась меньше, они будто растворялись, но стоило мне пошевелить хотя бы пальцем, сознание возвращалось в тело и боль возобновлялась в том же объёме. Только горечь неудачи порождала скорбное разочарование и жалость к себе.

Когда я уже отчаялась и была на грани того, чтобы самой позвать своего мучителя, муж

наконец вышел из ванной комнаты. Вновь оседлал мои бёдра, перед этим вплотную сведя мне ноги. Гера полностью обнажился. Ощущение прикосновения горячей кожи к моей принесло с собой некое облегчение, а может это просто была жалкая попытка самообмана. Слегка влажные ладони начали оглаживать спину, изредка спускаясь к ягодицам. Он рисовал на коже узоры, а моё тело раскрашивало их алым. Я искусала губы, сиюсья приглушить жалобные стоны. И всякий раз непроизвольно дёргалась от каждого касания.

— Чшш, не шевелись, — тихий голос лишился ярости, но почему-то не приносил успокоения, — не дёргайся и не провоцируй меня, побудь послушной девочкой. Не наказывай себя ещё больше.

О чём он говорит? Ведь я не собиралась наказывать ни его, ни себя, в отличие от него самого. Я обмякла. Алая пелена достигла самых потаённых уголков моего сознания, утверждая свои права, доказывая свою властность надо мной.

— Умница, Мира, вот так. — Его ладони спустились к ягодицам, чтобы уже там оставить свой след. Он раздвинул половинки и палец прошёлся вдоль, задержавшись возле задней дырочки и вынуждая меня напрячься.

— Если не хочешь боли, то расслабься. А если тебе понравилось, то можешь зажиматься дальше. Но ты получишь сегодня всё, что заслужила, так или иначе.

И после этих слов я рухнула в новую пропасть, понимая, что меня возьмут силой второй раз, не спрашивая и не интересуясь моим согласием. Плевок, и тут же палец принялся растирать влагу по сморщенной звёздочке. Один погрузился внутрь, следом второй. Несколько поступательных движений и вот третий тоже внутри. Мне хотелось орать и рыдать во весь голос от обиды, несправедливости, унижения! Но я понимала, что ничего из этого не произведёт на озлобленного мужа впечатления. Поэтому попыталась по-другому:

— Гера, прошу тебя, только не так. Пожалуйста. Не делай хуже, чем ты уже сделал.

— Мира, родная, о чём ты меня просишь? Я ведь тоже убедительно просил тебя не встречаться с Загородневым. И что? Стоило тебе выйти за дверь под предлогом встречи с подругой, как твой водитель мне докладывает, что Загороднев примчался следом за тобой. Разве так выполняют просьбы любимого мужа, Мира?

Пальцы безжалостно проникали в задний вход, а я искусанными губами измученно бормотала:

— Пожалуйста, Гера, только не туда. Умоляю тебя... не надо.

— Заткнись, Мира, — голос снова резкий, нетерпимый, — раньше надо было думать, что надо, а что нет.

Но я не могла заткнуться, страх парализовал рассудок, и я как заведённая стонала в подушку: — Остановись, только не так... пожалуйста, Гера, остановись.

Он вынул пальцы, чтобы отхлестать попу ладонями. Звонкие болезненные шлепки по воспалённой коже выбивали из меня скулёж.

— Перестань рыдать. Ничего с тобой не случилось. От воспитательной порки ещё никто не умирал, — он вдруг неожиданно проскользнул рукой под животом, чтобы приподнять меня и подложить подушку.

— Гера, пожалуйста..., — я не знала, что он задумал, но была согласна на что угодно, лишь бы избежать ремня и секса.

— Я слышу тебя, жена. Но хочу, чтобы и ты услышала меня. — Его пальцы вдруг начали гулять по промежности, скользя уверенными движениями, отвлекая моё внимание. Знакомые приятные ощущения распространялись по телу, и я вдруг прекратила всхлипывать,

недоуменно прислушиваясь к собственным неожиданным ощущениям. Гера же моментально отследил реакцию.

— Вот видишь, как поступают с послушными жёнами. — Лёгкие, едва заметные, круговые касания вокруг моего чувствительного бугорка переключали внимание и вынуждали забыть о недавно творимом бесчинстве: — А то, что было до этого, не доставило удовольствие ни тебе, ни мне. Я не требую от тебя невозможного, Мира. Я просто хочу быть уверенным, что ты не начнёшь заигрывать с каждым встречным мужчиной. Ты моя жена, Мирочка, поэтому твои улыбки — мои, блеск твоих глаз — мой, и залиvistый смех тоже мой.

Его хриплый, низкий голос убаюкивал растревоженные нервы, нежные ласки заставляли подаваться бёдрами навстречу руке. Когда муж нырнул пальцами в глубину, то мы оба убедились, что лоно сильно увлажнилось. Хотя я на такой исход даже не рассчитывала.

— Мм, какая послушная девочка, — два его пальца нашли нужную точку внутри меня и теперь осторожно массируют. После унижительной порки и жёсткого секса на сухую получить нежность и ласку... — подобный трюк способен сломить сопротивление в одночасье. Чтобы Гера ни потребовал от меня в эту минуту, я бы согласилась на всё, лишь бы не испытывать страх и боль от ударов ремнём. Моё дыхание становилось всё чаще, а пальцы мужа постепенно усиливали давление и наращивали амплитуду движений. Вскоре я практически сама насаживалась на его руку, вжимаясь лицом в подушку, прячась одновременно и от жгучего стыда перед самой собой, и от разрывающего желания получить разрядку. Но... он вдруг полностью вынул пальцы и тут же сильно стиснул ягодицу, из-за чего я едва не захлебнулась слюной от неожиданности и резкой смены наслаждения и последующей боли. Моё шипение заглушила подушка, но Гера склонился над ухом и тихо, но бескомпромиссно высказал:

— Увижу ещё раз рядом с мужиком, Мира, любым мужиком, убью обоих...

Новые шлепки ладонью по ягодицам моментально вытеснили недавнее наслаждение, боль уже не чувствовалась так остро, скорее обида от неполученного удовольствия разрасталась намного быстрее, а мозг попросту не успевал обрабатывать вводимые данные. В этот раз мне несказанно повезло. Муж вдруг освободил мои руки и равнодушным, лишённым эмоций голосом произнёс:

— На сегодня так и быть закончим, иначе твои вопли доведут тётю до сердечного приступа. И хорошенько запомни, что я тебе сказал, Мира, насчёт посторонних мужчин. Дважды повторять не буду. Иди умойся и не вздумай реветь. Сама заработала, сама получила. И если хочешь, чтобы я изменил отношение к тебе, то для начала измени своё.

После чего он лёг на самом краю своей половины кровати, подложил согнутую в локте руку под голову и закрыл глаза как ни в чём не бывало. Я ничего не ответила на его отповедь, потому что поначалу лежала оглушённая неожиданной свободой, затем растерянностью от смены настроения мужа. Но возможная опасность из-за нахождения рядом с мучителем придавала нерасторопному телу ускорения. Я корявой походкой, едва слышно охая и стеная поковыляла к ванной комнате, а на подходе меня настигла ещё одна унижительная фраза напоследок:

— Надеюсь ты не рассчитывала на оргазм, малышка. Удовольствие только для послушных девочек, Мир-ра.

«Говнюк», — высказалась про себя. Оказавшись в ванной, я закрыла дверь на щеколду,

после чего без сил сползла вниз.

Мне понадобилось несколько долгих минут, чтобы перестать трястись от кошмара пережитого. Когда я почувствовала себя в относительной безопасности, то опираясь о дверь ладонями еле встала на ноги. Первым делом тут же бросилась к зеркалу и отшатнулась при взгляде на собственное изображение. Глаза безумные, косметика размазалась по лицу, волосы всклокочены. Кожа на лице и шее местами покраснела от раздражения, но мне предстояло посмотреть на себя со спины. Стало жутко. Вспоминая душераздирающие страдания, я всерьёз опасалась увидеть чудовищные кровавые раны, которые всегда оставляли после себя напоминания в виде шрамов. Не знаю, что у меня за фобия, но шрамов на своём теле я боялась, пожалуй, даже больше, чем самих ранений им предшествующих. Поэтому поворачивалась я, снова закусив губу, которую недавно почти сгрызла. Повернулась боком и медленно взглянула в зеркало, выворачивая шею...

Серьёзно?! А где?

Позабыв о боли, я встала ровнее спиной к большому зеркалу, взяла маленькое ручное зеркальце и взглянула с его помощью на свою спину и ягодицы...

Эм-м, а где полученные увечья? Где кровь?

Мне понадобилось какое-то время, чтобы осознать: «Чёрт побери, Мира, ты непроходимая идиотка!»

Никаких кровоподтёков, рваных ран, даже самой маленькой царапины. Моя спина и попа полыхали алым свечением, но повреждений не было и в помине. Я неверующе провела ладонью по ягодице и тут же отдернула руку, зашипев. Кожу ощутимо жгло, но вполне терпимо, никаких следов от ремня и что самое постыдное — никакой адской боли я не чувствовала!

Я несколько долгих минут крутилась возле зеркала, отыскивая самую завалившую царапинку. Мозг отказывался верить глазам и мыслительный ступор никак не желал исчезать. Я и представить себе раньше не могла, что человеческий страх настолько всемогущ и всесилен. Неужели заложенное природой чувство действительно способно подменять реальность в человеческом сознании? Когда я читала о похожих случаях, как например, некий мужчина скончался в ванной от змеиного укуса, при этом змеи не нашли, но зато выяснили, что он страдал запредельной формой офидиофобии (страха перед змеями) и причиной смерти записали разрыв сердца от сильного испуга, то относилась к подобному со здоровой долей скепсиса. Особенность того случая в том, что якобы дядька не просто боялся, а ежедневно и ежесекундно испытывал ни с чем несравнимый ужас перед змеями, поэтому дело было быстренько закрыто и в официальных документах значилось: мол, да, змеиный укус есть, но змеи нет и быть не могло в виду местоположения и замкнутости пространства, посему виноват страх мужика. Так отчитались и полицейские, и эксперты. Я признаться, читая, посмеивалась в кулак, мне подобные истории казались выдумкой для школьников. Но прямо сейчас я с круглыми, выпученными глазами понимала, что пережила что-то весьма похожее, и это понимание, честно говоря, заставляло мелкие волоски на коже противно шевелиться.

Я действительно прочувствовала, как у меня встал умственный процесс, просто застрял на одном месте и всё. Даже то, что я раз за разом крутилась вокруг зеркала, убеждая себя зрительно глазами в отсутствии телесных повреждений, не сильно помогало, потому как картины выдуманных увечий не желали исчезать из моей головы. А значит страх, породивший жуткие образы в головном мозге, и заставивший испытывать сильнейшую боль,

в этот момент оказывался сильнее меня самой. Осознание того, что скорей всего я накрутила сама себя до невообразимых высот, заставило испытать чувство стыда и вспомнить себя бестолковой школьницей, не выполнившей как положено домашнее задание и возвращающейся домой с двойкой в дневнике.

— Не может быть, чтобы я вопила как резанная, будто меня убивают, а сейчас на мне ни следа и я не чувствую той боли, что переживала всего несколько минут назад, — бормотала себе под нос, видимо рассудок испытывал острую нужду в слуховом подтверждении помимо зрительного относительно творимого безумия.

И что мне стоило на мгновение расслабиться и перестать трястись от паники? «Что-то похожее тебе говорил Гера», — запоздало начала постигать смысл сказанного мужем. Тогда как я сделала всё в точности наоборот, напрягая все мышцы разом. И мне действительно казалось, что меня разрывало на части.

— Главное, что не останется никаких следов, — утешилась малым и уже с другим настроением встала под прохладные водные струи тропического душа. Предварительно выбросив в мусорное ведро чулки, которые Гера так с меня и не снял. Мочалку отложила в сторону, трение кожи — не то, что я готова вытерпеть. Размазав гель по телу ладонями, взбила пену, лёгкие, скользящие, массажные движения принесли существенное облегчение. Осмелев и приободрившись, осторожно коснулась промежности. Проверила пальцы на наличие крови..., мыльная пена осталась белоснежной, без единого красного пятнышка.

— Трусливая идиотка, — наградила сама себя нелесным эпитетом и окончательно успокоившись закончила мытьё. Я не стала тратить время на сушку волос, только обернула голову полотенцем да так и отправилась в кровать. Осторожно как мышка, опасаясь сделать неловкое движение, чтобы не разбудить Геру, юркнула под одеяло, устраиваясь на боку. Но мои надежды не оправдались. Мужское тело придвинулось ко мне, одновременно подтягивая меня ближе за живот. Попа вжалась в пах, и я восприимчивой кожей прочувствовала каждый волосок на его теле. Раздавшийся шёпот возле уха отозвался мурашками вдоль моего позвоночника:

— Убедилась, что повреждений нет?

— Угу.

— Полегчало?

— Мгм.

— Теперь будешь меня слушать?

— Ммм.

— Тогда спи, — чмок за ушком напоследок.

И Геру не смутило, что до вечера ещё в принципе уйма времени, стрелки часов едва перевалили за шесть. Но едва услышав сопение мужа мне в затылок, я вырубилась мертвецким сном.

Глава 7

Утро я встречала в одиночестве, но это и к лучшему. Разговаривать со своим мужем я не собиралась. Пусть вчера я действительно больше испугалась, чем моё тело получило вреда, но половой акт без чёткого согласия с моей стороны для меня не являлся нормой или тем, чем я готова поступиться. Ко всему промежность, как и попа, горела от жёсткого обращения. Но линию поведения с Герой я пока не могла для себя определить. Он ревновал, причём настолько сильно, что, вероятно, сам верил в правдоподобность беспочвенных фантазий. Это безусловно чушь, но как доказать мужу, что я не вакханка, если он уже шёл на поводке собственных выдумок? А силу человеческих страхов и восприимчивость подсознания я испытала на себе во всей красе буквально вчера. Поэтому если Гера уверует в мою супружескую неверность, которой укорял, вряд ли я смогу его переубедить. Вчерашний опыт мне запомнится надолго.

После водных процедур спустилась к завтраку, одев, к слову, не юбку или платье как того требовал муж, но и любимые мною джинсы были отложены в сторону, а... спортивный костюм. Ткань мягкая и не так сильно раздражала кожу. Но к моему вящему облегчению Гера успел уехать на работу, а Мария Мстиславовна колдовала на кухне, помешивая нечто в большой кастрюле на плите.

— Доброе утро, Мирушка.

— Доброе, тётъ Маш.

— Герушка уехал с утра пораньше. Он сегодня встал ни свет ни заря, даже раньше меня, хотя я обычно поднимаюсь раньше всех.

«Ещё бы он не выспался, если проспал двенадцать часов кряду, а я и того дольше», — поддела нас обоих про себя, но тему развивать не стала.

Напившись кофе с бутербродами я помогла тётушке по хозяйству, после чего прихватив из библиотеки книгу обустроилась в спальне и не выходила до самого вечера. Марина звонила, но настроение для ведения дружеских бесед отсутствовало совершенно. Скинула ей короткое сообщение, что если не вопрос жизни и смерти, то лучше его отложить до завтра, а лучше до послезавтра. Она ничего не ответила, из чего я сделала вывод, что новости были не из разряда катастрофических.

Последнее время Гера регулярно задерживался, и я надеялась, что сегодня вечером он поступит также. Но, по «закону подлости», он приехал вовремя. Я услышала доносящийся с улицы шум, но не предприняла попытки встать и спуститься, чтобы обнять вернувшегося домой супруга, как сделала бы до вчерашних событий. Более того я впервые в связи с его возвращением испытала не радость, а досаду... И, честно говоря, огорчилась данному обстоятельству. Получалось, как у В. Высоцкого: «Тут за день так накувыркаешься... Придёшь домой — там ты сидишь». Не такой я представляла семейную жизнь, когда выходила замуж.

Через несколько минут дверь спальни отворилась, и я снова имела «счастье» лицезреть взбешённого мужа. Закатила глаза к потолку, безмолвно вопрошая у него «что на этот раз?» Но, признаться, ответ меня не интересовал. Надоело.

— Почему не встречаешь?

— Последний месяц ты был не рад, когда встречала.

— Вообще-то я возвращаюсь не с курорта, Мира, — мужской строгий голос предупреждал не вступать в перепалку, а напротив требовал прогнуться и подчиниться, виляя хвостиком аки преданная зверушка. Может быть вчера — да, но сегодня...

— А я устала предугадывать твоё меняющееся настроение.

Он бросил снятый пиджак небрежным движением на соседнее с моим кресло и подошёл вплотную ко мне:

— И чем же ты занималась, что так устала, дорогая жена? — Гера принял нарочито небрежную позу, спрятав руки в карманы брюк, но меня не отпускало ощущение, что надо мной нависала несокрушимая скала без единого уступа, за который можно было бы ухватиться, чтобы не рухнуть с неё вниз: — Может вагоны разгружала? — раздалось от него язвительно сверх меры.

— Нет, сокрушалась потере любимого человека.

Он тут же напрягся как хищник перед прыжком, подобрался, глаза засверкали ярче потревоженным в своей злости синим огнём:

— С этого места поподробнее.

— Как пожелаешь. Выходила я замуж за любящего, нежного и заботливого мужчину, но по неизвестным причинам он исчез, оставив вместо себя злобного, жестокого тирана.

Муж опёрся ладонями на подлокотники кресла и наклонился вплотную, мы почти соприкасались носами. Бравада, которой я только что с успехом пользовалась, испарилась за мгновение. Тяжёлая мужская аура выдавила из меня последние крохи храбрости, а синий взгляд подёрнулся задумчивостью:

— Хм..., я всегда считал, что ты умная женщина, Мира.

Теперь я окунулась в молчаливое недоумение.

— Но вчерашнее, смотри, ничему тебя не научило.

А вот это удар ниже пояса, запрещённый:

— Ты мне угрожаешь? — пока я даже больше удивлена, чем испугана.

— Зачем сотрясать воздух попусту? Я тебя вчера предупредил что будет, если ты ослушаешься хоть единойжды. Если ты меня любишь, как часто повторяешь, то прислушаешься к словам своего любимого мужа. Ну, а если нет, что ж... Значит и не любила никогда.

— Гера, о чём ты говоришь? Я абсолютно перестала тебя понимать. У меня нет никого и никогда не было кроме тебя.

Своими словами я хотела успокоить, но к моему изумлению, которое я даже не пыталась скрыть (какое там, я уже не первый день, как река, вышедшая из берегов, буквально тонула в собственных водах удивления и растерянности да в предрассветном плотном тумане, сотканном сплошь из волнений и тайн), вышло только хуже. Муж резко выпрямился и, развернувшись, устремился к выходу из спальни, на ходу бросая хлёсткий приказ:

— Переодевайся в платье и спускайся к ужину.

— Я не голодна, — мой голос, к моему же огорчению, выдавал то внутреннее смятение, в котором я пребывала.

— Мне плевать. Если не спустишься через десять минут, спущу тебя сам, лишь бы жалеть после не пришлось.

Дверь хлопнула, а я накрыла голову ладонями в необъяснимом отчаянии. Раскрытая книга на моих коленях от неловкого движения перевернулась. Мне пришлось отложить томик на журнальный стол, причём я нисколько не переживала об отсутствии закладки и

потере нужной страницы. Где взять силы чтобы противостоять? Подчиняться грубости и признавать мужскую власть над собой я не смогу. Но и просто уйти, оставив позади счастливые годы семейной жизни, тоже не про меня. Пока Гера не перешёл черту, я найду в себе силы побороться.

Но где проложена та черта?

Вчера вечером я была уверена, что рубеж преодолён. Но за ночь и сегодняшний день успокоилась. Всё же последнее происшествие скорее из разряда унижительных, чем жестоких. Моё тело абсолютно здорово, а психика... У меня не было чёткого понимания кто из нас двоих прав, кто виноват. Я могла понять его ревность и желание утвердить свои мужские права. А что касалось воспитания жены ремнём... Тут, конечно, загвоздка. Это не то, что я позволю мужчине в отношении себя, но речь ведь шла о человеке, которого я искренне, всем сердцем любила и которому клялась быть рядом несмотря ни на что. Что я за жена, если сдамся, даже не попытавшись сохранить семью? Мы женщины, гораздо тоньше мужчин способны чувствовать семейные нити. Если Гера всегда беспокоился о том, чтобы я вкусно и сытно ела, было тепло одета и обута, то я в первую очередь отслеживала его душевное состояние. Не знаю у всех так происходило или только в нашей семье. Мне почему-то виделось, что мужчины более материальны нас женщин. Поэтому и за крепость семьи приходилось сражаться нам. Ибо тонкие, сверхчувствительные миры эфира и эмоций мы приспособлены считывать подсознательно, врождённым рефлексом или чутьём, или накопленным опытом предыдущих поколений. Где же пройдёт та грань, после которой не останется пути назад? Неизвестно. Вчера я думала, что почти вплотную подошла к ней. Сегодня оказалась отброшенной далеко назад. Что будет завтра..., наверно даже Гера не ведаёт. Безмолвно прикрикнула на собственные безрадостные мысли с целью приструнить и пошла в гардеробную за сменной одеждой.

Гера скривился при виде меня, но его приказ был выполнен мною в точности, платье — в наличии, а о степени его нарядности он не упоминал. Наряд я выбрала самый обычный: безразмерный трикотаж серого мышинного цвета, который вместили бы троих, как я. Муж промолчал и приступил к ужину. Я также молча заняла своё место справа от него и взяла приборы в руки, но затянувшаяся семейная размолвка не способствовала аппетиту. В горле застрял противный комок. Поэтому вернув вилку с ножом обратно на тарелку, я щедро отхлебнула из бокала с красным вином. Спасибо любезному мужу, который к моему приходу успел открыть бутылку, чтобы выпустить спиртовые пары. Смирившись с тем, что еда сегодня меня совершенно не привлекала, я откинулась на спинку стула, зажав пальцами ножку бокала, и потягивала напиток мелкими глотками, периодически взбалтывая.

— Новые фокусы? — Вздёрнутая вопросительно бровь на его высеченном словно из камня лице, когда-то меня будоражила. Я только пожала плечами в ответ, не улавливая сути. Тогда Гера переформулировал вопрос: — Почему не ешь?

— Нет настроения.

— А выпить значит настроение есть, — вместе со словами он послал ехидную ухмылку в мой адрес.

— Значит есть.

Прежде чем произнести следующую фразу мне понадобились несколько больших глотков вина — именно таких, когда набранная жидкость, переполняя ротовую полость, с трудом удерживалась за плотно сомкнутыми губами, можно представить, что так люди обычно пили воду после вынужденной длительной жажды — и буквально всё мужество,

которым я обладала. Хотя до последней секунды я сама не верила, что смогу произнести вслух то, что разъедало кислотой мою раненную душу.

— Гера, скажи, ты винишь меня в том, что я потеряла ребёнка?

— С чего ты взяла? — Муж тоже перестал есть, отложив приборы на край тарелки. После чего промокнул губы салфеткой и откинулся на стуле, окидывая меня задумчивым, мрачноватым взглядом: — Нет, — вскоре раздался уверенный ответ, — хотя я просил тебя не лететь.

— Просил. Но я всё равно полетела. — «Чего не прошу сама себе до собственного последнего вдоха. Мой крест, моя ноша и мне её нести, кто бы что ни говорил».

— И как? Теперь ты довольна?

— Что?! Я с ума схожу от горя и пустоты, а ты спрашиваешь довольна ли я? — ненавижу его за брошенные злые слова, за надменный вид, за демонстрируемое превосходство надо мной, за то, что он всегда на шаг впереди и читает меня, как раскрытую книгу. Но ещё больше я ненавижу себя за то, что он прав. Также как и страх, чувство собственной вины обладало феноменальной способностью сжирать нас заживо причём за весьма короткий срок, и я теперь понимала почему в любых странах мира процент смертей от сердечно-сосудистых заболеваний бил все «рекорды», даже смертность от онкологии проигрывала по всем статьям. «О чём ты думаешь, Мира?»

— Я не понимаю, для чего ты подняла эту тему? — Гера начал злиться, но мы ни разу откровенно не говорили о трагедии, поэтому вскрывать покрывшийся первой коркой нарыв приходилось обоим. — Мы оба знаем ответы на все вопросы: что, как, и почему. Исправить ничего нельзя, так за каким чёртом ворошить? Тем самым ты причиняешь боль в первую очередь себе.

— Врач сказал, что это произошло бы в любом случае, неважно был самолёт или не было.

— Только ты была бы дома и при первых признаках недомогания тебя отвезли в частную клинику, оборудованную новейшей техникой, а не в богом забытую неотложку.

И мне бы остановиться, сейчас самое время, я же видела, что муж искрил от злости, давно забыв про ужин. Его широко расставленные руки упёрлись ладонями в ребро стола, накрытого скатертью, и красноречиво сообщали о взведённом состоянии. Но я почему-то упорно продолжала ковырять незалеченную рану и себе, и ему. Я свихнулась?

— Я и была в нормальной больнице! — запротестовала, переходя на повышенный тон.

— Они не сохранили беременность! Они едва не погубили тебя! Это, по-твоему, нормально?! Если бы не Иван Сергеевич с его золотыми руками, ты могла и скорей всего отправилась вслед за ребёнком. Ты это понимаешь, идиотка?! Ты хоть представляешь, что я пережил за ту неделю, когда ты валялась обескровленная и не приходила в сознание? Я тысячу раз примерил на себя статус вдовца, чтоб тебя, Мира! — Гера в отличие от меня перешёл на крик сразу. И наш спор не замедлил обернуться полноценной ссорой, подкрепляясь возмущениями, оскорблениями, накопленными обидами, страхами и обманутыми ожиданиями.

— Прости, я понимаю, что тебе сложно. Но я думала, что по всему миру тысячи даже миллионы женщин путешествуют, будучи беременными и ничего с ними не случается. Нельзя на поздних сроках, согласна, но на ранних...

— Мира, ты совсем тупая или как?

— Гера, пожалуйста, не говори так.

— А как мне с тобой говорить? Я тебе объясняю, что из-за твоей поездки не спасли вовремя ребёнка и едва не угробили тебя. А ты мне продолжаешь упрямо талдычить, что это нормально. Что у тебя нормально? Выкидыш нормально?

— Хорошо. Я виновата. Это была моя идея съездить с мамой к морю. Я признаю, что случившееся целиком и полностью моя вина. И прошу прощения у малыша и у тебя.

— Какое прощение, Мира? Да кому оно нужно?! Ребёнку уже всё без надобности. Мне оно даром не сдалось. Я принял ситуацию и живу дальше. Только ты как заведённая топчешься на одном месте.

— Я просто не могу понять, за что ты злишься на меня. Почему не доверяешь.

— А у меня нет повода злиться?

— Конечно есть, — покаянно согласилась, но Гера почему-то зыркнул так, что будто с минуту на минуту начнёт меня убивать. Я невольно опустила взгляд на его ладони и заметила, что пальцы сжались в кулаки до побелевших костяшек, нервно сглотнула и подумала: когда-то давным-давно Отелло очень похожим взглядом «люблю, но убью» смотрел на свою Дездемону. Моё тело рефлекторно дёрнулось, но сжав уже свои пальцы в кулаки я тем не менее настырно продолжила:

— Ты тоже хотел и ждал малыша, поэтому у тебя есть повод злиться на меня. — Странно, что ответ я услышала совсем не тот, на который надеялась. Не знаю, когда и почему мы перестали понимать друг друга, но ещё более странно, что даже высказанные вслух слова отказывались нам помогать достичь взаимного просветления.

— Мира, ты не тупая, ты глухая. Я тебе только что сказал, что живу дальше, несмотря на выкидыш. В конце концов это не то горе, которое мы не смогли бы пережить. У нас будут дети, — тут он запнулся и как будто пожалел о собственных неосторожных словах, потому что его взгляд сверкнул виной, наверно на какую-то секунду или даже долю её. Я ничего толком не поняла, не успела отследить его реакцию более внимательно, настолько мимолётной она была, и поэтому не стала заострять внимание.

— Хорошо. Если ты говоришь, что не злишься из-за потери ребёнка, я тебе верю. Но тогда почему ты злишься?

— Я думал ты мне скажешь.

— Откуда я могу знать, что крутится в твоей голове, если ты вообще мне ничего не рассказываешь. После моего возвращения из больницы мы перестали разговаривать друг с другом.

— Вот именно, жена. Вместо встреч с Загородневым лучше бы почаще вспоминала о собственном муже, глядишь и проблем бы никаких не было.

— Значит Загороднев, — резюмировала я обречённо, с ноткой брезгливости даже и не смогла отменить искривившую собственное лицо гримасу. Непроизвольно получилось. — Это глупо Гера. У меня с ним ничего нет и быть не может. Я люблю тебя и всегда любила только тебя.

— А вот со словами поосторожнее, Мир-ра, — муж вдруг яростно зарычал, резко подсакивая из-за стола, за мгновение оказываясь рядом, чтобы до боли стиснуть мои плечи своими ручищами и уже на ухо прошипеть, — когда женщина любит, то не ведёт себя как привокзальная шлюха.

— Я не шлюха.

— Радует, что хоть кто-то в это верит.

Мои глаза наверно подпрыгнули до самой макушки:

— ...?! То есть ты вправду считаешь меня способной на предательство?

Затянувшееся молчание кричало громче слов.

— Не знаю, Мира, уже не знаю.

Гера оставил меня в покое и сел обратно на своё прежнее место, поле чего опёрся локтями о столешницу и, переплетя пальцы в замок, подпёр ими лоб. Он спрятал лицо, но то, как поникли его плечи, и последняя фраза, произнесённая не в гневе, а неожиданно безрадостным, поникшим голосом, создавали впечатление будто мой муж потерялся и сейчас стоял где-то на распутье. Дёрнулась к нему... Нерешительно замерла... Снова дёрнулась и всё-таки приблизилась, подойдя со спины, укладывая ладони на его плечи и слегка пожимая.

— Зато я знаю, Гера! — в драматически-искренне высказанные слова я вложила всю свою поддержку, непоколебимую уверенность, твёрдое обещание быть рядом всегда, несмотря ни на что, — я тебе говорю, что не предавала тебя и не сделаю этого в будущем. Я слишком сильно тебя люблю.

На что я могла рассчитывать — неизвестно, но он стряхнул мои руки и пошёл прочь из столовой, а на выходе не оборачиваясь произнёс, растаптывая в пыль мою жалкую надежду:

— Через полчаса приходи в кабинет.

Ровно через тридцать минут, я в том же безразмерном жутком платье, больше похожем на мешок (и мне очень интересно: о чём думала моя голова в момент принятия решения о его покупке?) постучала в дверь кабинета и зашла. Гера сидел в кресле офисного типа с высоким подголовником на удалении от рабочего стола в вальяжно раскинутой позе, ощущая себя хозяином мира или скорее Миры в нашем случае. В ладони он грел бокал с коньяком, судя по витавшему в воздухе аромату.

Однако помимо алкогольного духа кабинет надёжно хранил многолетние запахи бумаги, краски принтера, всяческой офисной техники и, конечно, деревянной мебели. Помещение изобиловало деревом, природными тёмными оттенками, которые вкупе с кофейного цвета шторами на окнах давили, как и сам хозяин, мощной, удушливой энергетикой, но вместе с тем заботливо и бережливо охраняли. Массивные дубовые книжные шкафы с тёмно-коричневым лакированным покрытием, заполненные сверху донизу литературой и документами на самые различные темы, окружали комнату с трёх сторон, в том же стиле был исполнен рабочий стол на крепких устойчивых ногах. Мне не было нужды поворачивать голову, чтобы заметить у боковой стены небольшой кожаный диван в английской манере. Слишком много будоражащих воспоминаний осталось навсегда закрытыми в этой комнате. Гера любил свой кабинет больше остальных помещений в особняке, и в прежние времена я была уверена, что не меньше он любил те мгновения, когда я бывала здесь.

— Подойди.

Я закрыла за собой дверь и прошла к столу: — Что ты хотел...

— Подойди ко мне, Мира, — требовательный, властный голос грубо меня перебил.

Сжала недовольно губы на избранную им манеру вести разговор, но обошла стол и вплотную приблизилась к его согнутым коленям. После чего он одной рукой расстегнул ремень на брюках, вжикнул молнией, затем достал вздыбленный член из трусов, при этом не

моргая и не отводя прожигающих глаз от моего лица. Я же от неверия в реальность происходящего онемела. Мой взгляд заметался между мрачающим синим взглядом и пахом с расстёгнутой ширинкой. Что вообще творилось в нашем доме? Кто такой человек, который называл себя моим мужем? Я его не знала. Мой Гера никогда не вёл себя подобным хамским образом.

— Это шутка такая? — если было бы возможным, то я бы расхохоталась, расплакалась и испугалась одновременно. Большой растерянности трудно вообразить.

— Уверен, ты знаешь, что нужно делать, Мир-ра, — он будто нарочно растягивал моё имя, специально дразня и упиваясь моим очевидным замешательством. Стакан с коньяком по-прежнему оставался у него во второй руке.

— Ты настаиваешь? — Я словно в зазеркалье, в котором живущий со мной под одной крышей мужчина выглядел как Гера, произносил слова тем же голосом, использовал те же повадки и мимику, но при этом он даже близко не являлся Герой.

— Зачем? Я твой муж, и я хочу секса со своей женой. Другое отверстие у тебя наверняка болезненно после вчерашнего. В то время как твой ротик идеально работоспособен. Поэтому решение очевидно. Но если ты настаиваешь, — он выстрелил в меня моей же фразой, — можешь снять трусики и сесть сверху любой дырочкой, я не против.

— Нет! — ответ сорвался с моих губ незамедлительно. Только представив продолжение вчерашнего, меня основательно встряхнуло. Лучше уж сделать так, как предлагает издевающийся надо мной супруг, чем тревожить раздражённую промежность. Крови за весь день не появилось, но дискомфорт постоянно напоминал о случившемся.

— Я жду, Мира, — глумливый оклик выдернул меня из размышлений. Я же, взглянув в его насмехающиеся глаза полные льда, поняла, что помилования не дождусь. Я не собиралась спорить, доказывать, объяснять. Он захотел видеть меня на коленях — я дам ему это. В конце концов минет — самая меньшая плата из возможных за возврат утерянного семейного мира, а до вчерашнего события я не считала его платой вовсе.

Более не мешкая я опустила на колени и обхватила ладонями длинный, увитый выпуклыми венами член. Багровевшая крупная головка блестела каплей смазки на конце. Кто-то действительно возбуждён. То обстоятельство, что Гера до сих пор меня хотел, пролилось живительным эликсиром на попранное самолюбие. Тогда я собрала проступившую каплю языком, ныряя в дырочку. В ответ на провокацию услышала сдавленное шипение, и моментально в мои волосы вплелись пальцы мужа, захватывая пряди на макушке. Я вобрала губами головку, не забывая оглаживать языком, слегка пососала, после приласкала затвердевший, эрегированный ствол по всей длине с верха до низу и обратно, несколько раз, увлажняя и прослеживая каждую набухшую венку на совершенном члене. Вернулась к головке, вновь мягко посасывая. Мужские бёдра толкнулись вверх, указывая, что пора переходить к активным действиям. Обхватив член у основания руками, я медленно насадила головой сколько могла вобрать, но признаться я так и не научилась расслаблять горло полностью, рвотный рефлекс всегда вставал на моём пути. Поэтому приходилось помогать себе руками. Я задала темп головой, а мужские пальцы тем временем нежно перебирали мои пряди. Вскоре моего размеренного темпа мужу стало не хватать и нажим его руки на голове усиливался с каждым следующим движением. Слюни стекали с губ ручейками, увлажняя ствол. Я растирала влагу ладонями пока голова, как заведённая, сновала туда-сюда. Сегодня мне пришлось потрудиться, Гера долго не кончал, тогда одну ладонь я переместила на мошонку, перекатывая пальцами яички.

— Не останавливайся, малышка, — простонал муж и крепче ухватил меня за волосы.

В ответ я усилила хватку своих рук и принялась сильнее засасывать набухший член. От усилий челюсть сводило, но я очень старалась не задеть нежную плоть зубами. Только изредка, ради остроты ощущений едва-едва оцарапывала головку. В такие моменты муж замирал, но после всегда начинал активнее двигать бёдрами. Я вдруг почувствовала его напряжение, член налился сильнее, становясь ещё толще, мужские пальцы в волосах резко перехватили управление моей головой, насаживая меня как можно ниже, в то время как бёдра подались кверху. Гера зарычал, а я почувствовала, что мне в горло выстрелила тёплая солоноватая жидкость. Заполнив мой рот и перемешавшись со слюнями, она стекала вниз по крепкому стволу. Вскоре я только скользила ладонью по мокрому члену, изредка обводя головку подушечкой большого пальца, до тех пор как муж, заметно расслабившись, разлёгся в кресле, и его рука выпуталась из моих волос.

Я же внезапно осознала, что странным образом возбуждалась. Нет, такое случалось и раньше, причём всякий раз, когда я ласкала мужа орально. Но как-то не ожидала, что после вчерашнего смогу так скоро испытывать возбуждение. Честно говоря, во время самого процесса я не сильно-то обращала внимание на личные ощущения, потому что в голове копошилось слишком много разрозненных мыслей обо всём и ни о чём одновременно. Но на поверку женское тело — идеальный инструмент, прекрасно помнящий, что и как с ним делал любимый мужчина. И одно вчерашнее событие не смогло стереть многолетнюю чувственную страсть. Муж обтёр себя салфетками, я тоже вытерла рот и руки.

— Свободна, — ещё один грубый приказ от Геры, разрезавший тишину, на этот раз за гранью допустимого.

— Ты ополоумел, муж, так со мной разговаривать? Я тебе не подзаборная шлюха, чтобы приглашать меня для сброса напряжения, а после прогонять за ненадобностью, — обошла его немаленький стол и с противоположной стороны опёрлась ладонями о столешницу, упрямо сверля сидящего напротив неприступного мужчину глазами.

— Мира, ты сначала докажи своими поступками, что не шлюха. А то я, знаешь ли, заколебался вытаскивать счастливую и довольную жену из компании Загородневых, которых как я понял теперь двое крутятся возле тебя. Надеюсь, старший позвал младшего не поддержки ради. А то вдруг ты любительница тройничков.

— Гера, прекрати. Так нельзя. — Прижав ладони к пылающим щекам, я уставилась обескураженно на человека, которого совершенно не узнавала: — Не понимаю, почему я должна оправдываться за то, чего не делала.

— Так ты не оправдывайся, Мира. Веди себя как подобает примерной, воспитанной жене и тебе не придётся оправдываться. Неужели это сложно для тебя?

— Совершенно не сложно. Но встречи с обоими Загородневыми — полная случайность. Я не могу отвечать не за себя.

— Тебе и не нужно, с ними я разберусь сам. А ты понаблюдай за собственным поведением и взгляни на себя со стороны, прежде чем сыпать упрёками в мой адрес. Всё. — Не покидая кожаного кресла, Гера выпрямил спину и подкатился к столу. Опустевший бокал, повинувшись воле хозяина и движению руки, занял позицию на столешнице. — Довольно препирательств. Я не собираюсь в собственном доме после напряженного рабочего дня выяснять отношения. Надеюсь, у тебя достаточно мозгов, чтобы усвоить моё единственное требование, — было заметно, что разговор становился ему в тягость и рождал в нём одно лишь глухое недовольство. — Мира, пожалуйста, поднимайся в спальню, мне

нужно позвонить Прохору.

— Ну, конечно. Твой обожаемый Прохор важнее семьи, которая рушится на глазах.

— Причём тут Прохор и наша семья? Я звоню ему не по личным вопросам, а по рабочим — это раз. А во-вторых, за столько лет пора бы уже вам найти общий язык. Всё-таки он не только мой партнёр, но и друг.

«Таких друзей иметь — врагов не надо», — подумала, но вслух не сказала. Сколько можно твердить одно и то же. Но Гера скорее поверит мерзкому Прохору, чем мне. Они ведь со школьной скамьи дружны. «Мужская дружба нерушима, Мирочка», — любил неоднократно повторять супруг. И то обстоятельство, что я жена, не играло абсолютно никакой роли (ненавижу мерзкую мысль, вынуждающую задаваться вопросом: кого бы Гера предпочёл, поставь его в жёсткие рамки выбора — меня или Прохора? Ненавистный вопрос, на который я никогда не буду готова услышать ответ):

— Я не хочу дружить с тем, кому не доверяю, Гера. А ему я не доверю снег охранять зимой.

— Остановись, Мира, — голос мужа посуровел, — если не можешь выстроить нормальные человеческие отношения, то не стоит обвинять других в собственных неудачах. Ещё раз объясняю: мне нужно завершить дела, поэтому сделай одолжение, скройся с глаз.

Ледяная броня Геры полностью поглотила его. Он даже после доставленного мною расслабления не предпринял попытки к сближению. Все мои слова рассеивались в пыль, натываясь на его чёрствость. Складывалось ощущение, что семейные ценности таковыми оставались лишь для меня одной...

— Как пожелаешь, — высказалась сухо на выходе из кабинета и даже тихо прикрыла за собой дверь. Повинуясь мрачному настроению, у меня вдруг возникло иррациональное желание остаться и подслушать, но я вовремя одёрнула себя, не желая опускаться ниже своего достоинства, мне с лихвой хватало и мужниных унижений.

*Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут — и кукую.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.
А. Ахматова, 1911*

— Как дела на работе? — я пыталась придать унылому молчаливому ужину налёт непринуждённой беседы.

— С каких пор тебя интересуют мои дела?

— Всегда интересовали. Но я согласилась не выходить на работу после окончания университета по твоей настойчивой просьбе. Помнишь?

— Не лезь куда не просят, Мира.

— На улице заметно похолодало, должно быть скоро начнётся зима.

По столовой разнёсся мелодичный звон столовых приборов о фарфор.

— Ты издеваешься?

— И не думала, — если только самую малость. Спрятала хитрую ухмылку наклоном головы, но разве я признаюсь своему злобному супругу в мелких шалостях, — о твоих делах спрашивать нельзя, моими ты вовсе не интересуешься. О чём нам в таком случае говорить, дорогой муж? Предложи свою тему для беседы, раз уж мои тебе по нраву.

— Молча поесть и отдохнуть, к примеру. Или такой вариант тобой не рассматривается?

— Кроме тебя мне не с кем общаться. Ты же не хочешь, однажды вернувшись вечером домой, застать свою жену, мило беседующую с фарфоровой статуэткой и внимательно выслушивающей ответы от неё. Мне не хватает общения Гера. Мне просто не хватает тебя.

Муж долго смотрел испытующим взглядом, который я встречала прямо и не отводила своих глаз, пока он сам не вернулся к трапезе, нанизывая на вилку кусок отрезанного стейка.

— Можем сходить куда-нибудь на выходных, выбирай на твоё усмотрение. А среди недели, к примеру, организовать ужин на двоих в ресторане. Что скажешь? — Гера внёс предложение, а я наконец-то получила желанный отклик от него.

— Я с удовольствием. — В такие редкие мгновения как сейчас, когда Гера вновь становился самим собой мне казалось, что у нас нет никаких сложностей. Что через минуту он не вспыхнет новой необъяснимой беспричинной яростью и не заставит меня сжиматься в комок от страха. Жаль, что с каждым разом подобных моментов складывалось всё меньше, а те в свою очередь становились короче. — Кстати, я видела рекламу, у нас в городе проходит мультимедийная выставка «Живые полотна». Я бы очень хотела сходить. — Посмотрела на него с надеждой.

— Мира, может на эту выставку ты сходишь вместе с Мариной, а? — он не скрывал недовольной гримасы.

— Но смысл ведь не только в самой выставке, а чтобы побыть вместе. Не можем же мы сидеть дома вечно.

— Честно говоря, я бы предпочёл включить домашний кинотеатр, лёжа на диване с

тобой под боком, чем смотреть на рисованные мысли не всегда адекватных людей.

— Ха, ты оказывается умеешь быть деликатным, — я улыбнулась, как делала всегда только для него — открыто и непринуждённо, а после уточнила, — выставка в стиле модерн, а не сюрреализма или психоделики. Никакой рисованной шизофрении на полотнах не ожидается.

— И всё же, возьми на выставку Марину вместо меня.

Закончив с приёмом пищи, он подошёл ко мне и, слегка обнимая за плечи, в макушку произнёс:

— Не обижайся, Мира. Искусство и я — два взаимоисключающих понятия. Я лучше в спальне продемонстрирую тебе своё видение авангардизма и прочего.

Его губы потревожили пряди волос, невольно окунув меня в умиление, и я позволила себе откинуть голову назад, упираясь в его торс. Наши глаза встретились...

— Ты выглядишь уставшей, давай сегодня ляжем спать пораньше, — он внимательно рассматривал моё запрокинутое лицо, и видимо ждал от меня ответа, я тоже ждала...

Гера, склонившись, ожёг мои губы коротким поцелуем и оставил меня в одиночестве, больше не произнеся ни слова. Вроде бы даже мирно закончился наш сегодняшний ужин в отличие от многих других, когда мы в лучшем случае просто молчали. Но почему-то горечь, собравшаяся комком в горле, не отпускала и глоток вина не смог её растворить. Тяжесть на сердце продолжала давить, громко вопя, что наша семья слишком далеко уплыла от острова под названием «тихая гавань» или нечто похожее. Проведя невольную аналогию, в памяти моментально ожил мой любимый кинофильм «Тихая гавань» по роману Спаркса (тот редкий случай, когда фильм тоже хорош, на мой вкус по крайней мере). Но вслед за воспоминанием о любимых героях я вспомнила и сюжет, про несчастную Кэти бежавшую от мужа-абыюзера. Вот же блин... Да уж смешно, «тихая гавань», чтоб ей пусто было... Я ругалась себе под нос, вовсю отбиваясь от назойливых мыслей, что Гера может быть похож на экранного Кевина-гада-абыюзера. Но хоть ножом меня режьте я не верила, что Гера абыюзер. И как бы по-идиотски не звучало, но он не такой. Я всем нутром чуяла, что за его ледяной броней что-то скрывалось, что-то злое и мрачное, что-то настолько плохое, что заставляло его меня ненавидеть. Не может человек без серьёзной причины за несколько недель превратиться из доброго, улыбчивого, внимательного мужа в насильника и деспота. Так не бывает. Поэтому причина была, но скрывалась весьма искусно. На мой субъективный взгляд единственно возможный вариант — это потеря нашего малыша по моей вине, который муж упорно отрицал. Ревность к Загородневу — полный бред, в который не верила уже я. Если раньше у мужа не возникало необоснованных всплесков ревности, то с чего им взяться сейчас. Почему именно сейчас? И вольно-невольно я снова возвращалась к своей версии, что Гера винил меня за выкидыш, самое сокрушительное горе, приключившееся с нами за последнее время.

Следующие полчаса я без особого удовольствия, но с нездоровым азартом потратила на то, чтобы собрать грязную посуду и загрузить посудомоечную машину. Разумеется, я помнила, что завтра придёт Алина, чтобы почистить кухонную утварь, сменить скатерть в столовой на свежую и взять под контроль прочие мелочи по хозяйству. Но порой бытовая суэта здорово отвлекала от мрачных мыслей.

Я бы, конечно, предпочла устроиться на работу, но Гера в своём решении видеть меня в роли домохозяйки (читай — мужниной жены) был категоричен. Когда-то я не с красным дипломом, но всё же окончила экономический факультет причём табель пестрел не самыми

позорными оценками. Помню, поначалу Гера не гнушался моих советов относительно его рабочих дел. Сперва с насмешкой: мол посмотрим, как ты опозоришься, вчерашняя студентка, возомнившая себя профессионалом уровня «Бог». Но время спустя перестал насмехаться, а поглядывал даже с некой гордостью. Но моё удовольствие не продлилось долго. И я подозревала, что руку к этому приложил именно Прохор. Однажды ужиная втроём у нас дома, Гера упомянул о моём предложении разослать рекламные буклеты их строительной фирмы по крупным областным компаниям.

— Вот уж не ожидал Гера, что ты додумаешься у своей бабы спрашивать совета относительно нашего с тобой бизнеса.

Я тогда с трудом удержалась, чтобы не послать наглого Прохора-шовиниста куда подальше.

— Так я не спрашивал совета, Мира предложила сама. И кстати весьма стоящее предложение.

Двумя фразами Гера вернул мне потерянное самообладание и заодно упрочил моё уважение к нему. А через несколько дней на заданный мной вопрос, чем я могла бы помочь в его рабочих делах, ответил безапелляционно и поставил крест на моих карьерных планах:

— Я прихожу домой уставший и замотанный и хочу, чтобы меня встречала отдохнувшая, приветливая и весёлая красавица-жена, а не затюканная ежедневными заботами злая, стервозная мегера. Мужской долг позаботиться о материальном достатке семьи, а ты, Мирочка, сделай так, чтобы с тобой я отдыхал не только телом, но и душой. К тому же мир бизнеса слишком грязен и жесток для молоденьких девочек вроде тебя.

— Но Маринка работает, и никто не считает её неподходящей молоденькой девочкой.

— Твоя подружка сама отгрызёт руку по локоть тому, кто ей едва пальцем погрозит. Не сравнивай, вы совершенно разные. К тому же моя жена ты, а не она. За неё будет решать её собственный муж, если, конечно, найдётся такой смельчак.

— Гера, я не хочу, чтобы ты что-то решал за меня, так неправильно, я хочу обсуждать и принимать решения вместе.

— Вот мы сейчас и обсуждаем. Но не прибегая к третьей стороне, могу сказать, что мои доводы более логичны и оправданы, нежели твои. Если ты выйдешь на работу, то я потеряю всё вышеперечисленное. Но раз уж тебе недостаточно аргументов, то подкину ещё. Моя жена не обнимет и не поцелует меня, когда я вернусь с работы, повезёт если ты вообще вернёшься домой раньше, а не позже меня. Ужинать мы будем оба уставшие. Вечером в постели я стану тебя щадить, чтобы не любоваться по утру на синяки под твоими невыспавшимися карими глазками. Если случится утренний секс — значит опять-таки украдём время у сна и отдыха. Внеурочные звонки от твоего непосредственного начальства по закону подлости будут раздаваться именно тогда, когда мы решим побыть наедине. При этом зарплату ты будешь получать копеечную, которая просто не окупит всех тех усилий, которые ты вложишь и с которыми мне предстоит смириться. Мне продолжать?

— Но ты мог бы взять меня к себе и тогда внеурочных звонков и больших нагрузок можно избежать.

— Я бы взял тебя к себе, Мирочка, с огромным удовольствием, особенно на должность личной помощницы. Но работать тогда в нашей семье будет попросту некому.

— Почему?

— Потому что ты будешь полный рабочий день трудиться либо на моём рабочем столе, либо под ним. О каких делах может идти речь, если у меня от одного взгляда на тебя член

становится каменным?

— Так нечестно, Гера. Ты жульничаешь.

— Разве мои чувства к тебе — это жульничество?

Кто из женщин в силах противостоять, когда любимый мужчина попросил по его мнению о «сущей малости» — забыть о личной карьере ради семейного покоя и комфорта. Я не стала обострять спор и приняла решение мужа. Но с той поры, прислушиваясь к внутренней интуиции, начала относиться к Прохору с большей долей осторожности. Тем не менее доказательств, что именно он приложил руку к решению Геры отвадить меня от их совместного бизнеса, не было.

Однако прежде женскую интуицию называют паникёрством, а после кланяются в ноги.

Я вынырнула из воспоминаний неохотно. «Нельзя жить прошлым, Мира», — напомнила сама себе установку из курса психологии. Иначе слишком легко выпасть из реальности, изобилующей сложностями и проблемами, подменив её тем временем, которое состояло сплошь из признаний в любви и горячего, страстного секса. Когда я поднялась в спальню, в смежной ванной комнате шумела вода. Памятуя прошлый опыт, не стала заходить. Помыться я успела до ужина, поэтому просто сняла домашнее платье, бельё и легла под одеяло, потушив ночник. Вскоре Гера улёгся рядом, пахнущий резким ароматом геля для душа.

— Ми-ир, — позвал он не громко, откидывая с меня одеяло и притягивая ближе к себе.

— Мм?

— Ты меня любишь?

— Очень, и всегда говорю тебе об этом.

Моё лицо муж в благодарность осыпал короткими поцелуями, а я обвила широкие плечи руками, осторожно царапая гладкую кожу ноготками.

— А ты меня любишь?

— Всегда.

После мужские губы захватили в плен мои бескомпромиссным, глубоким поцелуем. Мы целовались как в последний раз... или первый после долгой разлуки. Исступлённая ласка заставляла забыть о плохом, погружала в топкую, вязкую страсть, обещала огненную чувственность. Из уголков моих глаз потекли тонкие ручейки слёз по причине эмоционального перегрева. Гера устроился сверху, обхватил моё лицо ладонями, периодически стирая подушечками пальцев проступавшие влажные дорожки. И тогда целовал ещё яростней и неистовей, будто пытался одним единственным поцелуем стереть горькое прошлое и нарисовать светлое радужное будущее.

Я сама не заметила, как начала постанывать. Эмоции сопричастности, единения, безусловной любви двух людей сплетались воедино. Я потиралась нижней частью живота о его пах, чтобы завершить процесс слияния. Чтобы обрести долгожданный, сверкающий, оглушительный финал. Почувствовав моё нетерпение, Гера переместил одну ладонь на грудь, безошибочно отыскав сосок и покатывая его между пальцами. Вершинка моментально превратилась в камушек в благодарность за ласку. Я всё сильнее вонзала пальцы под кожу мужу, потому как хотелось большего, намного большего. Ноющая пустота внизу живота мучительно пульсировала. Требовала, взывала... Оторвавшись наконец от моих губ, Гера сомкнул рот вокруг второго соска, и я застонала в полный голос:

— Ге-ра, пожалуйста, о-о-о-о, м-м-м, хочу тебя.

В ответ на мои мольбы он проверил пальцами влажность вдоль нижних губок.

Удостоверившись, что там всё достаточно мокро, он сел на пятки, мои же ноги согнул в коленях и прижал к груди:

— Обхвати ножки руками, Мира.

И только после того, как я выполнила пожелание, подтянул за попу ближе к себе. Вновь огладил, оказавшиеся будто на ладони, раскрытые складочки.

— Ты вся блестяешь. — Палец растирал проступившую влагу, изредка дразня набухший бугорок. Затем муж вошёл резко, но не целиком, на половину, давая мгновение, чтобы приспособиться. А после уже более сильно толкнулся, погружаясь до конца.

— Ге-ра-а, о-о-о-ох, — громко простонала, ощущая распирающую наполненность.

— Тихо, малышка, просто расслабься и прими.

Он начал неспешные движения, но входил до упора, выбивая из меня рваные вдохи и стоны. Погружение чувствовалось слишком глубоко, слишком полно, но муж не давал мне возможность выпрямить ноги. Его большой палец опустил на клитор и благодаря ловким круговым движениям сумасшедшее возбуждение смыло весь дискомфорт. Вскоре я активно елозила бёдрами, торопясь ухватить за хвост свою личную комету. Муж, отследив моё нетерпение, усилил свой натиск, наращивая скорость движений, но не прекращая нежить лоно. Чтобы через несколько мгновений я наградила его громким стоном и оглушительно кончила, сокращаясь вокруг члена, не останавливающего движений. Вскоре он последовал за мной, вжимаясь бёдрами до упора в мой приподнятый зад и рыча сквозь зубы. И только несколько минут спустя, когда мы оба отдышались, я поняла:

— Ты кончил в меня.

— Чёрт, не сдержался. Сейчас исправим, Мирка.

Что он собрался исправлять оставалось для меня загадкой, но вскоре я висела вниз головой на твёрдом плече. А в душевой кабине Гера промыл меня изнутри сильным напором воды, ловко удерживая одной рукой, пока я визжала и отбивалась от слишком чувствительной струи.

— Где ты успел нахвататься подобных знаний? — хохотала, устало сползая по кафельной плитке, пока муж смывал с себя мыльную пену.

— Чего только не узнаешь, чтобы контролировать рождаемость, — он весело усмехнулся в ответ.

— Не уверена, что «бабушкиным методам» можно доверять.

— Тогда ты знаешь, что делать.

— Да, завтра съезжу в аптеку за таблеткой.

— Извини, — закончив мыться мужчина поднял меня с пола, ухватив подмышками, — но ты ходячий соблазн, Мирочка. Один взгляд на тебя, и я думаю исключительно о том, как в тебе хорошо.

Наши губы соединились чувственным поцелуем. Я обвила его за шею, приподнимаясь на цыпочках. Моё тело вытянулось в струнку и звенело от переполняющей любви с аккомпанементом в виде мелодичного эха недавнего оргазма. Когда воздуха стало не хватать, муж переключился на шею и чувствительную область за ухом. Мне нестерпимо хотелось мурчать от зашкаливающих эмоций, поэтому я выразила их самым доступным способом:

— Люблю тебя, муж, — прошептала и вплела пальцы в его волосы. Но вместо ответного признания Гера вдруг прекратил ласки губами, выпрямился, и его тело, постепенно каменея, превратилось в гранит. А меня прожигали глаза, в которых, замещая нежность и обожание,

со дна поднималась злость. Я опешила от наблюдения за неожиданной метаморфозой. Хотела что-нибудь сказать, но слова вдруг все растерялись, настолько непредсказуемой для меня оказалась смена личины. До недавнего времени о двойном дне в характере мужа я и знать не знала. Сейчас же мне предоставился подходящий момент отследить все мельчайшие подробности, наблюдая «представление из партера в первом ряду». Вдруг синие глаза хищно блеснули, нехорошо блеснули, предвкушая... А Гера развернул меня к стене, грубо вдавливая в кафельную плитку. Затем прижался ко мне со спины, потираясь о ягодицы восставшим членом и прошептал:

— Вот и проверим сейчас твою любовь. Придётся потерпеть жена, ты ведь хочешь угодить своему любимому мужу? Не так ли, Мирочка?

Я не видела его лица, но мне показалось, что последние фразы он произнёс с издёвкой. Только в чём меня можно упрекнуть, если я искренне и со всей теплотой призналась в том, что действительно чувствовала по отношению к нему. Тем временем Гера своей стопой резко развёл мои ноги в стороны. Одной рукой прижимая мою голову к стене, второй он пробрался к промежности. Влаги было мало, потому как ощутив исходящую от него внезапную грубость, я за мгновение умудрилась остыть.

— Что же ты не течёшь при виде голого любимого мужа, мм? Или может не такой уж я и любимый? — колкие слова были произнесены таким же желчным тоном, в то время как два пальца грубо проникли внутрь меня, причиняя дискомфорт. — Что же ты сейчас не говоришь о любви, Мира?

— Гера, мне больно, — подала голос. Надо что-то говорить, но я не понимала какие слова подобрать, которые окажутся способны успокоить злую ревность. Если моё недавнее признание в любви сработало не так, как принято у большинства людей, а спусковым крючком порождая ярость. То, что смогло бы его успокоить?

— А ты докажи, как сильна твоя любовь и я сделаю тебе хорошо, — он потёрся своей щекой о мою, царапая нежную кожу жёсткими щетинками. Зубы несколько раз несильно прикусили ухо. Шумное дыхание, влажные поцелуи вдоль шеи взбудоражили мою кровь, перенастраивая регистр с ноток недоумения и доли страха, на томный, сексуальный лад. Я, повинувшись импульсам тела, подала попу назад, вжимаясь крепче во вздыбленный пах.

— Так-то лучше, но недостаточно, малышка, — Гера сменил тон, добавляя в голос хрипотцы, но укор всё равно прозвучал недовольно, и одновременно со словами вытащил из меня пальцы. — Оближи, — после чего возле моего рта оказались те самые пальцы, почти сухие. Я старательно оближала их, посасывая и дразня языком. Муж одобрительно, не скрывая собственное возбуждение, рыкнул, затем быстро провёл пальцами по моим складочкам, увлажняя, а после вошёл одним резким движением, на всю длину, выбивая из меня жалобный стон и искры из глаз.

— Ге-ра-а, о-ой. Полегче. — Я бестолково елозила по кафелю ладонями, пытаюсь найти точку опоры, но руки скользили и в тщетных попытках скатывались вниз. Единственное что удерживало меня — это рука мужа, вжатая в мой затылок, но я боялась, что на щеке останется узор раскладки кафельной плитки. К сожалению, кроме меня об этом больше некому было позаботиться. Гера начал движения и в этот раз действовал слишком грубо, резко, возможно даже зло. Он просто вгонял член до упора, не заботясь о том, в состоянии ли я его принять или нет. Пока муж наслаждался процессом, я пыталась хоть как-то ослабить давление на голову и продолжала безуспешно скользить ладонями по стене. Мысль о том, чтобы самой себе помочь достичь разрядки исчезла без малейшего сожаления с моей

стороны. Я не против жёсткого секса, но при условии, если возбуждена. А не в том случае, когда Гера злился, ревниво обвинял и будто использовал моё тело в качестве наказания. Такие обстоятельства не возбуждали, наоборот, безжалостно обнуляли либидо. И мне оставалось только дожидаться окончания, надеясь и уповая, что муж сможет кончить быстро. Перед финишем он крепко сжал и натянул волосы, чтобы моя голова откинулась назад, впился в мои губы агрессивным поцелуем, скорее даже не целуя, а кусая нежную плоть. После чего совершил несколько беспощадных толчков, и кончил на мой выпяченный зад. Только после этого рука исчезла с головы, и я смогла наконец отодраться от стены. Даже всхлипнула от облегчения, осторожно потирая ладонью щёку. А Гера тем временем усердно размазывал сперму по моим ягодицам.

— Ты всё ещё любишь меня, жена? — откровенно издевательский и провокационный вопрос от него.

— Конечно, люблю, — ответила чистую правду. Но не уточнила, сколько моя любовь сможет выдержать, прежде чем превратится в труху. Потому как мне самой это не известно. И узнавать ни на грамм не хотелось.

— Ты доволен? — я встретилась с ним глазами, в надежде увидеть хотя бы толику раскаяния за грубость. Синева полностью очистилась от злости и переполнялась удовлетворением и сытостью, никакого сожаления не наблюдалось и в помине.

— Полностью, — он лишь подтвердил то, что я знала до его ответа.

Я первая встала под душ, смывая следы его страсти, но не своей. Моя в нашей семейной жизни, судя по всему, лишнее звено.

На мультимедийную выставку художественных картин, по поводу посещения которой я агитировала Геру, мне пришлось сходить всё-таки с Мариной. Но она только рада общению, в отличие от хмурой меня. Заряженные положительными эмоциями (по крайней мере подруга), делясь интересными впечатлениями, мы неспеша прогуливались по опустевшим в выходной день городским улочкам. Уличная температура в градусных отметках опускалась всё ниже, запуская непрекращающийся листопад, деревья стояли почти оголённые. Только кое-где на ветках оставались самые стойкие листочки, не желающие по первой прихоти непогоды и недоброй воле ветра опадать на землю, чтобы кануть в небытие. Они до сих пор стойко сражались за место под солнцем с выпавшими на их долю превратностями природных явлений, не желая так просто сдавать отвоёванные за лето позиции. Под ногами асфальт устилал толстый слой опавших листьев, которые к этому времени признали своё поражение и смирились с дальнейшей незавидной судьбой. Я поднимала мысками сапог верхний слой, чтобы смотреть как пожухлые листья, совершая кульбиты в воздухе, всё равно через секунду смиренно укладывались обратно. В них исчезла пульсация жизни вслед за бесследно канувшим в небытие желанием бороться. Осталась лишь тоскливая безысходность. Моё внимание неожиданно отвлекли встречные прохожие. Молодая женщина должно быть нашего с Мариной возраста или может чуть старше катила коляску, а вокруг неё резвилась девочка примерно пяти-шести лет. Она подбирала с земли самые большие пёстрые кленовые и дубовые листья, которые не успели скукожиться окончательно, и составляла из них букет, вероятно для будущего гербария. Молодая мамочка часто заглядывала в коляску и лишь изредка бросала взгляд на дочку. Но даже в те короткие мгновения, если наблюдать за ней, можно было заметить, как её лицо невольно разглаживалось при взгляде на самостоятельно забавляющуюся старшую девочку, мелкие тревожные складки стирались, а после набегали снова стоило женщине вернуть внимание на того, кто видимо спал в коляске, но тем не менее требовал сосредоточенной родительской опеки в безостановочном режиме (нон-стоп, как сейчас модно говорить).

— Ау, Мира, ты где? Ты меня вообще слушаешь? — Подруга дёрнула меня за рукав кашемирового пальто и резко остановилась. Мне пришлось вынужденно повернуться к ней.

— Что с тобой происходит, Мирка? Ты сама не своя. Похожа скорее на ожившего покойника, чем на мою подругу.

Я вымученно улыбнулась: — Наверно осень накладывает свой отпечаток.

— Будто это первая осень в твоей жизни. Не пудри мне мозги. Выкладывай.

— Было бы что. Не о чем рассказывать, Марин. Но... я буду признательна, если ты на всякий непредвиденный случай раз узнаешь кто в нашем городе самый надёжный адвокат по разводам, только не предлагай старшего Подольского.

— О-фи-геть! Мать, ты в своём уме?!

— Вполне, — отстранённо пожала плечами и утянула её за собой, возобновляя прогулку. Потому как говорить о личном, даже с Маринкой... нелегко. Ну, не могу я непринуждённо делиться впечатлениями после унижений от собственного мужа. — Пока не разберусь окончательно, наши с тобой пустые разговоры — обычные женские сплетни. Не обижайся, Мариш. Я, честно, сама ничего не знаю. Просто он изменился не в лучшую сторону. Вот и всё.

— Я так понимаю, что открывшаяся сторона далека от идеальной.

— Самой не верится, насколько далека.

— И причина тебе не известна?

Я отрицательно покачала головой и переменяла тему: — Слушай, так что у тебя с Савелием Загородневым?

— Ой, Мирок. Ты не представляешь, что за мужик, — подруга протянула мечтательно и облизнула губы. Видимо мысли бродили в её голове совсем нескромные.

— Зато ты, судя по всему, уже не только представила, но и опробовала, — усмехнулась, но не зло.

— Не опробовала, но собираюсь, — прозвучало в ответ искренне и в стиле Маринки.

— Неужели вы ни разу не встречались?

— Почему, пару раз сходили поужинать.

— Тогда выходит после ужина ни разу не прозвучало «зайдём ко мне на кофе»? Я тебя не узнаю, Мариша. А как же твоё фирменное «быка за рога», точнее за другое место? — засмеялась уже открыто.

— Не знаю. Мир. Он не настаивает, я тоже что-то застеснялась.

— Ну, вы даёте. Оба взрослые люди, Савелий особенно. А ведёте себя как подростки. Ты, кстати, шефу отставку дала?

— В том то и дело, что он её отказывается принимать.

Теперь я остановилась, округляя глаза в неверии:

— То есть как отказывается, разве он не женат?

— Вот именно! Женат, да ещё как! — Маринка от возмущения повысила голос и даже всплеснула руками. — На фига он мне был нужен без жены?! Я-то с ним и замутила, чтобы после безболезненно расстаться. А он, представляешь, выдаёт, что одно моё слово и начнёт бракоразводный процесс.

После озвученного облома я расхохоталась в голос, прям до прослезившихся глаз и плевать на возможные потёки туши, а Маринка обиделась:

— Ну, что ты за подруга такая. У меня горе. А тебе смешно...

— Прости, но это действительно смешно. Бедный мужик, если бы он только знал, по какой причине ты начала с ним встречаться. Боюсь если он узнает, то месть тебе светит не от обиженной жены, а от мужа, оскорблённого в самых высоких чувствах.

Она внимательно смотрела на хохочущую меня, что-то прикидывая в голове, и когда пазл сошёлся, то согнулась в таком же неудержимом смехе. А после нам обоим пришлось поправлять поплывшую на лицах косметику. Всё-таки с её шефом случился незабываемый и совершенно незапланированный конфуз, причём для всех участников невольного треугольника.

— Надеюсь ты сможешь с ним миролюбиво разойтись. Иначе скорей всего тебе предстоят поиски новой работы.

— Да, ладно, — самоуверенный взмах рукой в ответ на моё предположение, — будто я за неё держалась. Меня больше беспокоит, как бы Савелий случайно не столкнулся с шефом.

— А что они оба знают твой домашний адрес?

— Конечно, раз уж они оба подвозили меня после свиданий. Естественно, что они знают мой адрес, Мира. Особенно шеф, — она даже возмущилась моей несообразительности.

— Тогда рви с шефом как можно быстрее. Иначе некрасивой ситуации не избежать. И не факт, что после Савелий не исчезнет со всех радаров.

— Вот и я боюсь этого больше всего. Что мне делать, Мир, посоветуй, а?

— Что-что, не спать с женатыми, вот что.

— Так я же хотела как лучше... Я ведь не лезла в их семью, а мужики и вовсе считают, что..., короче, сама знаешь поговорку про «левак и брак».

— А получила в итоге сюрприз. Кстати, а твой шеф-то, он как мужчина, ничего? Я имею в виду симпатичный? Может если мужик настроен на серьёзные отношения, так хватай его и беги обратно на ваши Мальдивы. Жени его там по всем правилам. И всё такое.

— Мира!! Я Савелия хочу.

Я почему-то снова рассмеялась, но на этот раз собственным сумасшедшим мыслям. Если бы в жизни было всё так просто. К примеру, захотела мужика, тыкнула в него пальцем, объявила при свидетелях «хочу этого» и дело в шляпе, вы уже женаты, отдельная ячейка общества со всеми вытекающими. М-да. Куда-то не туда меня понесло.

— А если хочешь Савелия, то поставь перед шефом вопрос ребром. Либо вы расстанётесь тихо-мирно, и он не третирует тебя на работе, либо ты попросту увольняешься. У него кстати дети есть?

Она неуверенно пожала плечами:

— Наверно есть... Должны быть... Ай, не помню я про детей! Я к нему в душу не лезла он ко мне тоже.

— Само собой, вы больше в трусы друг другу лезли.

— Мира!

— Вот и напомни ему заодно о детях, что нехорошо кровиночек бросать, и жена у него вся из себя умница-красавица. А ты карму себе портить не будешь и не станешь разрушать крепкую семью. Было и было. Пусть вон лучше жену и детей свозит на море, глядишь о тебе быстрее забудет.

— Мира, ты гений! — она кинулась с объятиями прямо посреди тротуара.

— Ты и сама бы додумалась, если бы не развела панику.

Тут у Маринки зазвонил телефон. Она глянула на дисплей:

— Это шеф. Но сегодня ведь суббота, — подруга нерешительно уставилась на меня просительным взглядом, наверно стеснялась оставлять меня одну.

— На ловца и зверь бежит. Действуй. Чем быстрее закроешь с ним, тем быстрее сможешь начать активные действия в отношении Савелия.

Заветное имя подействовало стартовым сигналом.

— Алло. Привет... Я с подругой... Нет, почему, могу... Хорошо, через час у меня.

Она убрала телефон в карман пальто и посмотрела на меня сияющими предвкушением голубыми глазами:

— Он приедет, хочет поговорить.

— Вот видишь. Всё не так уж плохо. Не хами и не груби, но будь непреклонной. Тебя подвезти? — дала последние наставления, прежде чем Маринка отказавшись от моего предложения, развернулась на 180 градусов и умчалась в направлении своего дома.

Я же представила одинокий субботний вечер — Гера снова на работе и вернётся домой затемно — и угрюмо вздохнула, жаль, что подруга сбежала по своим делам. Покрутив головой по сторонам, случайно наткнулась на казавшееся неприметным кафе. То, что нужно, чтобы не встретить знакомых и провести несколько минут наедине с собой. Мрачная и тоскливая осень, тревожные мысли о муже, горестные воспоминания о неудачной беременности — поводов для меланхолии с лихвой. Впору раздавать страждущим, но вряд

ли найдутся желающие на подобные «дары».

Помещение оказалось самым обычным, без претенциозности, с минималистичным, но лаконичным и не режущим глаз дизайном, наподобие студенческих кафе. Возьмусь предположить, что случайно обнаруженное мною заведение вполне могло оказаться одним из них, судя по достаточно скромным ценам в меню. Небольшие круглые столы с деревянной столешницей без скатерти, вокруг каждого по четыре деревянных стула. Барная стойка тоже из дерева. Просто, без излишеств, но главное чисто. Поэтому я решительно осталась и заказала кофе и фруктовый салат.

Вид за окном удручал. Настроение тоже. Маринка умудрилась вместе с собой прихватить жалкие остатки моего давно отсутствующего оптимизма. Даже хорошо, что сейчас меня никто не видел. Вяло ковыряясь вилкой в салатнице, я вполглаза наблюдала пейзаж за окном, изредка поворачивая голову, чтобы рассмотреть редких визитёров, заглянувших на чашечку кофе или чтобы выкурить пару сигарет, прежде чем вновь отправиться по делам субботнего дня. Неудивительно, что посетителей мало. Все наверняка заняты домашними делами или проводят время с родными и близкими. Зато к вечеру это место, вне всякого сомнения, заполнится до отказа разношёрстной молодёжью.

Недалеко от меня через несколько столиков расположились две симпатичные девушки-близняшки. Забавно смотреть, когда сёстры или братья похожи между собой, как отражение в зеркале, ни за что не отличишь одного от другого, пока они сами не признаются. Но долго пялиться некрасиво, поэтому я вернулась к тоскливому лицезрению улицы за панорамным окном. Странно, что грустные мысли постепенно теряли свой смысл. Я перескакивала с одной на другую, не успев толком обдумать первую. Вскоре я заметила, что отвлекаюсь как раз таки на возбуждённый разговор между сёстрами.

— Ты не понимаешь, чтобы проект воплотить, необходимо в первую очередь найти щедрого спонсора, а как его найти, если мы с тобой никого не знаем, — взбудоражено убеждала одна.

— Значит будем рассылать наше предложение по всем крупным компаниям подряд, пока кто-нибудь не откликнется, — хладнокровно парировала вторая.

— Не будь такой наивной. Кто рискнёт ввязаться в бесперспективный по рентабельности проект. На детях много не заработаешь, здесь сплошные траты. И все, кто ознакомятся с нашим предложением поймут, что это ничто иное, как чёрная дыра по высасыванию капитала. А любые толстосумы всегда тяжело расстаются с честно уворованной копеечкой.

— Хорошо. Уговорила. Но что ты предлагаешь? Сдаться ничего не предпринимая?

— Откуда я знаю? Просто глупо надеяться на благополучный исход.

— Но речь ведь о детях. Неужели все люди без исключения стали бессердечными? Вдруг отыщется хотя бы один человек, кому будет не всё равно.

Девчонки продолжали ожесточённо спорить, но в итоге обе удручённо склонили рыжие головы над чашками с чаем. Что меня зацепило в их словах? Может то, что речь велась о некоем проекте для детей. А у меня после недавних личных событий, всё что так или иначе связано с детьми вызывало острую болезненную реакцию. Совсем уж неожиданная мысль заставила замереть в нерешительности. Я помедлила, собираясь с духом, но долго высидеть на месте не смогла.

— Прошу прощения, девушки, что вмешиваюсь, но я нечаянно стала свидетельницей вашего разговора. Не могли бы вы подробнее объяснить, что за проект вы обсуждаете и

главное какое отношение он имеет к детям.

— А вы кто такая?

— Варя, перестань, — одёрнула сестру вторая девушка и учтиво обратилась ко мне, — извините, я Валерия, можно Лера, а эта невоспитанная девица моя сестра Варя.

— Варвара, — первая девушка всё равно поправила вторую.

Я не обратила внимание на колкости и представилась в ответ. Для себя отметила, что девчонки должно быть устали от вечной путаницы их имён и сделали разные причёски. Варя остригла прямые рыжие волосы и сейчас они были перехвачены с двух сторон за ушами невидимками. Лера же предпочла сохранить длину волос, переплетя их в две косы через прямой пробор. Обе девушки озорны и юны, и, пожалуй, заслуга в том не только веснушек, рассыпанных по лицам обеих да вздёрнутых курносых носов, но и молодых, дерзких характеров, проскальзывающих за упрямыми каре-зелёными глазами, опущёнными тёмно-рыжими ресницами.

— Присаживайтесь, Мира, к нам, — что ж для меня стало очевидным, что Лера из них двоих наиболее приветливая.

Прихватив со своего столика чашку кофе и оставив фруктовый салат недоеденным, я подседа к новым знакомым и вернула разговор к взволновавшему меня вопросу.

— Если не секрет, о каком проекте вы говорили?

— А вам это зачем? — Лера тоже оказалась не промах. Она блеснула лукавыми ореховыми глазами.

— Так уж вышло, что я не против поучаствовать во всём, что так или иначе связано с детьми. Отсюда мой интерес.

— А вы сами чем занимаетесь? — Варя впервые спрятала неуступчивый характер. Не уклонившись от ответа я внесла своё предложение.

— Девочки, если не возражаете, давайте перейдём на «ты». Я не настолько стара, чтобы вы мне выкали. Думаю, что общаться станет намного проще.

Рыжие головы синхронно кивнули. А я задумалась над тем, что мы втроём недоверчиво присматриваемся к друг другу, и никто из нас до сих пор не рискнул ответить на озвученные вопросы прямо. Забавно складывалось общение.

— Заранее признаю, что неоригинальна в своём вопросе, но вы специально подстриглись по-разному, чтобы сократить количество путаницы вокруг вас?

— Полгода назад решили поменять причёски. Варька подстриглась после того, как наши парни перепутали нас.

— Серьёзный повод, — согласилась. На самом деле и смех, и грех. Не знаю, чтобы делала на их месте, если бы мой парень перепутал меня с сестрой, даже если она близнец. Приятного в любом случае мало. — Возвращаясь к твоему вопросу, Варя, то по большому счёту я ничем не занимаюсь, кроме того, что являюсь супругой бизнесмена. Гордиться нечем, согласна, но что есть, то есть, — вскрыла карты первой. Иначе мы могли ходить вокруг да около бесконечно долгое время.

Девчонки не сдержали язвительных ухмылок и окинули мой прикид демонстративными взглядами, задержавшись на золотом браслете часов. Я их почти не снимала со дня, как Гера подарил. Затем осмотру подверглось моё строгое платье шоколадного цвета от известного бренда. Я сдерживалась изо всех сил, чтобы не накрыть ладонью другую кисть руки, покоившуюся на столе подле чашки кофе, чтобы не сверкать раздражающим блеском обручального кольца с бриллиантами и сапфировым помолвочным. Не нужно быть Вангой,

чтобы догадаться какое впечатление обо мне сложилось у собеседниц: упакованная дамочка вдоволь намаялась бездельем и скукой богатой, беспроблемной жизни, устав в одиночестве сидеть дома, ожидая слоняющегося по любовницам мужа, перессорившись с подругами из-за раскритикованного ими цвета её новой помады, подслушала непредназначенный для её ушей разговор, и решила бесплатно развлечься за счёт сестёр.

— Мы так и поняли, — ядовито хмыкнула Варя.

— Внешность порой обманчива, — единственная фраза, на которую я решилась, чтобы она не звучала оправданием. Извиняться за богатого и успешного мужа, который предпочитал бездельницу-жену, ни перед кем не собиралась. Даже если я сама по вполне объяснимым причинам чувствовала себя виноватой.

А за следующий час девочки поведали мне свою идею с коряво составленным бизнес-планом, который, по сути, таковым даже не являлся. Они согласились передать мне флешку с сохранённой информацией, но этому поспособствовала не моя харизма и обаяние, действующая должным образом исключительно на Геру, да и то с очевидными сбоями в последнее время, а прозвучавшая фамилия моего мужа. Девушки были прекрасно осведомлены чем именно мой супруг зарабатывал нам на жизнь и тут же засверкали яркими улыбками, должно быть внутренне воздавая хвалы небесам за столь удачное для них знакомство. Я нисколько не обиделась. А на что? Мой муж действительно богат, в меру влиятелен в своих кругах, но я-то его ценила за абсолютно иные качества и моё личное отношение никак не связано с его профессиональными или же финансовыми возможностями. И если он поспособствует продвижению идеи, которая сейчас покоилась во внутреннем кармане моей брендовой сумочки, я была бы несказанно рада и счастлива.

— Мира, как думаешь, твой муж согласится помочь с реализацией проекта? — обе сестры одинаково пронзали меня напряжёнными взглядами.

— Не знаю, девочки. Но я сильно постараюсь его заинтересовать. Обещаю.

Обменявшись телефонами на прощанье, мы разошлись в смятенных чувствах. Я, потому что чувствовала необычную воодушевлённую приподнятость после случайного знакомства, сёстры — скорей всего испытывали невольную надежду, которую вряд ли по силам загасить даже их сдвоенным голосам разума.

Через две минуты после моего звонка подъехал Володя. Сев на заднее сиденье и предупредив, что едем домой, я листала в телефоне галерею недавно сделанных фотографий, когда вдруг заметила, что мы стоим уже какое-то время и почему-то никуда не едем.

— Ты кого-то ждёшь, Володь?

— Вас, Мирослава Андреевна.

— Мм, так я давно сижу в машине, — хмыкнула, не сдержав иронии. Парень явно что-то задумал.

— Я извиниться хотел, — недовольно буркнул тот в ответ.

Я искренне не понимала тех людей, которые собирались принести извинения, но делали это с таким недовольным видом, что человек, у которого просили прощения сам начинал чувствовать себя виноватым. Потому как прямо сейчас я ощущала совершенно лишнюю и ненужную неловкость за чужие прегрешения.

— Володя, — вздохнула полной грудью и длинно выдохнула, запасаясь внутренним терпением, — ты мне ничего не должен, и я не обижаюсь. Только, пожалуйста, не надо извиняться с таким видом, будто тебя ведут на плаху.

Я внимательно смотрела в центральное зеркало заднего вида, отслеживая его глаза,

поэтому заметила, как парень дёрнулся после моей отповеди и отвёл взгляд. Но не сдался:

— Мирослава Андреевна, я действительно хочу извиниться. Вы наверно подумали, что я специально позвонил шефу, чтобы настучать о вас и Загородневе. Но на самом деле у меня прямой приказ от Георгия Родионовича — при появлении Загороднева рядом с вами докладывать напрямую ему и немедленно. В случае промашки — увольнение. А у меня жена беременная, Мира Андреевна. Мне сейчас позарез нужна работа.

— Володя, остановись. Я всё понимаю и не жду иного. Ты поступил так, как считал нужным...

— В том то и дело, что не так. Я понимаю, когда нужно крутить баранку и ехать куда скажут, отчитаться о передвижениях в маршрутном листе. Я водила с обязанностями охранника. Но не стукач. Не по душе мне, когда приходится рассказывать о том — кто, где, с кем и как. Не моё это, Мира Андреевна.

— Володя, сколько тебе лет, если не секрет.

— Двадцать девять, а что?

— Жена первенца ждёт? Какой срок?

— Седьмой месяц пошёл, — парень расплылся в широкой улыбке и заметно расслабился, стоило разговору переметнуться на тему его семьи, — сынишку ждём, Мира Андреевна, — он внезапно спохватился, из-за чего улыбка моментально увяла, — а ничего, что мы с вами о детях говорим? Вы-то сами как, в порядке?

Да что ж такое-то с нами творится, а?!

Именно этого вопроса я жду от своего мужа буквально каждый день, но получаю только от водителя, которому по большому счету всё равно на моё физическое и моральное состояние. Но даже тот, кому нет до меня никакого дела, проявил участие.

— Всё в порядке. Я ведь сама спросила, тем более мне и вправду интересно. Может мы уже поедем, как считаешь?

Водитель заёрзал, проявляя неуверенность, после чего бросил в зеркало виноватый взгляд:

— Вы действительно не сердитесь на меня из-за Загороднева?

— Я тебе в самом начале сказала, что мне не на что обижаться. Я всё понимаю. — Но уточнять об исчезновении уважения не стала. Да и кто я такая, чтобы у постороннего парня появилась нужда в моём личном уважении. У него своя семья, которую требовалось кормить и содержать; своя жизнь в конце концов.

— Расскажи лучше, как протекает беременность и как решили назвать малыша.

После чего весь путь до дома, будущий папаша с увлечением и откровенностью, на которую я признаться не рассчитывала, но была приятно удивлена, рассказывал о беременных причудах супруги.

Глава 10

Звонок мобильного телефона раздался в тот раз, когда парикмахер-стилист заканчивал ворожить над моими волосами:

— Как дела, малышка? — тягучий, с игривыми нотками, низкий тембр мужа вызвал непроизвольную улыбку.

— Хорошо. Я в городе у стилиста. А ты как?

— Я, помнится, обещал тебе романтический ужин. Сегодня вечером как раз освобожусь пораньше. Что скажешь, согласна?

Странный вопрос, разве я откажусь от возможности провести время наедине с любимым мужчиной:

— Разумеется согласна. Где и когда встречаемся?

— Я скину время и координаты водителю, он тебя привезёт. Ты же найдёшь чем себя занять до вечера?

— Естественно найду.

— Если хочешь, можешь приехать ко мне на работу. Подождёшь меня здесь.

— Ты же сам постоянно ворчишь, если я отвлекаю тебя от дел.

— Не ворчу. Просто тебя я люблю гораздо сильнее любой работы, поэтому моментально отвлекаюсь.

— Я тоже тебя люблю. Тогда будет лучше, если мы встретимся в ресторане?

— Ты, как всегда, права, малышка.

— Значит до встречи?

— Целую.

После обновления причёски из салона красоты я выходила окрылённая и одухотворённая, но не работой мастера-стилиста, а звонком Геры. Сев в машину, предупредила водителя о будущих передвижениях:

— Володь, отвези, пожалуйста, в торговый центр.

Предложение Геры приехать к нему в офис искушало очень сильно. Настолько, что мой отказ стоил мне прокушенной губы. Но если он сделал шаг навстречу, то я тоже вдохновилась на ответный. Зная, насколько муж равнодушен к тому, как я выгляжу, помимо причёски, я решила на обновление наряда к вечеру. Гера всегда любил, если я наряжалась и прихорашивалась специально для него, начиная с причёски и заканчивая умопомрачительно высокими шпильками. А после лицезрения меня в красивом платье он с трудом дожидался того момента, когда будет дозволено развернуть обёртку, чтобы посмотреть новый комплект белья. Сей непритязательный ритуал стал для нас двоих своеобразной традицией, которой оканчивалось большинство наших свиданий. Раз уж с причёской удалось подгадать весьма кстати, то не стоило пренебрегать и остальными составляющими успеха, чтобы упрочить перемирие, воцарившееся в семье.

— Мира Андреевна, Георгий Родионович будет вас ждать через три часа. Вы точно успеете?

Скептически поднятая бровь на лице Владимира, как и его недоверчивый тон, меня не испугали: — Будем стараться.

Нам пришлось мчаться стрелой по бутикам, которые мною были проверены раньше и в которых я была уверена, заранее зная, что найду всё необходимое. Володя постоянно пыхтел

мне в затылок, но ни разу не отстал и не потерял меня из виду. А за то, что он ни словом не обмолвился, когда ему обвешанным пакетами с моими покупками пришлось несколько раз бегать с одного этажа на другой, потому как я вдруг решила приобрести новые туфли, то, преисполнившись благодарности, окончательно простила его за доклады супругу о моих встречах и передвижениях.

Тютельница в тютельку мы с ним сели в машину к тому сроку, чтобы по вечерним пробкам добраться до ресторана. Костюм из тонкой шерсти, надетый мной с утра, сменило чёрное выходное платье. Спереди достаточно скромное, вырез лодочкой открывал ключицы, приталенное, длиной чуть ниже середины икры. Но вот сзади для удобной ходьбы разрез оказался совсем не скромным. Если наклониться даже не глубоко, а слегка, то сразу открывался вид на резинку чёрных чулок. Сапоги я также сняла, заменив их бархатными шпильками. И пока Володя вёз нас к месту назначения, достала из сумочки зеркальце с помадой и добавляла последний штрих к сегодняшнему образу. Моё песочное пальто немного выбивалось из нарядной картины, но покупать новое ради одного вечера..., хм, ветреные глупости не в моём характере, а Гера надеюсь переживёт. Ведь под платьем помимо чулок специально для него приготовлен бельевой шик экстра-класса из чёрного ажюра с бордовыми вставками. Не сдержала предвкушающей и капельку хищной улыбки.

К ресторану мы подъехали вовремя. Выбранное мужем место славилось своей роскошью и ориентированностью на богатых клиентов. «Siberia» не являлся моим личным фаворитом, но несколько раз мне доводилось бывать здесь, сопровождая мужа на деловых встречах и пару раз мы ужинали исключительно вдвоём. Метрдотель вежливо раскланялся и проводил меня к бронированному столику. Официант принёс меню, но я предупредила что жду супруга и заказала минеральную воду с лимоном и мятой. Гера запаздывал, и я отправила ему сообщение: «Приехала, жду тебя». Ответ пришёл незамедлительно: «Еду. Не начинай без меня». Наш столик расположился в удобной нише, подальше от основного скопления столов, а значит посетителей. И тем сильнее я удивилась, когда услышала показавшийся знакомым голос:

— Добрый вечер, Мира. Приятно снова увидеть тебя.

— Савелий? Добрый вечер...

— Не буду спрашивать, что ты здесь делаешь, полагаю тоже самое, что и я.

— У меня свидание с мужем, — улыбнулась, скорее предвкушая встречу, чем своему нечаянному собеседнику. — Ты один, без брата?

— Да. Должен был встретиться кое с кем из заказчиков, но у него случился форс-мажор по семейным обстоятельствам. Поэтому я коротаю вечер в одиночестве. Не могу не заметить, что сегодня вечером ты особенно восхитительна, Мира.

— Спасибо за комплимент. Но, по правде, — замялась, подбирая слова, — нам лучше поскорее разойтись. Гера последнее время ревнив.

— И его можно понять. Красавицу-жену нельзя надолго оставлять одну.

Мужчина продолжал стоять возле столика, нервируя меня, и я не собиралась приглашать его присесть. Со стороны моё поведение вероятно выглядело невежливым. Однако память о воспитательном ремне мужа вовремя подсказала, что собственная непорченная шкурка гораздо важнее глупых условностей. В этот момент мой мобильный телефон на столе пиликнул новым сообщением:

«На дороге большая авария. Пробки жуткие. Никуда не уходи, я всё равно приеду». «Я тебя жду», — сразу отправила ответ, а после неуверенно взглянула на Савелия, и тот

моментально догадался:

— Муж задерживается?

Кивком подтвердила его предположение.

— Тогда, пожалуй, я поохраю тебя до его приезда, — мужчина бесцеремонно отодвинул стул и сел напротив меня.

— Послушай, Сава. Спасибо за заботу, но Гера не из тех, кто потерпит на своей территории постороннего мужчину.

— Мира, не говори ерунды. Мы сидим в общественном месте, вокруг нас толпа людей. Я ни на что не претендую и веду себя максимально корректно. К тому же я, как воспитанный мужчина, не могу оставить прекрасную даму без поддержки. Вдруг кто-то из посетителей восхитится твоей красотой и начнёт некрасиво приставать, — он хитро подмигнул серым глазом, сильно напомнив тем самым Петра.

— Тебе не кажется, что ты слишком настойчив?

— Поверь, я смогу объясниться с твоим мужем. Как мужчина он поймёт.

Да что ж за невезение такое! Братья Загородневы будто сговорились, раз за разом попадаясь мне на пути. Вы, мужики, может и разберётесь между собой, но как быть мне, когда дома Гера начнёт выяснять отношения уже со мной и при помощи ремня, который даже искать не придётся, а достаточно вытащить из пояса брюк. Но изображать пугливую девицу, которую дома поколачивает муж в приступах неконтролируемой ревности — настолько стыдно, что я продолжала сидеть молчаливым истуканом, не говоря ни слова и лишь отпивая мелкими глотками воду из бокала. С непроницаемым выражением лица отвернулась в сторону, разглядывая вычурное убранство помещения. Что Пётр, что его брат абсолютно твердолобые упрямы, смотрят лишь со своей колокольни, не прислушиваясь к мнению окружающих. Хотя, что я говорю, будто мой Гера не такой — абсолютно такой же, сходство один в один: *делаю только то, что считаю нужным.*

— Ты моя жена, значит твоя роль соглашаться и поддерживать меня во всем.

— А как же равноправие, о котором мы договаривались и перед свадьбой, и после?

— Конечно, у нас равноправие, как же иначе. Просто обязанности в браке у мужчин и женщин различаются. — *Вот, что муж отвечал, стоило намекнуть об избыточном напоре тестостерона.*

— Слушай, а тебя дома никто не ждёт? — не выдержала и предприняла ещё одну попытку избавиться от нежелательного соседа.

Савелий непринуждённо рассмеялся:

— Мы с братом оба холостые, как ты должно быть помнишь, и живём отдельно. Думаю, что было бы несколько странно в нашем с ним возрасте жить с родителями или друг с другом. Как считаешь?

И я понимала, что Загороднев пытался выглядеть милым, но его любезность мне сто раз отольётся слезами. К нам подошёл официант, чтобы принять заказ, очевидно решив, что Савелий и есть тот человек, которого я ждала. Но, к моему нескрываемому сожалению, это не так, поэтому отказалась от всего.

— Мне чёрный кофе. Мира, может выпьешь со мной чашечку за компанию, — он хитро улыбнулся и снова подмигнул, — свидание с мужем наверняка затянется далеко за полночь.

Я, поджав губы, отвернулась и, кажется, покраснела. Когда люди успели растерять приличные манеры? Понятно, что мы не на приёме у английской королевы, чтобы следовать протоколу, но тем не менее видимся всего второй раз в жизни, а он считает позволительным

разговаривать со мной, как со своей подружкой.

— Извини, Мир. Я бестактен и лезу не в своё дело. В качестве перемирия предлагаю испить по чашке кофе, — Савелий верно расценил моё недовольство и сменил тактику.

Чтобы не выглядеть капризной, избалованной девицей, я подтвердила официанту своё согласие на кофе и вернула внимание на бесцеремонного младшего брата, вторгшегося дальше некуда в моё личное пространство.

— Сава, я тебя последний раз предупреждаю. Мой муж очень ревнив. И вряд ли он будет счастлив обнаружить свою жену в компании незнакомого мужчины. Пощади хотя бы меня, если на самого себя тебе наплевать. Зачем мне дома скандалы из-за надуманного повода.

— Так и я о чём, Мира. Повода-то нет. Какой может быть скандал? От того, что ты сидишь у всех на виду и разговариваешь со старым знакомым?

Про «старого знакомого» он, конечно, загнул. Тем не менее я отлично понимала, что повода для ревности нет, Загородневы оба понимали, что повода нет, почему же Гера отказывался признавать очевидное и усиленно пытался отыскать чёрную кошку в чёрной комнате. Вроде Средневековье давным-давно прошло, вокруг нас множество людей, чтобы подозревать меня в адюльтере. Или же страх, что он чуть меня не потерял после выкидыша, так повлиял на него, что он никак не мог прийти в себя. Я вспомнила, что не одна, когда Савелий зашевелился. Возможно, он что-то спрашивал, но я последнее время с лёгкостью погружалась в размышления, делая исключения лишь ради Геры. Только рядом с ним я испытывала такой сонм чувств и эмоций одновременно, что никак не могла оставаться равнодушной. Только не с ним.

С трудом припомнила тему беседы с Загородневым-младшим: — У вас это, как я погляжу, семейное. Твой брат регулярно сетует на старый возраст, напрашиваясь на комплименты, теперь ты подхватил эстафету.

— Ха, ты права. Я заговорил словами своего брата. Видишь, как он на меня отрицательно воздействует. Только рядом с тобой он становится более-менее вменяемым.

Подняла раскрытую ладонь вверх, призывая остановить балаган:

— Не говори ерунды. Мы с ним видимся настолько редко, по пальцам пересчитать можно количество наших встреч. Так что я никак не могу влиять на Петра. Я всё хотела у тебя спросить, Сава... — Бросила взгляд из-под ресниц в ожидании реакции собеседника.

— Спрашивай, что угодно, мне скрывать нечего.

Ох, мужчины, иной раз вы так легко и неосмотрительно разбрасываетесь обещаниями, только чтобы произвести впечатление на симпатичную девушку, а позднее с наименьшей лёгкостью нарушаете их.

— С твоим братом мы встречались не часто, но регулярно последние несколько лет. Но с тобой я познакомилась совсем недавно. Ты не появляешься на устраиваемых в «высших кругах», — выделила последнюю фразу воздушными кавычками, и Савелий понимающе хмыкнул в ответ, — вечеринках. Не ходишь на приёмы со своим братом. Почему?

— Ответ на поверхности, Мира, и ты наверно расстроишься его услышав.

— Тем не менее.

— Меня не приглашают.

Улыбнулась: — Твоего брата приглашают всегда и везде, а тебя нет? Из-за чего несправедливость?

— Я пока не дорос до элиты.

— Не знала, что существует какая-то градация. А ты по каким параметрам не подходишь?

— По финансовым, Мира. Мы живём в мире, где всё меряется одним единственным мериллом. Деньгами.

— Но ты говорил, что у тебя собственный бизнес, Пётр нахваливал тебя как обеспеченного жениха, прям сейчас бери и жени. А денег получается нет? — пыталась докопаться до сути. «Чего спрашивается пристала к мужику, ещё потребуй его годовую декларацию». Внутренний голос не был мной услышан, по крайней мере я сделала вид, что не расслышала его. Затем обвела помещение ресторана многозначительным взглядом, чтобы в конце вернуться к серым глазам напротив, — или ты лукавишь? Мы сидим в самом престижном заведении нашего города и очевидно, что у тебя есть средства на оплату ужина, иначе тебя бы здесь не было.

— Позволь встречный вопрос. Какое у тебя образование?

Смутилась на мгновение, неужели я перегнула палку с вопросом:

— Экономическое.

— Мм, — усмешка одним уголком губ, — тогда понятен твой интерес. Но всё проще простого, я не дорос, точнее обороты моей компании не доросли до того уровня, чтобы получать приглашения на все великосветские тусовки или входить с пинка в кабинет мэра. Пока эта опция доступна для меня только в кабинете Петра.

— Хочешь сказать. Что твой брат входит с пинка к нашему мэру? — присвистнула про себя, ничего себе мужики развлекались.

— Думаю, что Пётр слишком воспитан для подобного, — мужчина почесал затылок призадумавшись на мгновение, — но подозреваю, что при желании он мог бы себе это позволить.

— Ох, мне кажется, мы углубились куда-то не туда, — зачем мне вообще подноготная Загородневых, тут бы со своими семейными проблемами разобраться, а не совать нос в чужие дремучие дебри, за что того самого носа можно запросто лишиться, — кстати, ты собираешься или не собираешься ухаживать за Мариной? — наконец-то мне вспомнился весомый предлог увести разговор в безопасное русло вместо обсуждения финансовой состоятельности братьев Загородневых.

— Она упоминала обо мне?

— Не увиливай. Я первая спросила.

Мы замолчали, пока официант расставлял чашки. Отхлебнула горячую жидкость и обожгла губы, но восхитилась вкусом и ароматом.

— Брат говорил, что в этом заведении варят самый вкусный кофе у нас в городе.

— Ничего удивительного. Они изначально ориентированы на людей с определённым уровнем дохода. Было бы странно если бы здесь подавали суррогат. И ты мне так и не ответил про Марину. Всё-таки она моя единственная подруга и мне бы не хотелось, чтобы...

— Извини, Мира, я тебя перебую. Предупреждаю сразу я не брачный аферист и не альфонс, просто она мне понравилась как девушка, никакого криминала. Если я ей нравлюсь как мужчина, то почему мы не можем встречаться к обоюдному удовольствию.

— Савелий...

— Мне больше нравится, как ты произносишь Сава.

Я укоризненно, но с улыбкой покачала головой:

— Вы с братом неисправимы. Но хорошо, пусть будет Сава. Я не считаю тебя, Сава,

аферистом или непорядочным человеком. Ты и Марина — взрослые люди, сами разберётесь. Я не собираюсь вступать в чужую жизнь, мне своих забот хватает. Просто хочу быть уверена, что мне не придётся потом вытирать её слезы и смотреть как рушатся мечты.

— Мира, я не обижу её.

— К сожалению, никто не может этого знать наперёд, Сава. Мир не стоит на месте, и люди меняются вслед за ним. Не обещай того, чего не сможешь выполнить. Просто будь с ней честен. Это единственное, что важно в любых отношениях.

— Ты мудрая женщина, Мира, и я приму к сведению твой совет.

— А Мира всегда отличалась умом и сообразительностью. — Гера сел за стол, принеся с собой промозглый осенний воздух, который мгновенно пробрался мне под платье. Я сразу подвинула стул ближе к нему, чтобы взять мужа за руку и попыталась поймать синий взгляд, дабы определить степень его взвинченности, но он упрямо прожигал глазами Савелия, полностью игнорируя моё присутствие.

— Гера познакомься, это Савелий Аркадьевич, родной брат Петра Аркадьевича.

— Второй Загороднев значит.

— Небольшая поправка: мы не родные братья, а единокровные, у нас один отец.

— Да, теперь многое стало ясным. Недальновидность и нахальство явно отличительная черта всей мужской половины вашей семьи.

Савелий, который перед этим протянул руку в сторону Геры для рукопожатия, не получив отклика, но удостоившись открытого оскорбления, нахмурился и сжал кулаки, оставив их в зоне видимости, на поверхности стола. А я тут же начала рисовать в воображении самые мрачные последствия моих необдуманных посиделок.

— Родной, у Савы в ресторане была встреча, и он любезно составил мне компанию, пока я в одиночестве дожидалась тебя.

— Хм, значит он уже не Савелий Аркадьевич, а Сава. Быстро, однако.

Неловкая пауза, вскоре обернувшаяся затишьем вокруг нашего столика, с каждой минутой напитывалась напряжением всё больше.

— Да, я посчитал невежливым оставлять прекрасную даму одну, — Савелий опомнился быстрее всех, — но раз семья в сборе, и Мира больше не нуждается в охране, то я, пожалуй, пойду. Приятно было позна...

— Мы пойдём вместе.

Гера первым решительно встал из-за стола, но я продолжала удерживать его за руку. Тогда он порывисто и грубо стряхнул мои пальцы и, по-прежнему не оборачиваясь ко мне, дождался, когда поднимется Савелий, который послал мне удивлённый и вместе с тем встревоженный взгляд. После мой муж что-то негромко произнёс мужчине на ухо, и они вместе вышли на улицу. Я догадывалась, что Гера зол, значит не потрудиться выбирать выражения, и скорей всего применит силу. Но Савелий был хоть и не таким крепким на вид как мой муж, чуть уже в плечах и мускулатуре, но тем не менее чувствовалось, что мужчина в прекрасной физической форме. Я понимала, что они вряд ли устроят кровопролитную драку; максимум съездят друг другу по физиономии пару раз, чтобы выпустить пар. Однако это знание нисколько не облегчало внутренней паники. От неизвестности и нетерпения я вскочила со стула, но сделав несколько шагов замерла в нерешительности. Чем я могла помочь в сложившейся щекотливой ситуации? По-моему, вопрос в корне не верный. Могла ли я предотвратить драку? Уже поздно. Могла ли я остановить драку? Это вряд ли. А вот попасть под горячую руку или даже несколько рук — запросто. Вернулась на своё место и

попыталась взять под контроль нервную дрожь. Несчастливая салфетка едва ли уцелела в неравной борьбе с моими пальцами за целостность ниток.

*Я пью за разорённый дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоём,
И за тебя я пью, —
За ложь меня предавших губ,
За мёртвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.
А. Ахматова, 1934*

Прошло не так много времени, а Гера уже как ни в чём не бывало сидел на стуле, который недавно занимал Савелий. Он разминал кулаки, я же не могла оторвать взгляда от стёсанных до крови костяшек. Хотела что-нибудь сказать, но слов не находилось. Поэтому рот закрылся сам по себе по причине заторможенности мыслительного процесса.

— Ты сделала заказ? — мужской голос абсолютно невозмутим, будто всё в полном порядке и муж не отлучался с едва знакомым типом выяснять отношения на улице.

— Нет, ты просил не начинать без тебя.

Он обернулся и подозвал официанта. Ему понадобилось меньше минуты пробежаться взглядом по меню, чтобы озвучить заказ за нас обоих, не забыв про бутылку красного полусухого.

— Если хочешь, можем вернуться домой, — я предприняла робкую попытку встать на путь к примирению. А что оно — примирение — мне понадобится, ясно и без гаданий на кофейной гуще.

— С чего бы? — он вскинул на меня синий взгляд, в котором некогда искрилась морская гладь, а теперь всё чаще бушевал шторм, но ещё чаще синева застывала, превращаясь в ледяной айсберг.

Пожала плечами: — Не знаю, просто предложила, — разговор не клеился, и я отвернулась.

— Я обещал своей жене вечер в ресторане, значит так и будет.

«Я решил, так и будет» — эта мужнина фраза (читай — жизненное кредо) до того осточертела, что чудилось будто она насквозь пропитала всю меня и должно быть встретила в мою ДНК. Я так сильно успела возненавидеть её, и сейчас едва слышав, во мне рождалось единственное желание — крушить и ломать всё, что попадётся под руку, без разбора. До отвращения надоело слышать от мужа: он решил, он сказал, он сделал... он, он, он. С языка рвалось: когда же начнусь я? Но ни одну из мыслей, я, естественно, вслух не высказала.

— Красивое платье, — прозвучал комплимент. Но впервые я не улыбнулась на приятные слова, ибо сказаны они с оттенком ревнивой раздражённости.

— Мы заезжали с Володей в торговый центр. Хотела сделать тебе сюрприз, — после слова «сюрприз» я вздохнула тяжело и печально, Гера, наоборот, грубо хохотнул.

— Должен признать, сюрприз удался, малышка. Во всех смыслах.

Весьма кстати вспомнилась вторая часть моего сюрприза, и чтобы отвлечь нас обоих от

воспоминаний о Загородневе-младшем, решила на диверсию:

— Под платьем ещё один сюрприз.

— Лишь бы его не звали Савелий.

С трудом удержалась, чтобы не закатить глаза на его глупейшую реплику:

— Могу гарантировать.

— Что-то твои гарантии, Мира, за последнее время всё больше обесцениваются.

После слов Геры, я почувствовала первый тревожный звонок того, что по завершении ужина меня не ждало ничего хорошего. Всё же куда у меня оставались силы на сопротивление, я намерена продолжать. Знать бы ещё во имя чего... Но мой любимый супруг, который по неизвестным причинам превратился в незнакомца, слишком важен для меня, чтобы я сдалась, не пройдя все испытания, посланные судьбой, до конца.

— В данном случае гарантии выданы под 100 % обеспечение.

— Придётся поверить тебе на слово, Мира. Потому как, чтобы проверить обеспечение, нам придётся вернуться домой.

Не могла не согласиться. Пока мы молча ужинали, я краем глаза наблюдала за мужем. Он едва пригубил вино и сразу же попросил официанта принести бутылку коньяка. А это прозвучал второй звонок, причём набатом. Я совершенно не чувствовала вкуса блюд и ела из необходимости, чтобы иметь возможность выпить как можно больше вина. Вдруг в расслабленном состоянии мне удастся подластиться к недовольному и даже сердитому мужу с большей вероятностью успешного исхода. А то с недавних пор мои провалы слишком зачастили.

Несмотря на приложенные усилия напиться у меня не получилось, нервная обстановка не располагала к расслаблению. За время ужина мы едва перебросились парой фраз. Я видела, что Гера слишком часто обновлял свой коньячный фужер, янтарная жидкость в нём не задерживалась надолго. И к концу вечера мужское лицо из живого пусть окрашенного негативными эмоциями, но тем не менее живого, до которого можно было достучаться, превратилось в ледяную бездушную маску. Я не знала, как и что говорить человеку, у которого вместо лица холодный, непроницаемый лёд, лишённый эмоций под чистую, в том числе злости или даже ненависти. Как только Гера заметил, что моя тарелка опустела, он тут же подозвал официанта, расплатился, и вскоре больно стискивая локоть, вёл меня в сторону машины. На улице, озябнув от осенней прохлады я моментально вспомнила про забытое в гардеробной пальто. Усадив меня в тёплый автомобиль, разогретый загодя водителем, муж вернулся в ресторан за забытой деталью гардероба.

Путь домой также прошёл в гробовом молчании. И по мере нашего приближения к дому я всё больше и больше сжималась внутри в комок. Мне не верилось, что Гера способен повторить «воспитательный» трюк с ремнём, как в прошлый раз. Но внутренняя интуиция вопила об опасности. Однако какими бы громкими не были её вопли, что-либо предпринимать я не торопилась. Да и, честно говоря, даже не предполагала, что именно могла бы сделать. Что я в состоянии противопоставить мужу? Он ревновал, я видела. С моей стороны поводов для ревности нет. С его вроде как тоже. Откуда могла взяться ревность, да к тому же настолько ядовитая, разъедающая внутренности кислотой?

Возможно, после потери ребёнка, когда я сама из-за неостанавливающегося кровотечения балансировала на грани жизни и смерти, а Гера мучился неизвестностью и переживаниями, то он ведь мог попросту не справиться с эмоциональным давлением. Ведь мог же? Вдруг из-за страха потенциальной двойной потери он стал таким несдержанным в

своей злобе... Вероятно, он психовал не столько из-за потери малыша, но прежде всего потому, что я подвергла опасности собственную жизнь. Ведь я твёрдо знала, что муж без памяти влюблён в меня, как и я в него. Со времени нашего знакомства мы почти не расставались. Даже на заре наших отношений, когда мы не жили вместе и не были женаты, Гера всегда находил время, чтобы встретиться со мной. Если работал допоздна, то приезжал ко мне ближе к полуночи. Лишь бы обнять, стиснуть в своих ручищах мои рёбра, впиться требовательным поцелуем в губы, терзать и мучить жёсткими ласками до тех пор, пока моё тело не обмякало в его руках, превращаясь в податливый платин. Только убедившись, что сопротивление подавлено на корню, он резко менялся, превращаясь в нежного, ласкового, чуткого мужчину. Тогда его руки переставали сжимать, зубы не царапались, а мягкие губы без усталости извинялись за грубую, порывистую страсть.

Из воспоминаний меня выдернул резкий толчок. Дверь с моей стороны открыта, и Гера нетерпеливо тянул меня за кисть, вынуждая поскорей покинуть машину. В дом я зашла будто под конвоем. На второй этаж до спальни мы дошли точно также, он цепко держал меня за руку выше локтя, усиливая давление на поворотах. В спальне он неожиданно пихнул меня в спину, и я полетела носом вперёд, чудом успев выставить руки перед собой. Упала на колени, больно упираясь запястьями в пол, покрытый пушистым ковром, что заметно смягчило падение.

— Что скажешь сегодня, жена, в своё оправдание?

Я неловко перевернулась на попу, растирая полусогнутые в коленях ноги и затем переключаясь на подушечки ладоней. Молчала. Потому как даже близко не понимала ни происходящего, ни что я могла сказать, чтобы потушить презрение, сквозившее в каждом его слове. Лицо — ледяная непроницаемая глыба, но боюсь, что внутри него творилось нечто невообразимое, не поддававшееся моему осознанию.

— Я внимательно слушаю тебя, Мира, — голос мужа заморозил нашу спальню, заключая обоих в капкан ледяной пещеры.

Он сел на одно из кресел, опёрся локтями о широко разведённые колени и сцепил пальцы в замок. Губы плотно сжаты, подбородок выступил вперёд. А синие глаза совсем не ласковы, и даже не штормуют, глаза — два осколка льда с острыми гранями, способными с лёгкостью растерзать плоть, вспарывая мясо до кости, потроша нутро и выворачивая наизнанку. Бросив взгляд на собственные похолодевшие руки, я заметила, что нервно заламывала кисти.

— Я не понимаю, что ты хочешь от меня услышать, — внутренне дрожала, но не позволяла голосу сорваться в противный писк. Кем бы сейчас ни был Гера, я ни в коем случае не должна поддаваться панике. Прошлый раз хоть чему-то меня научил. Ведь тогда на самом деле физического вреда не было. Мой собственный страх всё сделал сам. Поэтому я принципиально и непреклонно запрещала себе бояться. — Мне не в чем оправдываться перед тобой.

Острый, режущий, неприятный смех расколол пространство замороженной комнаты:

— Ты правда так считаешь, Мира? В таком случае у тебя слишком короткая память, жена. Хотя стоит ли многого ждать от потаскухи?

Я старалась не обращать внимания на специально брошенные обидные слова. Об этом я смогу поплакать позже, когда останусь одна и в безопасности... Неясная мысль чего-то неправильного проявилась на мгновение, но тут же исчезла, что я не успела даже толком сообразить к чему она могла относиться. Ко всему мужской нетерпимый, резкий голос не

давал сосредоточиться на собственных размышлениях.

— Мне не сложно, я напому тебе о настойчивой просьбе мужа к своей жене. Я просил тебя, Мирочка, много раз просил не общаться ни с кем из людей, у кого не выросла грудь, но между ног болтаются яйца. Просил? Просил. Ты послушалась? Нет... Не так давно в этой самой комнате мне пришлось прибегнуть к воспитательным мерам. Помнишь, Мира? Хм, уверен, что помнишь. Твоё побледневшее лицо и дрожащее тело подтверждают это лучше любых слов. Думаешь мне доставляет удовольствие пороть собственную жену? Нет, Мира. Я не извращенец, получающий удовольствие от порки женщины. Хотя ты наверно думаешь иначе. Придётся разочаровать тебя, малышка, но тебе ведь не привыкать... Я предпочитаю нормальный секс, Мирочка, чтобы женщина подо мной орала от удовольствия, а не от страха.

Почему из всей речи меня зацепило единственное слово — «женщина»? Я ждала, что он скажет излюбленное им «жена». Потому как выбранная мужем формулировка предполагала, что на моём месте могла оказаться любая другая. Чёрная ревность подняла свою голову из мрачных глубин моей души. Но я лишь удивилась нелепости и несвоевременности собственных претензий. Ревность исчезла также быстро, как и появилась.

— Но разве ты сделала выводы, Мира? Нет. Ты снова из раза в раз поступаешь по-своему. Будто тебе совершенно плевать на мои слова, чувства, на меня самого.

— Гера, но это не так!

— Так, Мира, именно так. Думаешь любящие жены поступают как ты? Странно, что именно мне приходится растолковывать для тебя прописные истины. Хотя это работа твоей матери.

— Гер, пожалуйста, не сердись, я правда не виновата.

— Я думал, раз был у тебя первым, то у нас никогда не возникнет подобной ситуации, Мира. Но не зря говорят, что все бабы одинаковые. Стоит поманить толстым членом, и любая окажется шлюхой.

— Гера! Я не шлюха!

— А кто ты, Мира? Я тебя в прошлый раз чётко и внятно предупредил. Помнишь, что я сказал, жена?

Я кивнула, опуская глаза, не в силах выдерживать ледяной взгляд, превращающий мою душу в стылый кусок льда.

— И что я сказал?

Молчала, поскольку неловко повторять глупости, которые не имели ко мне ни малейшего отношения. Самое странное, что мне стало до жути стыдно, причём не из-за моей беседы с Загородневым-младшим, в которой обвинял меня супруг, почему-то стыдно было за Геру.

— Не слышу, Мира! — пока я собиралась с мыслями и раздумывала о своём, ярость мужа прорвала его ледяную бесчувственность. Но вопреки моим предыдущим опрометчивым пожеланиям разбить ледяного истукана и обнажить нутро, встретившись с его гневом лицом к лицу, я вдруг осознала, что совершенно не представляла, как теперь совладать с разбухенным монстром. И после этого стало страшно.

— Ты сказал, что убьёшь, если увидишь с посторонним мужчиной.

— Хорошо, что ты хотя бы помнишь мои слова. Но плохо, что не потрудились к ним прислушаться и не сделала соответствующие выводы.

Я поняла, что он меня не слышит и возможно от отчаяния решила пойти ва-банк.

«Попробую переключить внимание на тело, чтобы сместить ракурс с гнева на страсть». Гера сидел в кресле у стены, я на ковре посередине комнаты. Встав на колени, подставила ладони для удобства и на четвереньках медленно начала продвигаться к мужу. Я не строила из себя чувственную соблазнительницу и не напускала влажности в глаза, притворяясь безгрешной блудницей. Просто медленно передвигалась, слегка покачивая бёдрами, не более того. Но синие глаза среагировали тут же, заполняясь мрачной темнотой. Да только, на мою беду, тьма обрела грубую похоть, но не сбросила ледяную ярость. Мне страшно, но я изо всех сил не поддавалась коварному чувству, по крайней мере в своей голове я со всем возможным пылом убеждала себя в этом. Подобравшись вплотную к его ногам, продолжая стоять на коленях, я медленно повела ладонями вверх, оглаживая ноги через брюки, подбираясь к паху.

— Гера, у меня нет никаких мужчин и не будет никогда. В своей жизни я полюбила единожды — тебя. Я не обманываю. Мне не в чем себя упрекнуть.

Но неожиданно его ладони сжали мои, не давая добраться до молнии на брюках. Крепкие пальцы вокруг моих стискивались всё сильнее, я терпела долго, но боль стала до того непереносимой, что слёзы брызнули, а моё лицо вероятно исказилось в некрасивой гримасе.

— Больно, — пискнула бессильно.

— Эх, Мира, Мира, — протянул разочарованно муж и покачал головой, выпуская мои руки на свободу, — ты даже сейчас ведёшь себя как шлюха. От своей жены, признаться, я ожидал большего. Гораздо большего. Проститутку я могу получить в любое время, по щелчку пальцев и помавав парой купюр из бумажника. А мне была нужна жена. Понимаешь ты или нет? Же-на. Не легкодоступная девица без моральных принципов... А честная, преданная, порядочная, верная женщина. Но видимо я слишком многого от тебя ждал, Мира. А ты просто не в состоянии меня понять и дать мне надёжный, крепкий тыл, в котором я нуждаюсь.

Не знаю, что могло быть хуже того, когда приходится выслушивать обвинения, в которых ты нисколько не виновата. А надежда на оправдание или хотя бы помилование таяла быстрее глыбы льда, выброшенной в пустыне.

— Как ты можешь обвинять меня незаслуженно? Это несправедливо, Гера.

— Разве? А впрочем... — он откинулся на спинку кресла, ослабил узел галстука, после чего стянул его через голову и расстегнул несколько верхних пуговиц сорочки, — по-моему ты способна только на одно — предоставлять упругое тело в обмен на сытую жизнь. Так я дам тебе такую возможность, Мирочка.

Я опустила попу на пятки, устав стоять на коленях, и вместе с тем от однобокого, пустого, выматывающего разговора. Каждый из нас верил в свои собственные слова и не слышал другого. Но я не представляла, что могла сказать, чем убедить, что повода для ревности не было, нет и быть не могло. Тем временем муж продолжил раздеваться. Встал, отбросил снятый пиджак прямо на пол, совершенно не заботясь о дорогой итальянской ткани. После чего сел обратно и принялся расстёгивать ремень. Глядя, как Гера неспешно возился с пряжкой, я сглотнула пересохшим горлом и во все глаза таранилась, отслеживая каждое движение его пальцев, вспоминая незнакомые молитвы. Но видимо, заметив ужас на моём лице и удовлетворившись увиденным, я вдруг услышала от него издевательский смех. А затем муж просто расстегнул пояс брюк и ширинку. Его руки вернулись на подлокотники кресла, и на меня уставились два синих ледяных осколка.

— Ты знаешь, что делать, Мира.

— Нет, Гера. Так не пойдёт. Я не девка, которая по первому требованию бежит тебя обслуживать. Я не хочу секса, когда ты зол, — из последних сил борясь с подступающей паникой, я всё ещё пыталась держать удар.

— Вот значит, как заговорила, — предвкушение в его голосе не расслышать было невозможно. Он, наклонившись ко мне, ухватил волосы на затылке пятернёй и больно потянул на себя. Слёзы брызнули из моих глаз непроизвольно.

— Ты-Моя-Жена, Ми-ра, — проговорил медленно и чётко, разряжая обойму, заряженную словами, в упор, — а я твой муж. Я беру тебя когда хочу, где хочу и как хочу. И напоминаю, что сегодня ты успела развлечься в ресторане без меня. Теперь я всего лишь возьму своё.

— Гера! Что ты делаешь?! Я же люблю тебя, как ты...

Звонкая пощёчина отбросила меня на спину. Голова закружилась, в глазах задвоилось. Я неловко поднялась, помогая себе руками, и снова оказалась сидящей на ковре; пришлось пару раз тряхнуть головой, возвращая ясность мысли и зрения. И только тогда до меня дошло...

Мой любимый муж впервые поднял на меня руку!

Приложив ладонь к пострадавшей щеке, невольно сморщилась, я не собиралась демонстрировать, как мне больно, но получилось само собой.

— Заканчивай театр, Мира. И не смей говорить о любви после того, как ты ворковала и мило улыбалась первому встречному придурку... — Он встал подле меня и с презрительной ненавистью рассматривал с высоты своего положения.

Бесшумные ручейки расчерчивали мои щёки, но я их не замечала. Запрокидывая голову, смотрела вверх в заледеневшие любимые глаза, и сама себе раскапывала яму... Знала, надо действовать по-другому, осторожнее, хитрее, мудрее в конце концов. Но не могла. Не могла вести себя иначе, когда самый главный и важный человек моей жизни оскорблял и безжалостно топтал мои искренние глубинные чувства, а заодно безусловную преданность и слепую веру в него.

— Ты пожалеешь... Поверь, Гера, однажды настанет день, когда ты поймёшь, осознаешь и очень горько пожалеешь, о том, что именно умудрился разрушить причём своими собственными руками. Лишь бы не оказалось слишком поздно, муж, — невесело усмехнулась, паузой выделяя последнее слово и демонстративно слизывая кровь с уголка рассечённой губы.

*Стояла долго я у врат тяжёлых ада,
Но было тихо и темно в аду...
О, даже Дьяволу меня не надо,
Куда же я пойду?
А. Ахматова, 1910*

После моих слов мужа не осталось. Остался лишь зверь.

Ничего другого не знаю..., не помню...

Только его довлеющее присутствие я ощущала лучше, чем саму себя.

Кажется, я старалась закрыть голову руками, пока сжималась в позу эмбриона. Неужели засилье бестолкового интернет-контента хоть на что-то сгодилось? Так и недосмотренные когда-то видеоуроки по самообороне были недальновидно, но бескомпромиссно мной заменены на томик женского романа...

Или же тело само инстинктивно свернулось в то положение, в котором предполагалось причинение наименьшего вреда извне... когда кулаки обрушились на меня непрекращающимся градом ударов...

Не имею представления кричала ли я, плакала ли, а может умоляла. Просто некая иллюзорность происходящего накрыла непроницаемым туманом.

Возможно, я всё-таки пропустила удар в голову, не знаю, не помню... Но появившиеся совсем внезапно и будто из ниоткуда порхающие солнечные птички вокруг головы не желали улетать, закрывая обзор, не давая проявиться осознанности, собраться с мыслями, чтобы вспомнить о самозащите или позвать на помощь хотя бы тётю Машу. Сделать хоть что-нибудь...

Я лишь сворачивалась улиткой и просто терпеливо переживала, когда всё закончится. Я не слышала, как муж рычал и ругал меня последними словами. Я слушала только щебет золотых птичек, вертляво кружащих вокруг головы. И совершенно выпустила из виду, когда муж перевернул меня на спину, разодрал платье, бельё и воткнул толстый член. Я только почувствовала, что в меня вошёл раскалённый прут, стало нестерпимо больно из-за чего непроизвольно согнулась пополам. Но сильная ладонь надавила на грудь, требовательно прижимая к полу, и мне пришлось, захлёбываясь воздухом, хрипами и слезами откинуться назад. Гера, не щадя разводил бёдра широко в стороны, грубо мял руками нежную плоть и продолжал таранить уязвимое нутро. Мышцы трещали от жестокого обращения, голова раскалывалась. А моя душа... мне чудилось я горю в аду, если он действительно существовал... Но терпеть всё сразу оказалось слишком сложно, боль физическая наслаивалась на душевную и наоборот... Нет... что-то одно... иначе я не выдержу. Отключив чувства и отринув эмоции, я сосредоточилась на теле, не окунаясь в боль физическую, памятуя прошлый страх, а будто плывя с этой болью рядом. Мы плыли долго, иногда в крошечной темноте, иногда в компании золотых птичек. С ними было веселее, ибо своим птичьим щебетом они помогали отрешиться от страданий, будто прогоняли их взмахами крыльев.

Время спустя я очнулась в странном месте, где кроме меня никого не было. Огляделась по сторонам, быстро мотая головой из стороны в сторону. Слабоосвещённая комната, в

которой отсутствовали окна и двери, пустовала. Стены выкрашены серой краской, местами облупившейся, на полу затёртый линолеум с выцветшим рисунком, под потолком мерцала лампочка на длинном шнуре, и если бы я встала в полный рост, то с лёгкостью дотянулась до неё. Убедившись, что я одна, почему-то вздохнулось с облегчением; сидя на голом полу и прислонившись к одной из стен, я сильнее вжималась в неё спиной. «Здесь хорошо, безопасно». Откинувшись затылком назад, и небывалая усталость опустилась на плечи, от чего руки, до этого обнимавшие подтянутые к груди колени, опустились по бокам, находя ладонями прохладный, шершавый пол. Зато дыхание наконец выровнялось и стало более полным, глубоким и размеренным.

*Если долго, долго, долго,
Если долго по тропинке,
Если долго по дорожке
Топать, ехать и бежать,*

Я вслушивалась в тихую знакомую мелодию, но задевающую, трогающую что-то внутри меня. Где я могла слышать забавную песенку? К тому же мне никак не удавалось сообразить откуда раздавались звуки.

*То, пожалуйста, то, конечно,
То, наверно, верно, верно,
То, возможно, можно, можно,
Можно в Африку прийти.*

Интересно как там у них в Африках, жарко наверно... У нас поздняя осень, почти каждый день небо проливалось отвратительным морозящим дождём. Холод, сырость, промозглый ветер — даже если наденешь на себя много всего шерстяного, а сверху непромокаемого и непродуваемого, то сноровистый ветер в любом случае исхитрится и отыщет брешь в твоей броне, как бы тепло ты себя не укутывала. Наверно мы ежедневно соревновались с ветром кто кого. Грустно, он всегда побеждал... Встретившись с ним, после казалось, что кости покрылись инеем. Нет ничего хуже сырого, морозного ветра.

Вместе с тем перед внутренним взором неожиданно обрисовались синие глаза, заглядывавшие сразу в душу. Удивительно жутко, но эти глаза не искали, не знакомились, не выбирали; они уже знали за кем пришли, кого избрали своей будущей жертвой, поэтому они без малейшего промедления забирали, присваивали, поработали, вынуждали. Погрузившись в синий взгляд, слишком поздно осознаешь, что напоминали они арктический лёд. Да, пожалуй, ледяные глаза заморозили бы куда быстрее, чем стылый ветер. Не хочу мёрзнуть, хочу в Африку, где тепло и солнечно, а все вокруг поют песни, танцуют и жуют бананы, падающие прямо на голову с пальм, растущих на каждом углу.

*А-а, здравствуйте, реки вот такой ширины,
А-а, здравствуйте, горы вот такой вышины,
А-а, крокодилы, бегемоты,
А-а, обезьяны, кашалоты,
А-а, и зелёный попугай!*

Сосредоточившись и прислушавшись повнимательнее, мне удалось различить слова, и я наконец вспомнила почему мелодия показалась знакомой. Ведь именно эта песенка была моей самой любимой в далёком детстве. Однажды мама спела смешные стихи, и у меня случилась любовь с первого взгляда, вернее с первого звука. Впоследствии ей приходилось исполнять песенку бессчётное количество раз, а всё потому, что мне казалось, будто у неё

получалось намного мелодичнее и задорнее, чем у меня или в кино по телевизору. Поэтому я не уставала просить её спеть, а мама не уставала петь. Жаль, что дети растут слишком быстро... Беззаботность времён детского сада бесследно исчезла, канув в лету, уступив очерёдность неминуемой школьной будничности что для детей, что для их родителей. Вскоре в ответ на привычную просьбу спеть любимую песню, в ответ от мамы раздавалось однообразное, но неотвратимое: «Отстань, дочка, включи запись фильма»[1]. Я упорствовала, что хотела слышать песню именно в мамином исполнении, она злилась, повышала голос, отправляла делать уроки. И её безусловно можно понять, мама растила меня одна. Вернувшись после тяжёлого рабочего дня ей приходилось переделывать все домашние дела также в одиночку: накормить дочь, проверить уроки, приготовить еду на следующий день, убрать беспорядок, составить список недостающих продуктов и посчитать на чём можно сэкономить, ведь дети росли так быстро... и им требовалось всё больше и больше. Но мне были неведомы затруднения, связанные с нехваткой денег, свободного времени, запаса внутренней прочности человеческого тела из-за постоянных недосыпов и хронической усталости, мне была нужна мамина песенка, которая разрисовывала мой однообразный мир яркими красками, которая почему-то заставляла верить в чудеса.

*Зачем тебе море вот такой ширины,
Зачем тебе небо вот такой вышины,
Ааааа, крокодилы, бегемоты,
Ааааа, обезьяны, кашалоты,
Ааааа, и зелёный попугай?!*

Когда лампочка ненадолго притухала я видела вокруг себя старых знакомых — щебечущих золотых птичек — они мало походили на зелёных попугаев, но были не менее, а может даже более прекрасными. Тут я затруднялась кому отдать предпочтение по красоте оперения. И те, и другие яркие, живописны, насыщены цветами, возможно несколько фантазмагорично, ведь городскому жителю затруднительно в джунглях не из пальм и баобабов, а бетона и стекла отыскать что-то действительно стоящее из представителей фауны, способное надолго захватить и увлечь живое воображение.

Вдруг лампочка замерцала быстро-быстро, несколько раз полностью потухнув и снова вспыхивая, освещая однообразные углы убогой комнаты с тихо звучащей мелодией из детства. Когда она потухла окончательно, вместе с ней смолкла и песня, а на меня со всех сторон подул промозглый ветер, забираясь не только под одежду, но и под кожу, затем дальше вглубь, чтобы там, далеко внутри меня отыскать горячее сердце и завьюжить вокруг него студёной поземницей.

Вскоре я ощутила, как моё заледеневшее тело раскалывалось надвое от боли, а меня сжимали твёрдые горячие ладони, плавящие кожу ожогами, но не передававшие даже частички тепла. Мне почему-то нестерпимо захотелось ощутить что-то родное, знакомое, то, что способно разогнать хладную тьму. Но мои желания, это всего лишь желания, так... сиюминутная, кратковременная потребность организма. Ибо несмотря ни на что вокруг меня оставались лишь холод и мучения. Чьё-то бессвязное бормотание, шевеление рядом, но от чужих движений мне становилось намного хуже.

«Печально, что золотые птички исчезли и больше не поют весёлые песни», — последняя мысль промелькнула перед тем, как я решилась открыть глаза. А надо мной возвышалось ледяное чудовище, буравящее тем синим взглядом... Своевольным, несгибаемым, повелительным, категоричным, взглядом не завоевателя, а хозяина,

рабовладельца.

Лицо изверга искажено, страдальческая гримаса уродовала ледяную маску и заставляла верить, что мучитель способен переживать, будто он на самом деле может испытывать боль вместе со мной. Но я не верила. Если бы это было так, то он бы давно закончил свои издевательства, прекратил мучить меня, терзать, осквернять моё тело, но он продолжал. Изверг не останавливался, он двигался внутри меня, глаза пронзали мои, не моргая, не позволяя моргать мне. Если бы только мог, он наверно выпил мою душу через взгляд. Я вспомнила арктическую синеву из недавней странной комнаты и поняла, что мою душу давно похитили, присвоили, поработили и обездвижили кандалами.

— Мне жаль, Гера. Жаль, что ты меня ненавидишь. Жаль, что наша любовь больше ничего не значит для тебя. Жаль, что ты больше не веришь в нас и не стремишься поверить. Мне жаль, что мы не сохранили наше счастье. Я теперь тоже ненавижу тебя, но все ещё люблю.

Странно, что прозвучавший еле слышно надтреснутый шёпот принадлежал мне.

Последние предохранители сорваны, он впился в мой рот, не целуя, поедая меня, вгрызался в губы со всем остервенением, на которое был способен. Толчки бёдрами тоже стали яростнее. И мои мучения незамедлительно вышли на новые обороты. Я знала, что рискую, но провоцировала специально. Явственно и чётко я видела мрак его души (тяжело не разглядеть, если смотришь извергу в глаза, в которых нет ничего кроме губительного, смертоносного, ненавистного льда) и шла на него без страха, не сомневаясь ни секунды в принятом решении — выяснить до конца, на что способен человек, которого я больше не знала, не хотела знать.

Этот предложенный судьбою кубок был моим, созданным для меня, наполненным специально для меня. Он меня ждал. Сверкал боками, искушал, обещал, проверял, испытывал. Инкрустированные в него камни сияли резко и больно, ослепляя и сводя с ума, заставляли отворачиваться, но вынуждали тянуть к нему руку. «Я выпью тебя. Сегодня. Чего бы мне это ни стоило».

Я видела и чувствовала, что подводила Геру к пределу, он перейдёт сегодня грань. Жуткое знание, тяжёлое. Последний шаг он делал не в одиночку, его шагали мы оба.

Я осознавала, что собиралась отвернуться от того, с кем обещала быть рядом всегда, идти одной дорогой рука об руку, поддерживать и не предавать во что бы то ни стало. Будет ли моё решение считаться предательством? Возможно, как знать. Ведь стоило мне только захотеть, приложить чуть больше усилий, зачерпнуть немного жизненных сил из внутреннего душевного очага, чтобы укрепить терпение, чтобы подставить плечо для опоры тому, кого любила больше всех на свете. Без кого не представляла своей дальнейшей жизни. Но я не стала этого делать. Позволила своим плечам поникнуть, сгорбилась под тяжким гнётом, не выстояла, поддалась самосожалению. И стоило только дать слабину как пламя былых светлых чувств моментально оказалось подвластно огню иному: гневливому, мстительному, безрассудному, злобному, дурному.

Если уж Гера позволил нашей семье проходить через адовы чертоги, хотя именно он обязан был всеми силами зачищать нас от невзгод и укрывать от ударов судьбы, то я тоже в свою очередь позволила ему творить всё, что заблагорассудится его воспалённому воображению. Если он не захотел бороться, пойдя по лёгкому пути, что ж тогда поглядим, дорогой муж, куда нас заведёт выбранная тобой тропа.

Поэтому я хотела его последнего шага, жаждала. Пусть он перейдёт сегодня крайнюю

черту. Чтобы я воочию увидела, что в действительности представлял из себя мой драгоценный муж, когда не притворялся любящим и заботливым, когда не строил из себя чуткого и внимательного. Чтобы я точно знала, что потеряла его навсегда. Чтобы остатки любви в моей душе не смели больше надеяться. Не смели ждать перемен. Не пытались вернуть то, чего больше нет. Чего возможно никогда не было. Мне было не важно, что при этом я пострадаю сама. Я готова. Я уже подвергалась ежедневным страданиям, терпеливо снося его чёрствость, презрение, ненависть, изощренные унижения. Он изо дня в день без капли жалости и сочувствия вгонял в моё сердце тупой деревянный кол и проворачивал, охотно слизывая проступившую кровь. Смакуя мою агонию. Я не хотела так больше, не могла...

«Прошу, дай мне повод прекратить мучительную ежедневную смерть, которая из раза в раз не заканчивалась, а омывалась, едва теплящимися искорками некогда обжигавших, пламенных чувств и... излечивалась. Чтобы на следующий день всё повторилось сначала. Я не знаю сколько времени моя любовь продолжит латать сердечные и душевные раны. Лучше я получу самый сокрушительный удар, который скорей всего ничто и никогда не в силах будет залечить, и шрам, от которого станет кровоточить до конца моих дней, но я буду знать, что этот удар последний.

Так давай же, бей, топчи, терзай, издевайся, только пусть это будет в последний раз. Умоляю тебя, милый. Если ты меня действительно любил хотя бы чуть-чуть, пусть этот удар будет последним... самым последним... Очень тебя прошу...»

Я умоляла его глазами, но кроме безжалостного куска льда, облитого ненавистью, не видела больше ничего. Толкнувшись очень сильно и глубоко, муж зарычал и наконец вышел из моего истерзанного тела, кончая на живот и грудь. По-собственнически размазывая капли спермы по коже, намеренно задевая соски, которые оставались безучастными к его прикосновениям. После он спокойно поднялся и скрылся в ванной комнате. Тогда как я продолжала лежать на спине совершенно неподвижно. Ковёр не спасал от жёсткого пола. Я прочувствовала каждую избитую косточку, каждый кожный лоскуток, на котором побывали пальцы мужа. Но пожар в промежности беспокоил гораздо сильнее. Хотелось свернуться калачиком и выплакать часть боли. Но когда ты почти сломлен, силы утекали быстрее песка сквозь пальцы. Просто в небытие. Я даже кончиками пальцев не могла пошевелить, лишь ресницы изредка смаргивали набегавшие молчаливые слёзы. Сколько я пролежала неизвестно. Гера вернулся из ванной, принес с собой запах свежести и чистоты с ароматом геля для душа. И этот чистый запах, въедавшийся своей непорочной приторностью в каждую пору на коже, словно лишнее издевательство над моим растерзанным и поверженным телом. Муж благоухал. Я растоптанная на полу, перепачканная спермой, потёкшей косметикой, смешавшейся со слезами и ковровой пылью, в изорванной одежде, как последняя падшая женщина. Хотя падать дальше некуда. Я в прямом смысле избитая и изнасилованная у ног собственного мужа.

— Ну, что, Мира, сейчас ты не такая дерзкая?

...

— Молчишь? Молодец. Именно так должна вести себя послушная жена. Слушать своего мужа, молчать и безропотно выполнять приказы.

Он снял обёрнутое вокруг бёдер полотенце. Надел домашние штаны на голое тело, не вспоминая о трусах. После чего присел на корточки подле моей головы и наклонился ниже, удерживая меня за подбородок, жадно разглядывая лицо:

— Я вернусь через десять минут. Ты, дорогая жена, останешься лежать в этой же позе, не встанешь, не шевельнёшь даже пальцем. Ослушаешься, что ж дело хозяйское, но на твоём месте я не стал бы рисковать. Мы ведь уже выяснили, что ты помнишь на какие подвиги способен мой ремень. И в этот раз ни я, ни ремень тебя жалеть не станем.

После он поднялся и вышел из спальни, унося с собой ненавистный запах чистоты. Свежесть, пробуждавшая не желание втянуть носом благоуханный аромат, а накатывающую гнусную тошноту... и презрение. Невыносимое презрение к ублюдку, называвшего меня женой, презрение к самой себе, всей ситуации, в которой мы оказались. Я смиренно лежала, позволяя боли скользить вокруг тела, а мыслям вяло трепыхаться в голове. Я не уверена, что после сегодняшнего вечера буду способна когда-нибудь заговорить с человеком, который по непостижимому умозаключению в своих воспалённых мозгах до сих пор считал нас семьёй. Прошло не так много времени до того, как он вернулся. Раздался характерный звон и краем глаза я заметила, что Гера пристроил на комод графин с янтарной жидкостью и два бокала, один из которых остался стоять там же сиротливо пустым, второй он заполнил почти наполовину и сразу сделал большой глоток. После чего сел в излюбленное кресло и вытянул ноги, закинув одну на другую.

— Знаешь, Мира, мне безумно нравится, когда ты покорна как сейчас и молчишь. Как хорошо наконец не слушать лживый поток признаний, льющийся из твоего рта безостановочно. Меня тошнит от твоей двуличности, жена. Раз ты не способна совладать со своим сучьим характером, значит мне придётся сделать это за тебя. Хотя может это я плохой муж и не удовлетворяю свою молодую, темпераментную жену. Если она находит правильным для себя флиртовать с посторонними мужчинами. Что скажешь, Мира, это так? Дело во мне?

Я продолжала молчать, бестолково тарашась вокруг себя. Тело начало затекать от однообразной позы, но страх наказания за послушание пока перевешивал. Гера сделал ещё один глоток, почти полностью осушив бокал. Даже причмокнул, смакуя дорогой алкоголь. Вскоре вернув опустевшую тару на комод, он подошёл ко мне и опустил тут же. Ласковым, даже нежным движением пальцев он отвёл с моего лица налипшие пряди волос. Затем невесомо огладил губы, случайно задевая ранку в уголке рта, на что я невольно поморщилась.

— Скажи, Мира, дело во мне? Я не удовлетворяю тебя? — неподдельное прямодушие и искренняя непосредственность, которую демонстрировал изверг, убивала не меньше, чем всё произошедшее раньше. Мне хотелось отчаянно загоготать в его лживое лицо. Не может человек изнасиловавший свою жену, задавать вопросы с невинным выражением глаз. Это низко, мерзко, подло, отвратительно. Из нас двоих: двуличность — не моя черта характера. Но я молчала, хлопала ресницами, смотрела в его глаза, снова и снова не оставляя попыток растопить или раскрошить лёд, чтобы добраться до его души, заточённой в плен. И я даже не удивилась тому, что мои жалкие усилия привели к прямо противоположному эффекту. Что-то похожее уже было.

— Не смей давить на жалость, никчёмная стерва. Ты не достойна жалости, Мира.

Он резко вздёрнул моё избитое тело и перевернул, вынуждая встать на четвереньки, а меня вдруг повело, в глазах потемнело и закружилась голова, неудивительно, что я неуклюже завалилась на бок. Муж взбесился сильнее, зарычал. Отвесил оплеуху, попавшую по скуле.

— Стой ровно, дрянь, — вслед прилетел бешеный, разъярённый окрик.

Руки и ноги дрожали, но я пыталась зацепиться ногтями за ворс ковра, будто он способен удержать меня от падения. По инерции расставила колени шире, чтобы не упасть. Как неожиданно ладонь ласково огладила макушку и низкий хриплый голос прошептал на ухо:

— Умница, малышка.

Он сдирал с меня остатки платья и белья, попутно оглаживая ноги в чулках, переходил на обнажённую попу и затем поднимался выше по позвоночнику до самой шеи. Небольшой массаж позволил ослабить напряжение в плечах.

— Вот видишь, Мирочка, какой ты становишься шёлковой. Можешь ведь если захочешь. Но видимо я неправильно прошу, или я недостаточно хорош для тебя, чтобы ты выполняла мои просьбы. Так? — он собрал волосы на затылке и потянул, запрокидывая голову назад.

— Больно, — я кое-как вытолкала наружу первое слово через пересохшее горло и распухший язык.

— Больно — это хорошо, Мира. По-другому, к моему большому сожалению, ты не понимаешь.

Он снова потянул за волосы и одновременно отвесил смачный шлепок по ягодице. Но та боль была ничем по сравнению с тем, каким огнём горела промежность. Поэтому я лишь прикрыла веки, безмолвно отдаваясь на волю судьбе.

— Наверно тебе нравится, когда больно, если ты постоянно нарываешься, жена. Могла бы просто попросить. Разве я не всё для тебя делаю, Мира? — после каждой фразы ягодицу обжигал следующий удар. — Я опрометчиво полагал, что, давая тебе больше свободы, не выставляя жёстких рамок и ограничений, сделаю тебя счастливой. Но видимо моё благодушие, ты приняла за слабость, Мира. А это не так. Совсем не так. Не родилась та шлюха, которая своей целью сможет командовать мной. Такого отребья пруд пруди. Стоит поманить крупной купюрой, и любая из вас готова раздвинуть ноги по первому требованию, не утруждаясь понять, что из себя представляет тот, кто долбит ваши разбитые дырки.

Мне казалось даже его хлёсткие удары по коже ягодиц были не способны вызвать боль в отличие от обидных слов, каковые с лёгкостью вспарывали моё вывернутую наружу обнажённую душу. Поэтому я со всех последних сил своего сознания мысленно рванула к недавней странной комнате без окон и дверей, дарившей ощущение безопасности, несмотря на замкнутое пространство. Беспорядочно мечась в мыслях, я толкалась во множество дверей, мною было проверено бессчётное число входов и выходов, но мне была нужна только одна. Та единственная, где звучала детская песенка, где по-домашнему уютно. Где серые обшарпанные стены, отсутствие окон и дверей, тусклый свет из неисправной лампы совсем не пугали, а напротив дарили покой и безмятежность. Именно там я мечтала оказаться прямо сейчас, во что бы то ни стало, какую бы плату впоследствии не взяла с меня таинственная комната за то, что приютила меня, за то, что предоставила кров и развлекала песнями.

«Но почему же у меня не получается отыскать тебя? Я не выдержу, не справлюсь если мучений окажется слишком много. Пожалуйста, комната, откройся. У тебя в гостях так хорошо, спокойно и совсем не страшно. Впрочем, тебе не помешал бы ремонт. Прошу тебя, покажись, сжался надо мной, ну же! Откройся, прошу! Ты мне очень-очень нужна...»

Пока я искала заветное спасение в забвении, муж пристроился сзади и не смочив меня хотя бы слюной, вогнал свой огромный орган прямо в мой сухой и неподготовленный зад. И я заорала. Во всё пересохшее горло, роняя на ковёр крупные капли слёз и крови из

потрешенной ранки на лопнувшей губе.

— Гера! Прекрати! Пожалуйста! Мне больно! Гера, умоляю тебя...

Но он намеренно только наращивал скорость движений, а я хрипела и молотила кулаками пол, устланный ковром, когда в скулу прилетел кулак скользнув к виску. Я услышала хруст в голове, но не успела осознать откуда именно он послышался, потому что в следующее мгновение погрузилась в темноту, на этот раз совсем без птичек...

К сожалению, моё беспмятство не продлилось долго. Пришла в себя я слишком рано, намного раньше, чем хотелось самой. Гера всё ещё таранил меня изнутри. И тогда на меня обрушилась вся раздражающая боль в голове и нижней части живота.

— Очухалась, — изверг тоже заметил изменения во мне. — Молодец. Надеюсь, в этот раз ты запомнишь, Мира, что отныне будет только так, как захочу я. Теперь твоё мнение меня не волнует, жена. — Он потянул меня за волосы, оттягивая голову максимально назад и задёргал бёдрами вгоняя свой раскалённый поршень в порванный зад. Я чувствовала, что внутри меня что-то хлопает и боялась даже задуматься, что это могла быть кровь.

— Твой зад совершенен, Мирка. Узкая, не раздолбанная дырка. Идеальная, — приговаривал он мне на ухо, а я с трудом сдерживала рвотные позывы. Голова кружилась и в запрокинутом состоянии становилось хуже, потому что тошнота подбиралась к самому горлу. — Долбаная сука, измотала мне все нервы. Но отныне ты узнаешь, что такое воля мужа, стерва. Я выбью из тебя всю похотливую дурь... — Он шептал какую-то ересь, в которую я даже не вслушивалась: — Мм, Мир-ра, ты моя самая любимая шлюха... — И продолжал нещадно тянуть волосы, грозя содрать с меня скальп, тогда как бёдра убийственно пробивали мой зад.

Вскоре он зарычал, толкаясь намеренно глубже, и наконец кончил. Я же испытала невероятное облегчение. Ничего за всю свою жизнь я не хотела столь отчаянно и сильно, как чтобы он слез с меня сию же минуту. Даже не видя его лица, а вдыхая лишь запах, меня дико тошнило. Как будто я отравилась несвежими продуктами, но исторгнуть из себя хотела не испорченную пищу, а отвращение, гадливость и омерзение всем происходящим.

Физическая боль со временем, рано или поздно утихнет сама по себе, спасибо матушке-природе за регенерацию, но как быть с жесточайшим разочарованием и крушением надежд...

Вопреки моим мечтам изверг долго не выходил из меня, водил носом по волосам, которые перестал тянуть рукой. Вдыхал мой запах и будто урчал. Если раньше я расценивала подобное как проявление чувств, то сейчас это казалось противоестественным. Нежность после насилия... — терпеть ещё более муторно и гадко, чем переждать сам кошмарный процесс. Не надеется же он, что я забуду о сотворённом? Когда изверг скрылся в ванной, я наконец растянула измученное тело прямо на полу, опускаясь животом на ковёр, совершенно не беспокоясь о гигиене или чистоте полового покрытия. Наверно меня накрыло беспмятство, потому что я очнулась лишь тогда, когда по возвращении Гера небрежным жестом швырнул мне на спину влажное полотенце и пренебрежительно произнёс:

— Если не пойдёшь в душ, то хотя бы оботрись. — После чего раздался звон стаканов, и, как ни странно, вскоре перед моим носом оказалась остро пахнущая спиртным янтарная жидкость. — Это коньяк. Здесь мало. Как раз тебе на глоток. Выпей и ложись спать.

Он обо мне что... заботится? Чудовище, выкованное из чистого льда и облитое ненавистью, способно проявлять добрые чувства?

Если бы могла и не трусила, то я бы непременно расхохоталась, но в действительности я

не смогла удержать сорвавшийся с губ жалобный стон, когда поднималась и принимала бокал из ненавистных рук. От запаха конька затошнило сильнее, но я без раздумий опрокинула в себя всё содержимое одним махом. Внутренности обожгло, и, как ни странно, одной порции показалось мало, бутылка пришлась бы в самый раз. С трудом обтёрла промежность полотенцем, но каждое движение руками или телом и даже самое лёгкое прикосновение к коже заставляло морщиться, стискивать зубы, глотать непрошенные слёзы и я бросила в итоге дохлую затею. Легла в кровать, предварительно сняв последнюю деталь гардероба — чулки, остальное Гера изодрал. Повернувшись к стороне мужа спиной, я накрылась одеялом с головой и наконец позволила себе утонуть в болотистой, вязкой темноте.

Проснулась или скорее очнулась, когда за окном всюду светило солнце, но на душе царил чернильная непроглядная ночь. Потянувшись, застонала. Тело ломило. Но что такое испытывать страдальческие муки я поняла после посещения туалета, когда промежность буквально взорвалась болью. Взглянув на отражение в зеркале, я едва удержалась на ногах. Под глазом на пол-лица расплылся отвратительный фингал, скула опухла, в уголке губ приличная ссадина, до сих пор кровоточащая при малейшем движении рта, под носом засохшая кровь, склеры покраснели от полопавшихся сосудов, под вторым глазом чёрная тень. Хоть не фингал, уже проще. Кряхтя, кое-как почистила зубы и приняла душ. Пока промывала волосы, собственная кожа головы вопила с такой силой, что я прочувствовала каждый волосок.

Чёрт, на моем теле осталось хоть одно место, которое не болело?

Надев чистое бельё и халат, вернулась в постель. Никто и ничто на свете не заставил бы меня выйти к людям в таком жутком состоянии. Я даже предусмотрительно заперла дверь в спальню на щеколду. Ни один человек не зайдёт сюда, пока синяки не сойдут с моего тела. Чудовищного позора я точно не переживу. А он неминуемо нагрянет, стоит окружающим увидеть меня во всей «первозданной красоте» и начать активно выражать бесполезное сочувствие, сопровождая неискренние слова жалостливыми взглядами.

Когда бьют — это безусловно больно, но, когда снисходительно жалеют — это за пределами унижительно.

Я слышала шорох за дверями, кто-то приходил для уборки. К обеду тётя Маша стучала в дверь, звала на обед, но я не открывала. Воду пила из-под крана в ванной комнате, а принимать пищу не хотелось. Мне казалось, что меня вырвет даже от запаха еды. Вечером гораздо настойчивей в дверь ломился муж. Сначала просил, затем угрожал, а после наконец ушёл. Я же, отвернувшись и закрыв глаза, погрузилась в дрему. Сегодняшний день я так и провела, балансируя на грани полусна-полуяви. Стоило прикрыть веки, и я представляла себя плывущей в космосе среди загадочных звёзд или качающейся на лазурных волнах, омывающих затерянный остров. Иногда вслушивалась в детскую песенку, звучащую в голове под лёгкий, ненавязчивый щебет золотых птичек, время от времени прилетавших, чтобы помельтешить вокруг. Но чаще я горько сожалела, что мне никак не удавалось попасть в ту волшебную пустующую комнату без окон и дверей, которая избавляла от всех проблем одним своим существованием.

Неожиданно спальню сотряс оглушающий треск. Я вздрогнула, моментально очнувшись, но не предприняла даже попытки обернуться. Во-первых, не хотела, а во-вторых, просто не могла пошевелить телом, не причиняя себе лишних мук.

— Что за детские выкрутасы, Мира?

Рассерженный голос мужа тоже не пугал. Возможно, я наконец устала бояться. Неизвестно надолго ли, но сегодня мне нравилось быть в таком состоянии. Муж сел на кровать рядом и откинул одеяло с плеча, отвёл волосы с лица...

— Ох, ты ж, чёрт, малышка, — выплюнул на выдохе, — почему не позвонила? Я бы ушёл с работы.

Идиотский вопрос, и ещё более идиотское желание стать моей сиделкой.

Требовательные руки надавили мне на плечо, вынуждая перевернуться на спину. Освободив лицо от последних волосинок, он провёл кончиками пальцев по синяку под глазом, по скуле и ссадине на губе.

— Как же так, Мирочка? Сильно болит?

— Какого чёрта... Малышка... Я не знал, что ты так...

— Ох, Мирочка. Ну почему?.. Твою ж долбаную...

Я отвела глаза в сторону, не вступать же в дискуссию с извергом. Как бы не так. Его оборванные фразы, шокировано-вытянутое лицо могли бы пролиться лечебным бальзамом, но нет... Мои раны его деланным замешательством не залатать. То, что он был вчера пьян и возможно не контролировал на сто процентов свои действия для меня не играло никакой роли. Он сделал ровно то, что хотел. Выплеснул на меня столько ненависти, что я даже не желала больше знать возможных причин. Пусть подавится ими. Зачем сейчас строить из себя равнодушного мужа, к чему задавать бредовые вопросы, на которые он и сам знал все возможные варианты ответов. Не хотела видеть его лицо, обеспокоенные, испуганные глаза, лихорадочно и заполошно мечущиеся, будто ему не всё равно. Гера же полностью сдёрнул с меня одеяло и начал развязывать халат. Тут я уже испугалась не на шутку, что вчерашнее повторится и с диким ужасом вцепилась в полы, не давая развести ткань в стороны.

— Чшш, Мирочка, не бойся. Я не буду ничего делать. Просто посмотрю, — он успокаивал негромким говором и ладонями, которыми водил по обнажённой коже моих лодыжек. Но я не могла верить его нежному голосу, ведь после ласковых прикосновений ледяное чудовище продолжало меня мучить и терзать. Мои глаза против воли увлажнились, но я не выпустила наружу ни единого звука или всхлипа, упрямо стиснув зубы. В синем взгляде, словно в зеркале, отражались мои внутренние страхи и сомнения, но в синеву я тоже больше не верила.

— Малышка, я только посмотрю, вдруг нужно вызвать врача. Кровотечение было?

А как ему не быть, если сходить по нужде для меня сушая пытка?! Так и не произнеся ни звука, лишь коротко кивнула.

— Чёрт, какого долбаного..., — он отвернулся, но разглядывая мужской профиль, я заметила, что челюсть ходила ходуном, как и желваки под скулами. Гера что-то бормотал под нос, сжимая и разжимая кулаки. А когда повернулся обратно, то его взгляд обернулся решимостью: — Малышка, я знаю, что тебе больно, но мне нужно посмотреть.

Больше не идя на поводу, он одним резким движением развёл полы халата, затем снял трусы и развёл мои ноги в сторону, вырвав тем самым глухой стон.

— Извини. Я буду осторожен. Честно. Я только посмотрю, Мира. Пожалуйста, не бойся.

Мужские пальцы бережно прошлись по складкам, раздвигая. Затем его ладони развели ягодицы в стороны, вынудив меня недовольно и обиженно зашипеть.

— Кровь остановилась, но можем вызвать врача, чтобы проверил на внутренние повреждения, — после непродолжительного осмотра выдал заключение эгоистичный

изверг, решивший поиграть в доброго доктора.

— Нет, — это первое, что я произнесла вслух за сегодняшний день.

— Зря. Тебе не придётся никуда ехать, я оформлю вызов на дом...

— Я сказала нет, — обрубил резко, не вслушиваясь в продолжение.

Гера нахмурился и встал с постели, окидывая меня долгим нечитаемым взглядом, пока я закутывалась обратно в халат, махнув рукой на поиски трусов, и снова накрылась одеялом с головой. Я слышала, что он ушёл, но мне было всё равно, кто и куда ходил, лишь бы оставили меня в покое. Но мои мечты так и остались мечтами. Одеяло слетело вновь, являя мужа во всей красе, век бы его не видеть. Он после душа, пришла к выводу, бросив беглый взгляд на влажные волосы и кожу, поблёскивавшую каплями воды. Гера одел только штаны, без футболки, но в отличие от меня, он никогда не мёрз.

— Вставай, я принёс тебе ужин. Тётя рассказала, что ты ничего не ела и не пила, — муж явно отошёл от первого шока и теперь больше походил на привычного себя, даже голос звучал на удивление спокойно.

— Я не могу ходить, больно, — мой же больше смахивал на сип алкоголички в первый день трезвости.

— Тогда устраивайся на кровати так, как тебе удобно, я подам тарелку.

Спорить с мужем, который вчера показал на что способен, я не рискнула и, подложив под спину подушки, с горем пополам устроилась, кривясь при каждом болезненном движении. Гера подал мне глубокую пиалу с бульоном, заправленным сухарями и зеленью.

— Тётя решила, что ты заболела и сварила бульон специально для тебя.

— Спасибо, — разумеется благодарность предназначалась ей, а не ему.

Доела всё, принципиально не обращая внимания на тошноту, а после Гера протянул мне стакан воды и две таблетки:

— Обезболивающее, раз уж ты отказалась от врача.

От этого «угощения» я точно не смогла бы отказаться. Весь день голова кружилась и раскалывалась хоть вой. Выпив таблетки, я сытая вкусным ужином и довольная отсутствием идиотических диалогов, не вызывающих ничего кроме бешеной пульсации в висках, откинулась на спину, прикрывая глаза, мечтая снова провалиться в темноту.

— Спокойной ночи, малышка, — прозвучало пожелание и последующий короткий поцелуй в лоб, но я оставила их без ответа. Вытянулась в полный рост под одеялом и моментально заснула.

[1] К/ф «Про Красную Шапочку»

*И упало каменное слово
На мою ещё живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить...
А. Ахматова, отрывок Реквием*

На следующий день самочувствие незначительно улучшилось, по крайней мере посещение туалета не вызывало раненого подвывания. Неприятно и болезненно — да, но главное терпимо. Я приняла душ, заплела волосы в косу и горестно вздохнула, разглядывая фингал на лице и отёк. Над гематомами, рассыпанными по всему телу, вздохнуть я не собиралась, под одеждой их в любом случае не видно. Самая большая из них облюбовала правое бедро, размером и формой аккурат с большой мужской кулак. В гардеробной выбрала спортивной костюм и спустилась вниз, крепко держась за перила по причине частого головокружения и тошноты. Но с выходом на люди я, к сожалению, поторопилась, как-то не подумала... «Может всё гораздо проще: и теперь думать попросту нечем? После мужниных-то кулаков». Ибо стоило тёте Маше меня увидеть, как с женщиной едва не случился сердечный приступ. «Мира, ты абсолютнейшая тупица!»

— Как такое возможно! Мирушка! Что происходит? Это Гера сделал?! Что же он, окаянный изверг, натворил?

Я думала её причитания и рыдания не остановятся никогда. Даже испугалась за работоспособность её сердца, потому как женщина схватилась за левую часть груди и коротко дышала с выпученными глазами, точно рыба на берегу. Пришлось накапать в полстакана холодной воды сердечного лекарства, чтобы тётя пришла в себя. Измерив ей давление и частоту пульса, убедилась, что Мария Мстиславовна постепенно приходила в чувство. Надавав себе мысленных затрещин не меньше десятка (о чём думала моя бестолковая голова, когда разрешила спуститься к завтраку, так и осталось загадкой), я наотрез отказалась обсуждать произошедшее. Не хватало чтобы тётушка, переволновавшись угодила на больничную койку. Довольно с нас больных.

Позавтракав как можно скорее, предпочла убраться обратно в спальню, чтобы не пугать домочадцев, доводя их до инфаркта. Однако от Маринки отделаться было не так-то просто, в отличие от тётушки. Ко всему она словно чувствовала неладное. Я сбросила множество звонков, но упёртая bestия не сдавалась. Откуда ей было знать, что случилось со мной? Фантастично, но выдвинула для себя гипотезу, что, пережив однажды насилие, непроизвольно учишься загривком ощущать если тебе или твоим близким что-то угрожает. Понимала, что если я отключу телефон, то подруга примчится сама, бросив все дела и работу, и вот тогда отбиться от неё не получится. А чем грозит встреча Марины и Подольского, когда она увидит меня во всей «красе» ..., в общем поговорить по телефону намного безопаснее:

— Мира, ты почему вчера не отвечала на звонки, даже не написала? Я от беспокойства вся извелась.

— И тебе привет, — когда подруга на взводе, правила приличия ей неведомы, — плохо себя чувствовала.

— Мне сегодня даже Подольскому пришлось звонить и спрашивать всё ли с тобой в порядке.

А вот это она зря. Сердце подпрыгнуло к горлу, и я неосознанно схватилась свободной рукой за грудь. К сожалению, сердечные капли остались на первом этаже в кухне:

— И что он ответил?

— Что-что, — недовольный голос она даже не скрывала, — якобы ты неважно себя чувствуешь и как оклемаешься то сразу позвонишь. Но я не собираюсь ждать. Что за чушь? Позавчера ты была абсолютно здорова. Хватит пороть чепуху. Что у вас стряслось? Кстати, почему ты оборвала видеосвязь и перезвонила через оператора, мм?

— Мариш, я не в состоянии спорить, честно. Мы можем отложить разговор на недельку?

— Недельку? Да, что с тобой происходит, Мирка? Или ты рассказываешь всё как есть или я приеду прямо сейчас. Даже если уволят с работы, чёрт с ним, всё равно приеду.

А вот этого делать не надо: — Хорошо, — выпалила в раздражении, заранее предвидя из чего сложится разговор, — хорошо, я перезвоню. Но я не в форме, ясно? Не хочу от тебя ни жалости, ни сочувствия. Если начнёшь охать вообще отключу телефон. Поняла?

— Замётано.

Я перезвонила, включив видеосвязь. В ответ на мой фингал в пол-лица, Маринка ожидаемо потеряла дар речи, открывая беззвучно рот и распахнув дальше некуда свои огромные голубые глазища. Но видимо помня про обещание и на удивление быстро собравшись с духом, она стиснула губы, а после выплюнула, при этом нисколько не скрывая переполнявшую её злобу:

— Художник Подольский?

— Он.

— Ещё картины есть?

— Интимные.

— Насколько всё... плохо?

— Сегодня могу ходить.

— Вот же, ублюдок, — она отвернулась ненадолго, переваривая случившееся, но разве катастрофу можно осознать за минуту, — значит так, сделай фото всего, в том числе интимного, то есть абсолютно всего, чтобы было видно повреждения и пришли мне.

— С ума съехала? Я не собираюсь на него заявлять.

— Ну, и дура! — грубое высказывание, зато справедливое. Я только вздохнула поглубже, чтобы вылить на неё личное возмущение, но Марина меня опередила: — Успокойся. Про это речь не идёт. Ты пролетела с «заявлять», когда сразу же не зафиксировала причинённый вред в медпункте. Сделай фотографии на всякий случай. Я так понимаю в прошлый раз про адвоката по разводам, ты спрашивала не просто так.

Мне не ловко смотреть в глаза пронизательной подруге. Смотрю в сторону, но говорю правду: — Не просто. Но я пока не решила насчёт развода и вообще всего.

— Мира! — тут Маринка перестала сдерживать эмоции и заорала в полный голос, — нормальная, здравомыслящая женщина с первого раза понимает: если муж бьёт — это не

значит, что любит, а значит — нужно бежать сломя голову за разводом!

Я лишь скорчила недовольную гримасу, да посетовала про себя на вернувшуюся головную боль, разбуженную справедливыми криками: — Мариш, не заводись. Ты же знаешь, он не такой...

Интересно, кто-нибудь ведёт статистику по количеству произнесённых фраз «он не такой» и «я сама виновата», слетающих с преступных ртов недалёких женщин, замазывающих перед зеркалом фингалы.

«Ты же знаешь, он не такой». Сама сболтнула и тут же поняла сколь жалко это прозвучало. Ведь именно эти слова произносят миллионы дурочек по всему миру, не взирая на паспортный возраст, жизненный опыт, словарный запас, цвет глаз, длину волос, упитанность фигуры или же наличие счёта в банке. Будто в нас, женщинах, на генетическом коде, несмотря ни на что и вопреки всему, гений высшего разума забавы ради прописал выгораживать и покрывать своих недостойных и незаслуживающих того мужиков. До смешного используя одни и те же идиотские фразы.

Тем паче кажется невероятным, что течению времени, измеряющемуся не веками, а миллионами и даже миллиардами лет, на нашей планете подчинено всё. В буквальном смысле — всё. Мы все подвластны времени, как одному из фундаментальных законов бытия всего сущего. Поразительно наблюдать, как сквозь утекающие в несуществующую пустоту века и тысячелетия, под влиянием их же трансформируются города, поселения, страны, континенты. Географический ландшафт, климат, политические границы, культура, мыслеобразы людей одинаково подвластны неумолимому ходу времени.

Раскручивая современный глобус, мы наблюдаем как одна народность перетекает в другую, в связи с чем видоизменяются нравы, обычаи, повадки, мы двигаемся по-разному, любим разную еду, исполняем разные танцы, говорим на разных языках, выбираем своих любимых писателей, свой любимый цвет, любимое тотемное животное, чтим своих богов...

Чёрт побери, за миллионы лет эволюции мы — женщины — сменили набедренную повязку из шкуры животного на джинсы! Добились того, что предстательницам женского пола вообще дозволено носить проклятушие штаны, а не юбку до пят и корсет в сорокаградусную жару. На пляже загораем в бикини, а самые смелые — топлес. Но почему, когда парень, друг, муж, а кому-то не повезло с отцом или братом позволяет себе избивать и насиловать женщину, то пресловутые: «Он не такой», «Он меня любит», «Я сама виновата» — словно какое-то всеобщее женское помешательство, замешанное на массовом гипнозе. И можно смело тыкать пальцем в любую точку глобуса, чтобы затем изучить увеличенные снимки с космического спутника, и в режиме реального времени на всех языках мира слышать одни и те же дьявольские фразы.

Только вдумайтесь, преобразается всё! Абсолютно всё! За прошедшие эпохи мы сами — как женщины, так и мужчины — изменились во многом. Так почему же домашнее насилие — неустребимая константа, женское оправдание его — смертельно постоянная величина?!

Кто-нибудь знает ответ? Психологи, не обижайтесь, но пожалуйста, помолчите. Это не вопрос психологии, для меня по крайней мере. Да и в топку «почему». Кому какое дело до исторических исследований и антропологических раскопок, верно?

Я давно заметила, что существуют во вселенной некие основополагающие принципы.

Взять, к примеру, закон того же «бумеранга». Мы можем верить или не верить в Бога, карму, высшие силы, потусторонний мир, но «что посеешь, то и пожнёшь» — предки писали аж в Евангелие, а мы используем по сей день. Глупо отворачиваться от законов природы, ведь даже мы в своих человеческих догмах и правилах додумались прописать, что их незнание не освобождает от ответственности. Только почему люди постоянно забывают, что не являются хозяевами нашей планеты. Ведь наверняка существуют куда более глубокие, древние установки мироздания, о которых большинство двуногих и прямоходящих, к сожалению, даже слыхом не слыхивали.

Я вообще сомневаюсь, что человек далеко ушёл от животного (и, да, я знаю, стоит произнести эту фразу в общественном месте или заикнуться в социальных сетях, как большинство «неживотных» забросают меня тухлыми яйцами, хоть не камнями, что до сих пор практикуется в некоторых странах, и то, как говорить — хлеб, или вовсе удалят из чатов, сообществ и прочей современной не побоюсь этого слова — интернетной вакханалии...). Но независимо от нашего «самого умного и безусловно единственно верного мнения», человек по-прежнему — это класс млекопитающих, отряд приматов и только род Человек, три раза хи-хи. Мы стучим себя в грудь и громко убеждаем всех вокруг или себя самого (никого не напоминает? Лично мне сразу на ум приходит телевизионный канал про животный мир с передачей про горилл, те ведь тоже приматы, разве что по-английски не разговаривают), что мы не животные, приводя какие-то мудрёные, хитро вывернутые цитаты учёных мужей, не путать со значением супруг. Да и бес с ними, учёными, можно сколько угодно строить гипотез, но из века в век, как бы мы себя не называли и кем бы мы себя не считали, бумеранг как возвращался, так и продолжает возвращаться. Ему абсолютно всё равно к кому прилетать — Человеку разумному или примату. Бросил бумеранг — получи обратно. И к чему тогда все бесполезные трепыхания касательно вопроса Человек разумный — не есть животное?

Или взять, тех же мужчин, позволяющих себе обращаться с женщиной с позиции силы, насколько далеко они ушли от животных? Со всех сторон послышится: их нельзя считать за людей, потому как нормальный, уважающий себя, здравомыслящий и так далее мужчина так не поступит. Но антропологическая наука, да что там наука, даже школьный учебник по биологии приведёт несокрушимый довод, что, подняв руку на женщину мужчина не перестаёт быть Человеком разумным, и тут вступает разноголосый хор психологов уточняя, что Человек разумный с психическими отклонениями.

Позвольте-с, начиная с эпохи появления первобытных людей (очень много миллионов лет назад), мужики насиловали и били женщин. Я так-то не очевидец тех прискорбных событий, но расхожая фраза: тюкнул дубиной по темечку, взвалил на плечо и утащил в пещеру — говорит сама за себя. Расцвет древних цивилизаций ни к чему иному не привёл: люди научились писать и строить, но женщины как были бесправными, таковыми же остались. Про нашу эру вспоминать не менее тошно, все знают сколько рыжих, уверена, прекрасных дам, было зазря сожжено на кострах в средние века, про количество избитых и изнасилованных, покалеченных и убитых — говорить и вовсе бессмысленно. В те времена, полагаю, число дев, расставшихся с невинностью на добровольных началах, было до безобразия скудным. И что-то я объективно сомневаюсь, что хотя бы половина из тех, кто творил запредельную жестокость имели в анамнезе психические отклонения. Будь это действительно так, в мире уже давным-давно не осталось бы людей-не психов.

Человек современный правит миром: гаджеты, роботы, нано-технологии, мы летаем в

космос позавтракать на МКС. Что-нибудь изменилось? Ага, за последние сто с маленьким хвостиком лет у нас случилось две мировых войны, гадалки пророчат третью (тьфу три раза через левое плечо), открылся Макдональдс, ну, и женщины выходят на митинги, скандируя «Моё тело не твоё», «Бабушка терпела, мама терпела, я не буду», «Женщины — люди», «Феминизм, свобода, выбор», «Женщины — сила» и тому подобные забавные в своей простоте речовки.

Но вот приходит уставшая дамочка после митинга домой, её встречает подвыпивший дружок-муженёк и «воспитывает» кулаком под глаз: «Где шлялась? Пожрать есть чё? Пива купила? Нет? Тогда сгоняй да пошустрее, пока магаз не закрылся». А вечером, когда мужичок (тот самый «неживотное», но тем не менее класс млекопитающих, отряд приматов) спустил в свою подружку накопившееся напряжение, надеюсь вы понимаете, о чём я, а если нет — ваше счастье, она со слезами звонит маме-сестре-подруге и жалуется на выпавшую ей горемычной тяжкую долю. Но задай ей вполне закономерный вопрос: «Как долго ты собираешься терпеть скотское отношение к себе, и когда ты наконец уйдёшь от своего козла», мы слышим тот самый вызывающий подёргивание глаза и нервную икоту ответ, который мычала тётка в набедренной повязке из меховой шкуры, уворачиваясь от ударов тяжелой дубины в пещере, а теперь продолжаем мычать мы, дамочки в джинсах, все из себя современные, «университетски» образованные, психологически подкованные, но как под копирку: «Он не такой», «Он меня любит», «Я сама виновата». Чтоб этой копирке гореть в аду, которого возможно и вовсе не существует. И тут мы можем вернуться к принципу «бумеранга», действующего независимо от того к какому классу, отряду или роду мы себя относим. Но даже веря в обратную карму, с синяком на пол-лица и гематомами по всему телу я продолжала, как запрограммированный робот отстаивать невиновность мужа. Да кукиш ему без масла, а не «невиновность». Он виноват, но тем не менее я до сих пор искала пути для возможных оправданий и осторожно дула на незатухающую искорку надежды... «Мира, ты редкостная дурёха, — отчитывала сама себя. — Мне ли не знать, — сама же себе и отвечала».

— Ми-ра! — Вылупленные голубые глаза подруги без устали швыряли в меня гневные молнии.

— Я знаю, что ты скажешь. Знаю..., — я только лишь не знала, как и где найти подходящие слова, чтобы объяснить. «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что», всё нужное и важное давно придумано до нас. В моём случае народную сказку следовало назвать: пойми то — не знаю что, объясни так — не знаю как... — Мариш, поверь, я сама могу прочесть лекцию по психологии нам обеим. Но ты не можешь отрицать того факта, что Гера не типичный абьюзер. До прерванной беременности я считала нас идеальной парой.

Настал черёд Маринки кривиться и гримасничать:

— Не хочется, но признаюсь. Идеальной парой вас считали все, кто с вами знаком. Я в том числе. Если моё мнение что-то значит для тебя.

— Не обижайся. Я ценю твоё мнение и поддержку, ты знаешь. С ним что-то происходит. Но он уходит от ответа, обвиняя меня в несуществующих изменах.

— А ты точно в криминале не замешана?

— Марина!

— Я же просто спросила! Мало ли... Кстати брат Савелия очень даже на тебя

засматривается.

— Если он засматривается, это не значит, что меня дозвоительно клеймить прелюбодейкой.

— Ладно, проехали. Но на твоём месте я бы не стала дожидаться второго раза, который может оказаться куда более плачевным.

— Я понимаю. Но и уйти просто так, бросить мужа, у которого явные проблемы, не могу.

— Слушай, если у него проблемы пусть идёт к специалисту, это же не повод распускать руки-то в конце концов. Если вслед за ним каждый мужик возьмёт за правило действовать схожим образом, то женщин на белом свете попросту не останется.

Я печально вздохнула, ибо Маринка безусловно права.

— Не вздыхай, — она продолжила психологическую атаку на моё «он не такой» ...

Самое непостижимое во всей сложившейся ситуации, случись подобное с подругой, я действовала бы абсолютно идентичным способом и, подозреваю, использовала бы те же самые слова, что и она сейчас, пытаясь донести до меня очевидные вещи. Ещё больший парадокс в том, что лучшие мировые мозгоправы опять-таки мужчины, но я что угодно готова поставить на кон, потому как прямо сейчас со всей глубиной и отчаянием осознавала — никто не в силах понять происходившего внутри меня, а уж мужчина тем более. Во-первых, без схожего опыта постигнуть другого человека просто невозможно, кто утверждает обратное — нагло врёт. Максимум, что в состоянии выжать из себя равнодушный человек — сочувствие бедняжке, и то на подобное способен не каждый из нас. В общей своей массе люди скорее испытают не сопереживание, а жалость. А во-вторых, мы слишком по-разному устроены, одну и ту же ситуацию мужчина посчитает сущим пустяком, тогда как женщина примет за катастрофу вселенского масштаба. И как не прискорбно, но возможно именно теперь я стану относиться к любимой подруге с гораздо большим трепетом...

— Если бы Подольский дорожил тобой... — Мне повезло, что Марина не заметила моего отстранённого, безучастного взгляда и долгого молчания. — То решал бы свои проблемы любым доступным и, что самое важное, адекватным способом. А судя по твоему лицу, он их не решает, он по-скотски вымещает на тебе свою злость. Но ты живой человек, женщина, а не груша для битья.

— Ты права, Марин. Но не уговаривай, чтобы я начала бракоразводный процесс прямо сейчас. Я не могу так. Не знаю, как объяснить.

— Конечно. Ходить с синяками и на раскоряку ты можешь, а подать на развод и свалить от неадекватного и опасного психа ты не можешь. Ты себя-то слышишь, Мир?

— Слышу и тебя, и себя. Ты права. Я чётко осознанию, что рискую собственным здоровьем. Но всё равно попытаюсь ещё раз. Если не получится в третий раз, тогда уйду.

— ЧТО?! Это происходит уже второй раз?! Какого чёрта, Мира!!

Я зажмурилась от досады, прикрывая лицо ладонью, кто меня дёргал за язык. Но слово не воробей, придётся каяться:

— Первый раз было не так, как сейчас. Я по большей части сама испугалась, чем он что-то сделал.

— Ми-ра, — подруга протяжно простонала, — не ожидала, что когда-либо скажу это, тем более тебе, но ты уже превратилась в классическую жертву абьюза. Ты защищаешь и выгораживаешь в первую очередь его, а не себя саму. Ты потерялась, подруга. Больной на голову ублюдок всю тобой манипулирует, и ты повелась. Твоё хвалёное самообладание —

полнейший самообман.

— Марин. Пожалуйста, остановись. Я не обманываюсь на его счёт, больше нет. Не знаю, как объяснить, просто не могу уйти именно сейчас. Возможно, через неделю или месяц, не знаю. Сейчас — не могу.

— Ты — дура! Но помни, что я на твоей стороне.

— За дуру отдельное спасибо, — хохотнула между словами несколько истерично, — у тебя отлично выходит открывать мне глаза на реальный мир.

— А для чего тогда нужны друзья? Просто будь осторожна, Мир, очень тебя прошу. Не хочешь ради себя, тогда хотя бы ради меня. Никому не нужны бессмысленные жертвоприношения.

— Ты меня до слёз доведёшь. Я постараюсь.

— А тебе точно помощь не нужна? Он не держит тебя закрытой? Или может выкинул все вещи, чтобы ты не сбежала, мм? — порой из Маринки, как из рога изобилия, сыплются бредово-фантазёрские идеи.

— Ты начиталась романов? Я хоть сейчас могу уехать куда угодно. Но не хочу этого делать с фиолетовым лицом и заплывшим глазом.

— Ладно, уговорила. Только не теряйся, звони. Или хотя бы скидывай сообщения, что ты жива-здорова. И глядя на твою физиономию, лишний раз убеждаюсь, что моя паника была не напрасной.

— Извини. Кстати, твоя чуйка, по правде, немного пугает, — несмело улыбнулась ей.

— Чего уж там. Жаль, что она включается «после», а не «до».

— Обещаю писать ежедневно.

— Если не напишешь или не позвонишь, я вызову полицию и помчусь тебя спасать, — хотела возмутиться излишнему рвению подруги, но не успела, — и я начинаю срочные поиски адвоката, на всякий случай, — напоследок Марина резко высказалась и прервала звонок, не прощаясь.

Весь день я снова просидела взаперти, не спускаясь более вниз. Правда взаперти теперь не получится. Сорванный вчера, благодаря усилиям Геры, замок никто восстанавливать не собирался. Хорошо хоть дверь не слетела с петель и её можно было просто прикрыть, дабы не светить спальней обстановкой. На обед не выходила, чтобы не пугать тётю Машу своим внешним видом. Как никак Гера её родной племянник, чтобы у нас с ним не происходило, я ни в коем случае не хотела стать причиной вероятной вражды между ними. Тем более, по сути, она заменила ему родителей.

Вечером после душа я снова завернулась в махровый халат и спряталась в одеяльном коконе. Спать не хотелось, поэтому я включила телевизор и на бесшумном режиме переключала каналы, бездумно рассматривая картинку за картинкой. Гера вернулся, когда комната погрузилась в темноту.

— Привет, малышка. Почему не включаешь свет?

И вот не было ни малейшего желания разговаривать после случившегося, но, когда он превращался в прежнего себя, внутри всё дрожало и переворачивалось от тоски...

— Телевизора достаточно.

— Пойдёшь ужинать?

— Нет.

— Я принесу сюда.

— Не утруждайся, я не голодная.

— Ты не обедала и не ужинала. Тем более мне не в тягость.

Я ничего не ответила, потому что знала, он всё равно поступит по-своему. Через полчаса Гера вернулся со вчерашним бульоном, дополнив его салатом. Не говоря ни слова, подложила подушки под спину и съела всё принесённое, аппетит явно восстанавливался быстрее меня, потому как салат тоже оказался сметён подчистую. Муж в это время сидел рядом и молча смотрел как я ем, даже не сыронизировал по поводу опустевших тарелок. А после также молча протянул таблетки и стакан воды.

Пока он отсутствовал, а из ванной комнаты доносился шум льющейся воды, я надеялась на быстрый сон. Но в отличие от вчерашнего дня, сегодня мне не удавалось скрыться от нелёгких, гнетущих воспоминаний. Тем не менее стресс оказался сильнее, и я очнулась от дрёмы, когда Гера лёг в кровать, подтягивая меня ближе к себе, после чего принялся осыпать лицо невесомыми поцелуями, в перерывах шепча: «Прости, Мирочка, малышка моя маленькая. Прости». А когда я недовольно заворочалась, то пристроил мою голову у себя на плече, обернул кольцо рук вокруг меня и, зарываясь в волосы губами, продолжал тихо, едва различимо бормотать: «Что же я натворил? Прости, родная. Ты только прости...»

Следующая неделя могла стать вторым медовым месяцем, если бы не моё скверное самочувствие. Неожиданно Гера наотрез отказался выходить на работу, без малейшего сожаления свалив все рабочие дела на Прохора, и целыми днями проводил время со мной. Поначалу я чувствовала себя напряженно, не могла расслабиться рядом с источником угрозы. Гера замечал мою скованность, хмурился, иногда даже ругался сквозь зубы, но тем не менее ещё сильнее и крепче меня обнимал, прижимал к своему горячему телу, успокаивал поглаживаниями, заново приручал, утягивал в свою жестокую воронку, на дне которой сейчас по случайному стечению обстоятельств отсутствовал лёд (морозилка вышла из строя?). Но я слишком хорошо помнила, как выглядел его лёд, облитый ненавистью. При всём том постоянное присутствие мужа рядом сказалось положительно. Выздоровление шло гораздо быстрее, чем если бы я варилась в котле тягостных дум в одиночку, и отрицать данный факт было бы глупым с моей стороны. Я понимала, что зависима от него. И речь вовсе не о финансах. Я дышала глубже после его бережных поцелуев, я спала крепче, если он обнимал меня всю ночь напролёт, я верила в лучшее, если его глубокая синева смотрела на меня с осознанием вины, но при этом искрилась нежностью.

Я помню всё, что он сотворил со мной, когда возненавидел, и я помню всё, что мы творили друг с другом... когда думали, что влюблены.

*Всё это было — твёрдая рука
И полувиноватая улыбка,
Но делать нечего, и пусть пока
Всё это именуется ошибкой
Жестокой...
А. Ахматова, 1962*

— Я набрал тебе ванну. Вода не очень горячая, как ты любишь, поэтому не задерживайся, — сообщил муж, вскоре по возвращению с прогулки на свежем воздухе. Так-то гуляли мы вдвоём, но тётушка отвлекла меня вопросами, и я ненадолго задержалась на первом этаже.

— Спасибо, я мигом.

Быстро разделась и прошмыгнула в ванную комнату, чтобы через мгновение погрузиться в ароматную пену и тут же уйти под воду с головой. Я не часто пользовалась нашей домашней джакузи, но даже если это происходило, то почти никогда не включала режим пузырьков, предпочитая ароматизировать и смягчать воду солью и пеной. А в основном мы с Герой оба выбирали обмыться по-быстрому под душем, чем долго нежиться в ванной. Но сегодня приятной температуры вода расслабляла нуждавшееся в отдыхе тело.

Лёжа на дне и открыв глаза, я наблюдала за тонкой струйкой пузырьков воздуха, стремящихся ввысь и покидающих меня навсегда. Пышная пенная шапка надёжно укрывала от внешнего мира своей расплывшейся и неподвижно застывшей массой на поверхности воды. Мысли застопорились, превращаясь в монолит, наподобие пены, за которой я следила отстранённым и безучастным взором. Сердце поначалу грохотало гулко, быстро, ведь я давно под водой. Но затем успокоилось и чем сильнее замедлялся стук сердца, тем тяжелее ощущалось тело, но разум делался в противовес, словно невесомей. Странное чувство, когда осознаешь себя самой собой, но при этом смотришь будто со стороны, безмолвно вопрошая: «кто ты... где ты... и почему именно ты?»

Жжение в лёгких из-за нехватки кислорода отошло на задний план. Что значил незначительный телесный дискомфорт, по сравнению с минутой, когда душа перестала дёргаться в невыносимой агонии, а наоборот, будто замерла и притаилась выжидая. Одно краткое мгновение, не подчиняясь законам вселенной, для меня растягивалось в бесконечность.

— Что ты творишь, идиотка? — недовольный, злой крик раздался совсем рядом, когда чьи-то сильные руки вытянули меня на поверхность. — Мира, что ты задумала?! — сердитый голос не пугал, но после недолгого затишья я не совсем понимала, что от меня требовалось.

— Мира! — на этот раз прозвучавший возле самого уха рык заставил вздрогнуть. Я смахнула руками с лица мыльную пену, одновременно жадно глотая воздух. А после, открыв глаза, столкнулась лицом к лицу с плещущейся неприкрытым испугом синевой, — почему ты не всплывала?

— Захотелось окунуться с головой, — ответила неуверенным голосом, ибо до сих пор не получалось уловить причину Гериного недовольства, а моё сознание продолжало плавать

где-то в пене невесомости.

— Ты слишком долго провела под водой.

Я задумалась. Хм, возможно. Но я точно не собиралась превращаться в русалку и уж тем более не стану размышлять, что именно Гера успел себе вообразить, настолько это представлялось нелепым. Однако, если без утайки... те минуты под водой показались мне самыми безмятежными и словно концом безвременья.

— Просто ты сделал это за меня, — пошла на компромисс, не собираясь начинать спор, в котором не уверена, что одержала бы победу. Мой взгляд проскользнул по атлетичной фигуре, вставшего в полный рост мужа, и возглас удивления вместе с улыбкой сорвался с губ: — Ты голый!

— Знаю. Подвинься, — Гера недовольно заворчал, забираясь ванную и устраиваясь позади меня. Стоило мне расслаблено откинуть голову ему на плечо, как его руки тут же пришли в движение, свободно разгуливая по моему телу, не встречая ни малейшего сопротивления. Пена надёжно скрывала фривольное поведение мужских пальцев, избавляя меня тем самым от ненужных размышлений и самобичевания. Под воздействием тёплой воды и массажа, подаренного ласковым мужем, мышцы расслабились за считанные мгновения. Веки прикрылись сами собой.

— Ты простишь меня, Мира?

Тихий голос неожиданным вопросом всколыхнул едва потухшую бурю в душе. Все последние дни Гера не уставал извиняться, но я не знала, что отвечать. Ведь он просил прощения за грубость и насилие над телом, а я хотела услышать раскаяние совсем в другом. Что значил синяк или попорченная женская честь? Самая большая гематома исчезнет без следа, если не через несколько недель, то через месяц точно. Низ живота уже не болел. Но почему-то Гере невдомёк, что моя душа будет корчиться в муках гораздо дольше, намного дольше того, как сойдут последние ссадины на пострадавшем теле. И причина вовсе не в его кулаках, которые он обрушил на беззащитную хрупкую женщину. И совсем не в ядовитых злобных фразах, которыми он щедро поливал меня, как помоями. Во все нет... Но пока он не торопился просить прощения за главное, я не торопилась с ответами на его мольбы.

— Ты так и не посмотрел флешку с проектом организации центра детского досуга?

— Ох, извини, Ми-ир. — Ласковые поцелуи вокруг уха отвлекали: — Никак не выберу время. Но я обещаю, что обязательно посмотрю.

— Только посмотришь? А что насчёт помощи или хотя бы толкового совета к кому следует обратиться? — я отлично понимала, что качать права мне никто не позволит. Но пока муж чувствовал за собой хоть какую-то вину, почему бы не воспользоваться удобным моментом.

— Ты же понимаешь, что основная работа не стоит на месте. Пока я здесь с тобой, мои дела множатся с космической скоростью, и когда вернусь, в офисе предстоит разгрести внушительный ворох, что я не уверен: не придётся ли мне работать по ночам.

— А Прохор тогда для чего?

— Малышка, Проша за эти годы поднаторел, но если откровенно, то он просто не потянет всю фирму целиком. Он отличный снабженец, но управлять, принимать решения, когда требуется молниеносность, когда на раздумье даётся всего несколько минут, а после приходится взваливать на себя колоссальную ответственность за принятые решения — это не его стезя. Как бы он ни старался, проколы в любом случае происходят регулярно. Оттого

всё, что касается переговоров, общения с клиентами по условиям, финансам, срокам — я беру на себя. Если доверить эти вопросы Прохору, то боюсь, что под его началом мы все рискуем стать безработными.

Редкая откровенность от мужа за последние месяцы волновала. Раньше подобные беседы являлись нормой, сейчас — раритетной диковиной.

— Странно, если он не справляется зачем его держать?

— Почему же не справляется, ему много с чем приходится работать. Одни разрешения от госструктур чего стоят.

— Я думала, ты эти вопросы решаешь в мэрии.

— Нет, Прохор сам общается со всеми разрешительными ведомствами, к тому же в строительных СНиПах он плавает, как рыба в воде. Просто он не хозяин. Ответственный и грамотный исполнитель в своих вопросах, но не управленец. Так что без моего присутствия фирме придётся не сладко.

Я знала, что Гера меня не укорял, но звучало именно так, поэтому: — Я тебя не держу, — для усиления эффекта даже добавила в голос неодобрительной и капельку плаксивой интонации.

— Мир, не обижайся. — Объятия стали крепче и его губы снова заскользили по шее вниз к плечу, торчащему из воды: — Я не виню тебя, а всего лишь объясняю.

— Знаю, — согласилась примирительно, — и когда ты согласишься флешку? — я накрыла его руки своими, пока те нежили меня под водой.

— Давай так, когда вернусь на работу и разгребу самое срочное, то после сразу посмотрю. Устроит?

— А почему не посмотреть её сегодня или завтра, пока ты не занят своими нескончаемыми рабочими делами? Я не сильна в вопросах благотворительности и мне крайне важно услышать твоё мнение. Ты всё-таки регулярно делаешь отчисления в детские дома нашего города, отслеживаешь, мониторишь эти вопросы и со многими знаком.

— Малышка, я клятвенно обещаю, что посмотрю твой проект. Честно.

— Он не мой, но я бы не отказалась поучаствовать в нём.

— Значит он будет и твоим тоже, но только при условии, что твоя задумка не лишит меня общества любимой жены. А сейчас я хочу провести время с тобой и только с тобой и не думать ни о ком кроме тебя, Мирочка.

Руки до этого ласкавшие тело под водой неожиданно сжались вокруг полушарий груди несильно сжимая, но тем не менее пробуждая жгучую волну под кожей.

— Что ты задумал? — охнула, потому как бесстыжие пальцы принялись пощипывать мои соски. Его настойчивый язык после поцелуев мочки уха пробрался внутрь ушной раковины, вызывая мелкую дрожь по всему телу.

— Ге-ра-а-ах! — мне пришлось основательно ухватиться за его перевитые венами крепкие руки, потому как моё тело невольно пришло в движение. И цепляясь за Геру я никак не могла решить, для чего я это делала: то ли намеревалась прервать острые ласки, то ли просто старалась не уйти под воду. Мои согнутые в коленях ноги иногда смыкались сами по себе или размыкались вновь.

— Что малышка? Чего ты хочешь? Скажи мне, Мирочка.

Искушающий шёпот, заставлял трепетать, но произнести вслух то, что совсем недавно с лёгкостью срывалось с губ, теперь не так-то просто. Одна из его рук продвинулась ниже, накрывая ладонью лоно.

— Здесь болит?

— Нет, но..., — произнести «я не готова» мне никто не дал.

Мужские пальцы требовательно раскрыли лепестки, чтобы отыскать малюсенький бугорок и закружить по нему, зарождая в моём теле сказочное удовольствие.

— Я не смогу, — шептала пересохшими губами.

— Если не испытываешь дискомфорта, значит сможешь, — тихий, но строгий рокот на ухо, навязывал уверовать в правильность происходящего. Я с силой впивалась ногтями в его руки, которые в этот момент дарили запредельно восхитительные ласки. Пальцы одной теребили сосок, пальцы другой хозяйничали в самом главном месте, ответственном за наслаждение. Вспышки под веками сменяли друг друга.

— Давай, родная. Подари мне своё освобождение. Я хочу услышать твои стоны, Мирочка, — ласковое бормотанье подбодряло и возбуждало не меньше настырных рук.

Вонзив ногти ему под кожу и выпустив наружу утробный стон, я всё-таки кончила, судорожно содрогаясь и извиваясь всем телом, выплёскивая из ванной воду.

— Умница, малышка. А сейчас мы помоемся и поужинаем.

Не оставив времени на споры, Гера умело и ловко помыл нас обоих, а меня ко всему обтёр со всех сторон большим банным полотенцем. Я немного сопротивлялась, но скорее для виду, потому как его осторожная забота умиляла. А ему самому явно не терпелось облегчить давивший груз вины. На предложение спуститься вниз к ужину я закапризничала, ибо разомлевшее тело отказывалось покидать уютную мягкую кровать. Гера, как ни странно, спорить не стал, а вскоре вернулся с огромным подносом, заставленным закусками. Пока я ела, муж цедил из бокала коньяк, не сводя с меня задумчивого и временами тяжёлого в своей мрачности взгляда, заставляя нервничать и дёргано напрягаться. Одна неделя — не тот срок, за который возможно вернуть былую уверенность в себе. Тем не менее ужин прошёл в благостной обстановке, а перед сном я приняла уже одну вместо недавних двух таблеток обезболивающего и свернулась клубочком под одеялом. Я успела пригреться и задремать, когда проснулась от порхающих по лицу мягких губ. Отвела голову в сторону, уворачиваясь от проявления лишней сентиментальности. Огляделась, ночник со стороны мужа до сих пор горел приглушённым светом. Одеяло и халат с меня исчезли, а Гера, нависая сверху, покрывал моё тело поцелуями.

— Что происходит? — после сна мой голос звучал хрипло и неуверенно. И я уж точно не рассчитывала на продолжение того, что произошло сегодня в ванной. Случившееся мне безусловно понравилось, и я не жалела, но вернуть полноценную близость в нашу жизнь так скоро, была совсем не готова. Как бы Гера ни старался оправдаться — забыть преступление невозможно.

— Облегчаю твою боль, — ответил муж, отвлекаясь от поцелуев груди.

— Я же выпила обезболивающее. — Странно, что он забыл, ведь сам приносил мне таблетку и стакан воды.

— Значит облегчаю свою боль, — парировал Гера в ответ и более резко добавил, — помолчи, Мира. Лежи спокойно.

Желание возражать моментально исчезло, благодаря всколыхнувшемуся страху. Тело ожидаемо напряглось, мышцы задеревенели.

— Ну, тише-тише. Чего ты испугалась, малышка? Я ничего не сделаю, только поцелую, — его голос тоже мгновенно сменил окраску, вернув бархатистость.

Он подтянулся выше, чтобы накрыть мои губы затяжным, глубоким поцелуем, вторгаясь

В мой рот полновластным хозяином, лишая последней воли и сметая возможное сопротивление. Он целовал меня с таким отчаянием, будто не делал этого уже как минимум вечность. Нехватка воздуха оказалась единственной причиной, по которой Гера оторвался от губ, и далее запорхал короткими поцелуями по лицу, особое внимание уделяя до сих пор не сошедшему синяку под глазом, нежно лаская его губами и шепча между поцелуями:

— Прости, малышка...

— Прости, Мирочка...

— Родная моя, прости...

Затем его поцелуи сместились на шею, ключицы, пока не добрались до груди. Здесь у меня повреждений не было, но этой части моего тела он уделил самое пристальное внимание. Он со всей осторожностью едва заметно покусывал полушарие, закручивая ласки спиралью и приближаясь к вершине. Мои пробивавшиеся временами мысли о несвоевременности происходящего слишком быстро затухали, не успевая сформироваться в осмысленный протест. Гера настойчив, а тело привычно отзывчиво. Когда он накрыл горячим ртом сосок и ореолу я негромко охнула, невольно подавая бёдра выше. А Гера будто ждал именно этого сигнала. Ласки перестали быть томными, движения губ и языка обрели уверенность, он уже не стеснялся покусывать сосок, чтобы затем подуть, остужая, и тут же снова накрывал жадным ртом. Когда муж переключился на вторую грудь, мои руки вовсю хозяйничали в его волосах, а стоны стали гораздо громче и протяжнее первого.

Наигравшись с грудью, поцелуи заскользили по животу вниз, облизывая кожу и оставляя после себя влажные узоры. Но когда его голова спустилась к нижней части живота, я вдруг резко заткнулась и снова напряглась от огорошившей сознание мысли. «Неужели он потребует от меня секс? Я не выдержу. Только не это». Пусть я не чувствовала боли, но категорически была не готова к тому, чтобы принимать нечто большое внутрь себя. Однако Гера моментально ощутил перемены:

— Не бойся, Мира. Расслабься. Я только приласкаю, ничего больше.

Как же хотелось поверить! Страх и желание вступили в непримиримую схватку между собой. Рискнуть многим и довериться, либо замкнуться и не узнать, сто́ит ли мой бедовый супруг хотя бы крошечной толики доверия с моей стороны. Возбуждение гуляло в крови, подогреваемое тем обстоятельством, что тот, кто совсем недавно унижал и издевался самым низким способом, сейчас открыто признавал свою вину. Второй раз за сегодняшний день он добровольно преклонял голову и будто священнодействовал, почитая осквернённое им же тело, как божественный сосуд. Я почти успела возненавидеть себя за слабование и бесхарактерность, когда всё же позволила себе расслабиться, робко и с последней надеждой уповая на честность Гериных слов.

Его тёмно-русовая голова между моих ног очищала от обиды, яда, злости. Язык, ласкавший осторожными движениями, вместе с бережными касаниями пальцев внутренней стороны бёдер — освобождали от презрения, страха, отвращения. Деликатность, чуткость, мягкость, нежность в каждом прикосновении, в каждом поцелуе. Откровенная чувственность неотвратимо заменяла ненависть. Изысканные, бархатные ласки не оставляли шанса горечи и разочарованию.

«Что ты творишь, Мира?!» — кричала в мыслях сама себе. Но круги, выписываемые языком вокруг самой отзывчивой точки женского тела, поставили жирный крест на возвращении здравомыслия. С каждым следующим витком уверенно поднимая моё тело в радужные облака. Рассудительность потонула в плотном мареве страсти, единственное

желание пульсировало в венах и под кожей — погоня за благословенной разрядкой. Гера не касался входа в лоно, и сейчас я остро испытывала нехватку чего-то важного, того, без чего мне просто так не добраться до рая. Но муж будто никуда не торопился, если мои бёдра начинали подрагивать сильнее, он отступал, охлаждая разгорячённую плоть дуновением. Чтобы через минуту начать всё заново. Его язык уверенными движениями оглаживал чувствительный бутон со всех сторон, затем губы втягивали и жадно посасывали, подбрасывая меня к новым вершинам.

— О-о-ох, Ге-ра-а, — я стонала, подавая бёдра выше, цеплялась пальцами за голову между ног. Ещё чуть-чуть, ещё одно сладкое, нестерпимое, жгучее мгновение и я, пересилив себя, всё-таки начну его позорно умолять подарить мне освобождение. А Гера тем временем положил одну ладонь на лобок, усиливая ласки пальцами и надавливая на нужные точки, не отнимая алчных губ. И вряд ли я бы позволила ему остановиться. Слишком жарко, невыносимо знойно и запредельно хорошо, даже остервенело хорошо... «Да-а-а-а!» Время спустя я наконец взмыла вверх за самые высокие облака, пока вокруг меня слепящими пятнами взрывались солнечные фейерверки. Гера, подтянувшись выше, прижался ко мне с пьянящим поцелуем, разделяя со мной вкус моего же удовольствия. После чего лёг рядом, притянув к себе на плечо:

— Как думаешь, ты сможешь когда-нибудь меня простить?

Испытанное наслаждение до сих пор искрило бенгальскими огнями внутри, но я весь вечер раздумывала над тем, что могла бы ответить:

— Не знаю смогу или нет... Но полагаю, что мне бы этого хотелось.

— Отличное начало, — незамысловато ответил он, а для меня его сговорчивость, так и осталась неразгаданной.

Чтобы научиться заново доверять, одной недели, проведённой на двоих, ничтожно мало. Я собиралась уточнить, почему муж, приласкав меня, не попросил ничего взамен, но раздумав минуту-другую не решилась озвучить мысли вслух. Зато пока проваливалась в сон, я чувствовала его поцелуи на макушке и негромкий шёпот казавшихся искренними слов: «Прости, малышка». Печально, что для нас Гера отвёл всего неделю, которая пролетела непозволительно быстро...

На следующий день я проснулась ближе к полудню. Не знаю послужило ли тому причиной вчерашнее поведение мужа и два ярких оргазма, при воспоминании о которых моё лицо моментально расплывалось в улыбке, или я просто устала от эмоциональных качелей и таким образом организм восстанавливал потраченную энергию. Заниматься анализом я до сих пор опасалась. Душ, переодевание. Затем завтрак, превратившийся почти в обед. Я знала, что Геры нет, он вчера предусмотрительно сообщил, что сегодня выйдет на работу и вернётся скорей всего поздно, разбирая накопившиеся дела.

Тётушка уже не голосила при виде меня, а лишь споро накрыла стол, расставив миски с супом, салатом, а в третью тарелку накладывала мясные котлеты.

— Тётъ Маш, давай без фанатизма. Я столько не съем.

— А ты постарайся, Мира, — невозмутимо отразила женщина в ответ.

У входа в кухню неожиданно раздались мужские голоса, среди которых я различила голос своего водителя Володи. Встретаться с людьми, которые работали на моего мужа — последнее что мне сейчас нужно. Заметалась паническим взглядом по кухне должно быть, нервозно отыскивая шкаф, который поднатужившись смог бы вместить мою тушку. Но благо Мария Мстиславовна не растеряла рассудок в отличие от меня. Она пожалала мне плечо

ладонью, молчаливо призывая успокоиться и вышла из помещения.

— Так, молодцы. Обед не готов и на кухню пока нельзя. Приходите через полчаса, а лучше через час.

— Тётя Маш, а мы тихонько в углу посидим, — кто-то пробасил.

— Я сказала нельзя, значит нельзя. Если нечем заняться, тогда езжайте в магазин за картошкой.

— Так я недавно привозил целый мешок, — возмутился второй бас.

— Значит привезёшь ещё один. Вас оглоедов разве прокормишь, вы лопаете как не в себя. Так, я всё сказала. Кухня занята. Обеда всё равно нет. Так что брысь отсюда.

Я ни капли не удивилась, что мужские голоса вскоре удалились. И когда она вернулась, то беззлобно подшутила над ней:

— Тебе бы армией командовать тётушка, а не с кухни мужиков выгонять.

— Да ладно, в той армии и без меня найдутся желающие покомандовать, а мне и здесь неплохо. Вот и умница, — похвалила она меня за съеденный суп и салат, — доешь котлетку — получишь мороженое, между прочим, твоё любимое — фисташковое.

— Шантажистка.

— Главное — результат, — ловко отбила подачу невозмутимая Мария Мстиславовна.

Мороженое я любила, поэтому котлетой хоть и давилась, но съела до последней крошки. А может аппетит действительно возвращался. «Лучше бы с такой же скоростью синяки сходили», — подумала грустно. Мороженое взяла с собой. Опасалась, что охранники вернуться раньше обозначенного тётей времени. Она не возражала, довольная хотя бы тем, что смогла меня плотно накормить.

Сегодняшнее возвращение мужа я ждала, не сказать, что с надеждой, но с навязчивым любопытством. Мне было интересно, как он поведёт себя сегодня после вчерашних извинений. Которые по моему скромному мнению, звучали весьма искренне. Гера вернулся поздно, и я по-прежнему не выходила его встречать. Но он сразу прошёл в спальню, потому что прекрасно знал где меня искать. Моё настроение, без видимой причины, вдруг скатилось с любопытства до раздражительности — если бы он не обращался со мной, как неуправляемый псих, и не наградил синяком на пол-лица, то мне не пришлось бы отсиживаться в комнате, прячась ото всех изображая отшельницу.

— Если будешь ужинать в спальне, я попрошу тётю принести тебе поднос с едой, — первое, что услышала, когда Гера зашёл в помещение, на ходу снимая пиджак. Никаких «привет, Мира» или «как твоё самочувствие, дорогая жена». Гера вышел на работу и по возвращении снова стал холодным и отстранённым.

— Кстати. — Он вернулся к пиджаку, достал что-то из кармана и бросил на кровать: — Заезжал в обеденный перерыв к твоему гинекологу. Она порекомендовала мазать два раза в день: утром и вечером. Должно помочь восстановиться быстрее.

Я молча вертела в руках тюбик с мазью не зная, как реагировать, не понимая, когда и главное почему моя жизнь превратилась в турецкий сериал. Зачем мне мазь от повреждений в интимных местах, когда мне просто нужен мой муж! Не тот, который причинял вред, бил и унижал, а тот, кто с искренним желанием заботился, уважал и ценил.

— Так что насчёт ужина? — Он стоял возле кровати, возвышаясь бесчувственной монументальной льдиной, и сверлил меня недовольными глазами: — Отправить тётю к тебе?

— Нет, — я переводила взгляд с Геры на тюбик мази в руках, и качала головой. Он

расценил моё движение в качестве отказа от ужина, я же думала о том, какой абсурд творился вокруг меня. Тем не менее мазью намазалась...

К концу второй недели моего добровольного заточения, синяк под глазом существенно сократился в размере и вовсе расцвёл дивными жёлто-зелёно-коричневыми пятнами, которые с каждым днём становились бледнее. Я уже спокойно маскировалась тональным кремом, а солнцезащитные очки добавляли уверенности в себе. Вчера, например, даже съездила на встречу с Маришкой. Мы пообедали в тихом уединённом кафе, удалённом от центра города, чтобы наверняка не столкнуться со знакомыми. Меньше всего мне бы хотелось попасть в центр сплетен нашего города, смакующих на каждом углу, что Подольский избивал собственную жену. Ему может и всё равно, но я от стыда сгорю заживо и костра не надо. С Герой у нас сложились странные нейтрально-выжидательные отношения. Но как предупреждала Маринка — в итоге я дожусь не любовных признаний в виде песнопения серенад под окном, а новых тумачков. И хорошо, если дело окончится синяками. Однако я как непотопляемый оптимист почему-то отказывалась верить в худший сценарий и твердолобо рассчитывала на благополучное разрешение непростой ситуации, откладывая развод на самый крайний случай.

Кто бы меня спросил: отбивная вместо лица, гематомы по телу и повреждённые гениталии — насколько далеки от того самого крайнего случая?

Сегодня второй вечер как я спускалась в столовую и ужинала вместе с мужем. По такому поводу даже надела более-менее приличное платье из тонкого кашемира, цвета бордо, длиной чуть ниже колена, прихватив талию тонким поясом. Когда спустилась, Гера уже сидел за накрытым столом и невозмутимо ел.

— Добрый вечер и приятного аппетита, — намекнула, что мог бы дождаться меня. Но видимо мой намёк получился слишком прозрачным.

— Добрый вечер. Если хочешь вина, налей сама.

Меня ждать никто не собирался, также как и ухаживать. Но я не гордая. Полбокала не повредят, поскольку таблетки я больше не принимала, а муж снова не в настроении. Хотела спросить обычное: «Как дела на работе?», но вовремя вспомнила, что даже от подобной малости Гера умудрялся взбеситься. Захлопнула рот, для надёжности запивая глотком вина. Ужин прошёл в гробовом молчании. Я мимоходом отметила, что подобное «оживлённое» общение вошло у нас в дурную привычку.

— Через полчаса в кабинете, — раздалось как гром, когда муж, покончив с ужином, встал из-за стола, — хотя можешь прийти раньше, когда закончишь с ужином. Я как раз успею сделать один звонок.

Мне показалось или его речь действительно прозвучала словно одолжение? «Нет, Мира, не вздумай анализировать. Тут со своими мыслями бы разобраться». О причинах вызова меня в кабинет я, к своему большому сожалению, догадывалась. Как себя вести — не имела ни малейшего представления. Возразить — скандал и возможное рукоприкладство, покориться — подобное отношение войдёт в привычку также легко, как и молчание за ужином. Ни тот, ни другой сценарий мне не подходил. Но пока третьего у меня не объявилось, выбирала из того, что предложено...

Как я и предполагала, от меня Гера потребовал немного — всего лишь предоставить рот во временное пользование. Он и не подумал отблагодарить меня взаимной лаской. Поэтому я ушла сама, не дожидаясь, когда услышу приказ удалиться, высказанный в форме напрочь

лишённой вежливости.

Подобный образ действий не то, что вошёл в привычку. Это, как показало недалёкое будущее, стало чёткой, выверенной линией поведения, которую Гера предложил мне не задумываясь и не принимая во внимание мои униженные чувства. Ибо следующим вечером он вновь проверял мою выдержку на прочность по окончании совместной вечерней трапезы:

— Через полчаса я поднимусь в спальню. В комодке новый тубик смазки, купил специально для тебя. Чтобы не ныла, будто я не забочусь о твоём здоровье. Подготовь свои дырки и смажься получше.

Терпеть можно многое, но оскорбления и неуважительное отношение я переносила особенно плохо.

— Гера!

— Я слушаю тебя, Мира, хочешь что-то сказать?

Я видела. Прекрасно понимала и видела собственными глазами — мой муж откровенно, изошрённо, буквально мастерски издевался надо мной. Этот злобный, жестокосердный человек, сидевший рядом со мной за одним столом, не мой любящий и заботливый муж.

— Так нельзя, Гера.

— Я твой муж, ты моя жена. Поэтому в нашей семье будет так, как решу я.

— Ты не мой муж, — покачала головой в отрицании, произвольно отражая собственные слова и мысли, — мужчина, которого я полюбила и вышла замуж, никогда бы не позволил самому себе обращаться со мной подобным образом.

И я знала, что зря произнесла провокационные слова. Но как же трудно сдерживаться. Иной раз практически невозможно запереть клокочущие эмоции внутри себя. Гера резко встал из-за стола и в два шага оказался рядом. Вцепившись в волосы на затылке и ставшим обыденным для него жестом, запрокинув мою голову назад, разъярённо прошипел возле лица, замораживая стылým льдом, облитым ненавистью:

— Я твой муж, Мира! Даже если ты не довольна этим фактом. Даже если ты хочешь видеть на моём месте другого. Но твой муж — Я! Иного у тебя не будет ни-ког-да, смиришься! Поэтому молча поднимайся в спальню, жена, и готовься к визиту своего мужчины. Хотя если ты предпочитаешь пожётче, то можешь смазку не использовать. Драть тебя на сухую мне не в кайф, но в этом вопросе оставлю выбор за тобой, Мир-ра.

Я в опустошении прикрыла веки, скрываясь не только от его тяжёлой, ненавистной ауры, но и от самой себя, от ситуации поражающей своей неправдоподобностью и дикостью. Мысленно убегая прочь, чтобы оказаться как можно дальше от дома, из которого по неизвестной причине исчезло счастье, но поселился вечный ненавистный лёд. Что мы натворили? Когда мы превратились из двух беззаветно преданных друг другу людей во врагов? От любви до ненависти один шаг. А я даже не заметила, как мы его шагнули...

Я видела, что муж затеял со мной игры в некое противостояние. Словно он специально проверял насколько хватит моего терпения. Чтобы по итогу бросить в лицо обидное вроде: «Я так и знал, что ты никогда меня не любила, Мира. Когда любят, то не бросают». Мои аргументы: если любят — не насилуют, если любят — не избивают, если любят — не унижают, до него словно не долетали. Как будто мой голос слышался исключительно мне, а до Геры доносилось лишь искажённое эхо. Он смотрел на меня, слушал, но видел и слышал совсем другое. Временами мне мерещилось, что кто-то специально оговорил меня перед мужем. Но кому могло быть выгодно разрушение нашей семьи? Его бывшим и отвергнутым подружкам? Так до встречи со мной он не встречался с девушками дольше недели.

Информация с его слов, разумеется, но у меня не было оснований не верить. За всё время нашей семейной жизни не было случая, чтобы кто-то предъявил ему претензии в виде разбитого сердца или же преподнёс ребёнка в подоле.

*Твоя свирель над тихим миром пела,
И голос смерти тайно вторил ей,
А я, безвольная томилась и пьянела
От сладостной жестокости твоей.
А. Ахматова, 1912*

Сегодня впервые выпал снег, в кои-то веки зима календарная совпала с погодой за окном. Тётушка попросила кого-то из охраны разжечь камин, и мы весь день провели на первом этаже, с удовольствием греясь возле огня и наблюдая издали за падением крупных снежинок. Суббота, но ни свет ни заря Гера уехал по работе. О чём не преминула поведать Мария Мстиславовна, стоило мне спуститься к завтраку. Со мной муж почти не разговаривал. Так, несколько фраз за день, которые разговором при всём желании назвать не получится.

— Что между вами происходит, Мира? — набравшись смелости она задала вопрос, на который я сама уже несколько месяцев искала ответ и по сей день так и не нашла.

— Если бы я знала...

— Хочешь совет? — совсем уж неожиданно прозвучало её предложение. Но тётя Маша не могла не заметить натянутости отношений между мной и племянником, особенно учитывая, что застарелые следы синяков я до сих пор скрывала под тональным кремом.

При всём при том я согласно кивнула. Ибо нуждалась в оценке со стороны, суждению которой смогла бы доверять.

— Ты знаешь, что я люблю вас обоих, и для меня ты такая же дочь, как и он — сын. Тем не менее..., — она сконфуженно замолчала, но всё равно выстрелила последующими словами, — уходи от него, Мира.

— Мм, а это точно совет, тётя?

Лично я всегда была убеждена, что семью надлежало хранить и беречь, трепетно заботиться, как о чём-то хрупком, что слишком легко поддавалось разрушению, но тяжело восстанавливалось, зачастую умирая навсегда.

— Он должен понять, что теряет, пока не стало поздно. Думаешь я не вижу и не понимаю, что ты хочешь сохранить семью любыми путями, Мира. Но сама знаешь, благими намерениями вымощена дорога в ад. Идя у него на поводу, ты делаешь только хуже.

— Но разве, когда любят бросают, если видят, что любимый запутался? — я впервые проговорила вслух мой самый главный страх, тормозящий любую ненависть, стопоривший решимость, вынуждая меня уступать снова и снова.

— Если вовремя не уйти, то в конце оба рискуют захлебнуться ненавистью.

— Откуда тебе знать, тёть Маш? Ты совсем недолго была замужем, — произнесённые ею страшные слова толкали меня на грубость.

— Зато на свете я живу дольше твоего и видела больше, чем хотелось бы... Ты слишком сильно любишь его, дочка, как и он тебя, но, к сожалению, самые сильные чувства зачастую оканчиваются трагедией.

— Прекрати нагонять жути, — отмахнулась недоверчиво и отошла к окну, провожая взглядом снежинки, сыплющиеся с неба, пока те не коснутся земли.

Вы замечали, как в минуты наивысшего горя или отчаяния складывалось чёткое ощущение, когда существование вокруг замирало. Кто-то где-то продолжал проживать свою жизнь, посторонние люди привычно занимались своими повседневными делами, ночь сменяла день, ветер приносил с собой смену погоды, но только ты одна посреди чужой бурливой жизнедеятельности буквально тонула в своём тягучем, болотистом прошлом, поглотившем настоящее и лишившем будущего. Только близ и вокруг тебя жизнь почему-то резко остановилась, и не представлялось ни единой возможности вырваться из плотного пузыря чёрного безвременья.

— Зря, Мира. Ох, зря. Он-то само собой пожалеет, уже натворил такого — века не хватит разгрести и замолить. Смотри, как бы тебе впоследствии тоже не пришлось жалеть.

— Ну тётушка! Не рви ты душу, — обернулась к мудрой женщине и в запале повысила голос, который изредка прерывался всхлипами подступающей истерики, рвущейся из моей груди, — этот год уже стал худшим из всех в моей жизни. Я толком не оплакала потерю ребёнка. Следом Гера слетел с катушек. И под занавес ты предлагаешь мне бросить всё и бежать, трусливо поджав хвост. Не для того я выходила замуж, чтобы при первых проблемах бросать семью. Не такие у меня ценности, тётя. И мне не нужен другой муж. Даже если он окажется самым добрым, внимательным и не поднимающим руку на женщину ни при каких обстоятельствах, у него в любом случае будет одно отрицательное качество, которое заслонит собой весь комплект достоинств. Он не станет Герой... Так что, если у тебя закончились советы, давай сменим тему.

— Других советов у глупой тётки нет, — подтвердила она, поднимаясь с кресла, и я тут же ощутила вину за вспыльчивость. Моментально подскочила, крепко обняла, покачиваясь вместе с ней из стороны в сторону:

— Прости, тётушка. Ты не глупая. Это я глупая. Но я тебя люблю и Геру тоже люблю.

— Мира, ты уронишь меня, — она засмеялась, и только после этого я разомкнула объятия, убедившись, что сердобольная женщина не сердилась.

— Пойду поставлю чайник, пока Геры нет, хоть чаю с тобой попью. — Она отправилась на кухню, а я вернулась обратно в кресло, подтягивая ноги под себя, но в холе неожиданно раздалось: — Гера, как удачно, что ты вернулся пораньше. Поставлю-ка я разогревать ужин, а Мирушка у камина греется.

Озноб пробежался по коже, оставляя липкий след, несмотря на близость огня. Мне оставалось зыбко надеяться, что Гера вернулся только что и не слышал моей запальчивой речи. Потому как меньше всего я хотела выглядеть идиоткой-женой, волочащейся за собственным мужем, который с завидным постоянством вытирал о неё ноги.

— Молодцы, что разожгли камин. С ним гораздо уютнее. — Он сел напротив меня в пустующее кресло, которое совсем недавно занимала Мария Мстиславовна, и криво улыбнулся, приподнимая один уголок губ. Мёрзлый лёд в синих глазах пока не проявился, но надолго ли... я не обольщалась.

— Это не мы. Тётя Маша, как всегда, приобщила к труду кого-то из охраны.

— Правильно сделала, им полезно. Сколько можно задницы просиживать за компьютерными играми.

— Как прошёл день? — спросила на собственный страх и риск.

— Не интересно. Дома лучше. На улице идёт снег, у нас горит камин, представляется, что наступил сочельник.

— Мне тоже.

— Дети, где будете ужинать? В столовой накрывать? — тётушка вернулась, чтобы уточнить о насущном.

— А давайте поедим на кухне, — неожиданно предложил Гера, энергично поднимаясь с кресла, не просидев и пяти минут, пока мы с тётёй на пару удивлённо переглядывались, — вставай, Мира, погреешься после, — он потянул меня за кисть, и я едва успела сунуть ноги в тёплые тапочки.

На кухне в шесть рук мы сноровисто накрыли на стол. Гера тоже поучаствовал, расставляя тарелки и раскладывая приборы. Лицо тётушки сияло счастьем ярче солнца, моё подозреваю тоже. Наш узкий круг ожил в один миг стоило предводителю вернуться в лоно семьи. В такие минуты проведённые вместе острее всего понимаешь, насколько важны близкие люди и какое место в твоей душе прочно занимал каждый из них. Меня воспитывала мама, отца никогда не было. Она ни разу не вспоминала о нём, а я не спрашивала. Лишь повзрослев, я исключительно для себя сделала предположение, что скорей всего случайная связь дала всходы в виде меня, а парень попросту сбежал, испугавшись ответственности. Я очень её любила и благодарна за всё, что она для меня сделала и что дала. За то, что не пошла на аборт, не отказалась и не бросила, не определила в интернат или детский дом. Мы с ней до сих пор близки. Но она продолжала жить в маленьком городке, наотрез отказываясь переезжать к нам. Тем самым сокращая встречи до нескольких раз в год и звонков раз в неделю. И постепенно за последние семь лет, живя вместе с Марией Мстиславовной под одной крышей, мы сроднились с ней настолько, будто знали друг друга всю жизнь. А про мои чувства к мужу и говорить нечего. Я влюблена в него практически с самых первых дней знакомства и вряд ли когда-то перестану любить.

Тётя Маша беззлобно подшучивала над племянником, рассказывая случаи из его детства, а я смотрела на их счастливые, смеющиеся лица, не вслушиваясь в слова, а лишь упиваясь ощущением настоящего дома, атмосферой уюта и душевного тепла, которые окутали нас троих. Единственное тёмное пятно, помимо непонятностей с Герой, пряталось глубоко в душе и удручало меня до сих пор — потеря ребёнка из-за выкидыша. После чего наша семья покатила в бездонную пропасть с обрыва, и я не знала, чем остановить падение... стоило ли... был ли у меня хотя бы один прозрачный шанс...

— Мира, ты будешь десерт? Мороженое осталось и ореховые плюшки, твои любимые.

— Когда ты всё успеваешь? — не переставала изумляться тётиным талантам по части кулинарии.

— Ты же сама мне помогала тесто замешивать, неужто забыла? — наступил черёд тёти дивиться моей короткой памятью.

— Извини, теперь вспомнила, — рассмеялась сама над собой.

— Ох, молодёжь, и чем только забиты ваши непутёвые головы, — всплеснула она руками и неодобрительно цокнула.

— Должно быть жизнью, тёть Маш, — подсказала ей.

— Ты слишком молода, чтобы думать о жизни Мирушка. Доживи до моих лет, вот тогда и задумаешься. Глядишь — к тому времени как раз появится чем.

Тут даже Гера расхохотался: — Тётя, сделай одолжение, ослабь воспитательный процесс, прошу.

— Так, кто будет чай? — она ловко сменила тему.

— Я пас. Меня не заманишь ни мороженым, ни плюшками, я предпочитаю коньяк, — Гера озвучил свои пожелания.

— С тобой давным-давно всё ясно, — она подарила племяннику широкую улыбку, а после перевела взгляд на меня, — а ты, Мира?

— Я ничего не хочу, кроме, разве что, посидеть у камина.

— Тогда идите к огню, а я здесь приберу.

— Вот ещё не хватало, вместе приберём, — запротестовала. Ей от меня сегодня досталось грубых слов, немножко подлизаться лишним не будет. Когда Гера вышел, оставив женский коллектив, то на кухне стало будто холоднее.

— Иди за ним, Мира, — зашипела на меня тётушка, — видишь же, что он сегодня в хорошем настроении. Вот и лови момент раз уж не слушаешь моих советов.

Это именно то, о чём я думала буквально секунду назад, но перед тётёй неудобно: — Я всё же сначала помогу тебе, а после пойду.

— И когда ты придёшь, он надумает себе невесть чего и хорошего настроения как не бывало. Иди кому говорю, — она замахнулась на меня зажатым в руке кухонным полотенцем. Посомневавшись ещё не много, я тем не менее позволила себе поддаться душевному порыву.

— Хорошо, ты права. Спокойной ночи и спасибо.

Вернувшись в каминную комнату, я застала мужа сидящим в кресле, вытянувшем расслабленно ноги, в одной руке бокал с янтарной жидкостью, веки расслаблено прикрыты. Он казался таким домашним и родным, что сердце сжалось, ощущая острую, тоскливую потребность забраться к нему на колени и прижаться к горячей груди, свернувшись калачиком. Пока я предавалась иллюзорным мечтам, Гера оказывается наблюдал за мной из-под ресниц:

— Чего застыла. Налей себе что-нибудь и садись... Хотя постой.

Я замерла на полпути, страхась непонятно чего и всего сразу.

— Присаживайся в кресло. Я сам налью. Что будешь?

Задумалась, временно растерявшись, но Гера снова ответил за меня:

— Красное вино. Для крови говорят полезно.

Через минуту мы сидели в креслах друг напротив друга, а рядом шумно потрескивали дрова в камине. После первого глотка вина в горле запершило от терпкости, но на языке расцвёл ароматный, изысканный букет, напоминая о лете, солнечным лучам и крупным, лопающимся, истекающим соком виноградинам. От наслаждения я прикрыла глаза, откидывая голову на спинку кресла и прикрывая веки. Губы почмокивали, язык слизывал несуществующие капли.

— Ты очень красивая, Мира, — густой голос с вибрацией заставил вскинуть голову и широко распахнуть глаза. Я прикусила нижнюю губу, но уже не от вкуса вина, а от вспыхнувшей нужды в поцелуе.

Ну, почему?! Почему я реагирую так, что одна единственная фраза, произнесённая голосом Геры, заставляла жаждать поцелуев.

— Хотя, когда мы познакомились, ты больше походила на лягушонка. — Его хриплый смех отозвался спазмом внизу моего живота. Я зарделась смущением на собственные желания, а вскоре и возмущением на неуместное сравнение, которое он подобрал. Сделав маленький глоток, предпочла скрыться за фужером и отвернулась к огню.

— Я вовсе не похожа на лягушку, — некоторое время спустя не удержалась от недовольной реплики.

— Сейчас, конечно, не похожа. Ты давно превратилась в прекрасного лебедя, Мира.

Теперь даже слепой не назовёт тебя лягушкой.

Что происходит? Сегодня новая тактика? Я чувствовала, что моё лицо загорелось багрянцем. Но предпочла сделать вид, что провинился жар от камина, тогда как моё смущение совершенно ни при чём.

— Но в день нашего знакомства ты прыгала через лужи точь-в-точь как лягушонок, — муж продолжил меня откровенно подначивать, сверкая хитрой синевою глаз, окружённых едва заметными лучиками морщин.

— Вовсе не лягушонок, — дались ему эти лягушки, посетовала про себя, — я же не виновата, что в тот день дождь зарядил с самого утра.

— Я сидел в машине, — Гера продолжил делиться собственными воспоминаниями, — как вдруг через потёки дождя на боковом окне заметил мелкого лягушонка, который натянув на голову огромный плащ, очень старательно перепрыгивал через каждую лужу, словно опасался намочить лапки. Но выходило откровенно паршиво.

— Так я была без зонта, — невольно вспомнила тот совершенно обычный и непримечательный день, который по итогу стал самым важным в моей жизни, пожалуй, даже день нашей свадьбы не казался мне настолько значимым. Тут же воспоминания оживили проливной дождь, следом дурацкий плащ, и то насколько непривлекательно и жалко я выглядела с мокрыми, неряшливо повисшими волосами, и как с носа капала вода. Ожившая в памяти картинка заставила широко улыбнуться. Хорошее было время, беззаботное. — Я только вышла из университета, как дождь за секунду вылил на меня бочку воды, пришлось накрываться плащом, чтобы не выглядеть кикиморой болотной.

— Я опасался, что ты тараном снесёшь мою машину, спрятавшись с головой под плащом, больше напомиравшем палатку, продолжая прыгать через лужи, при этом умудряясь не смотреть по сторонам.

— А всё потому, что какой-то... хм, невоспитанный человек припарковал автомобиль в непопозволенном месте, перекрыв проход для студентов.

— Ну, так пробки в городе вообще-то, — Гера искренне возмущился на мою претензию, — где место свободное оставалось там и припарковался. И, между прочим, чтобы ты делала, если бы я не достал из багажника случайно забытый кем-то зонт, чтобы спасти попавшую в беду девушку.

— Да брось. То же мне рыцарь в доспехах выискался. Никакой беды не было, всего лишь маленький дождик накрапывал, — я силилась не захохотать.

— Но, когда мы поравнялись, с тебя лило в три ручья.

— А зачем ты со своим дурацким зонтом перегородил мне дорогу? Если бы не ты и твоя машина поперёк, я быстренько добежала бы до автобусной остановки.

— Ага, только добежать вряд ли получилось бы, скорее уж вплавь. В тот день наверно месячная норма осадков выпала.

Он недолго о чём-то раздумывал в тишине, прерывавшейся треском поленьев, как вдруг рассмеялся столь открыто и непринуждённо, что у меня едва слёзы не навернулись на глаза. Как же я соскучилась по его искреннему, раскованному смеху. Одной рукой потёрла грудь, потому что дыхание вдруг перехватило. Заметив моё движение, Гера перестал смеяться, а взгляд вернул утраченную на время пронизательность. Но бокал с вином, который я не спешила отводить от лица, выручил меня снова.

— Я решил, как настоящий джентльмен подвезти промокшую девушку, а она, зараза неблагодарная, послала меня куда подальше. И кто из нас после этого невоспитанный

человек? — Гера вернулась к прерванным воспоминаниям.

— Не наговаривай! Я не посылала. Всего лишь отказалась садиться в машину к незнакомцу, — широкая улыбка уже не сходила с моих губ, будто приклеилась.

— Так тебе со всей вежливостью предложили воспользоваться услугами такси во время непогоды по причине отсутствия у тебя элементарного зонта, причём совершенно бесплатно, а ты в ответ наговорила гадостей.

— Ну, Гера! — я всё-таки не выдержала и захохотала, — не ври, не было гадостей. Между прочим, это ты, не обращая внимания на мои отказы, каким-то ловким манёвром впихнул меня на заднее сиденье машины. Ко всему и двери умудрился заблокировать. Я чуть инфаркт не пережила, думая, что угодила в лапы к маньяку.

— Лягушонок попался, да, — он ухмыльнулся с видом довольного, но безмерно наглого кота. В синих глазах отражалось каминное пламя, грозя сжечь дотла все скопившиеся во мне обиды. Муж буквально светился изнутри, вспоминая наше знакомство, будто в тот день выиграл многомиллионный приз. Тогда как мне пришлось прилагать титанические усилия, чтобы не броситься ему в ноги, умоляя воскресить нашу семью. Я не могла отвести взгляда от любимого мужчины, с жадностью впитывая излучаемое им счастье.

— Кто попался? — с трудом, но заставила себя вернуться к разговору, подхватывая нить наших общих воспоминаний, — ты вообще, как позже выяснилось, ждал какую-то другую девушку, с которой встречался на тот момент и не дождавшись её, повёз меня. Кошмар! — бросила в него очередной упрёк, который на самом деле таковым не являлся.

— Подожди, — Гера наигранно сердито сдвинул брови, в ответ на моё нелепое обвинение, — разве я виноват, что рванул на помощь несчастному лягушонку, который никак не мог решиться перепрыгнуть самую большую лужу и едва не расплакался от досады. Естественно, что я поспешил на выручку бедолаге, угодившему в неприятности, и позабыл обо всех делах.

— Зато я не позабыла, — ехидно парировала, — потому как твоя девушка через несколько дней подловила меня в коридорах университета и, не стесняясь выражений выставила мне длинный счёт претензий за то, что я посмела отбить у неё парня. Хотя я вообще долго не могла понять о каком парне она лопотала, тем более у меня и не было никаких парней. Ей пришлось со всеми подробностями тебя описывать, хотя, стоило уточнить марку машины, как всё встало на свои места. И я догадалась, что неведомый парень — это ты.

— Не ври, Мира. Я приезжал к тебе каждый день. И ты точно не могла забыть ни мою внешность, ни моё имя.

Разумеется, я почти сразу сообразила о ком говорила та очень недовольная и злая девушка, но так хотелось подразнить мужа в ответ:

— Но я-то не знала, что мы с тобой встречаемся и всё такое. К тому же откуда мне было знать, что ты крутил шашни с кем-то ещё да к тому же с моего универа.

— М-да, твоя первая сцена ревности до сих пор будоражит кровь. — Он приподнял бровь, открыто насмехаясь надо мной.

— Ничего подобного, я не ревновала!

— Ха, ещё как ревновала, лягушонок. Ты так разошлась, что бросилась на меня с кулаками. И мне тогда стоило немалых трудов, чтобы усмирить твой дикий темперамент. Но удвоенное количество поцелуев неплохо справилось со своей задачей. Так ведь?

Я моментально перестала смеяться и, пряча всколыхнувшееся смятение, отвернулась,

вернув взгляд на огонь, полыхавший в камине. Кто бы знал, как я мечтала вернуться в то время и вновь заполучить его поцелуи. Снова стать той, от которой он был не в силах отвести взгляд, был не способен удержать руки, чтобы не заключить меня в объятия, и радоваться любой возможности дотронуться. А малейшее прикосновение кожа к коже рождало жалящие электрические искры.

Почему мы больше не могли сидеть как обычная супружеская пара, вот так как сейчас, по вечерам? Почему нужно обязательно что-то доказывать, спорить, выяснять кто прав, а кто нет, кто умнее, сильнее, успешнее, главнее. К чему бессмысленная борьба если мы давно согласились быть вместе, поддерживать в невзгодах и неудачах, радоваться достижениям и успехам. Что нам делить? Наши взаимные чувства? Мне казалось, что они, наоборот, должны соединять людей, а не разъединять. Что мы делали не так, если причиняли друг другу нескончаемую боль? Почему мы не могли быть чуточку терпимее, великодушнее что ли... Ведь по большому счёту мы двое — самое ценное, что есть друг у друга. Всё остальное шелуха. Так почему у нас не выходило жить в мире и согласии?

— Иди ко мне, лягушонок, — хрипло пробормотал Гера, а я не могла поверить свалившемуся неожиданному счастью.

Неужели нас ещё можно починить? Будто остался последний жалкий шанс возродить семью. Вдруг мы до сих пор способны противостоять свалившимся на нас невздам?

Я поднялась из кресла, разминая онемевшие ноги. Поставила бокал с недопитым вином на сервант и скользнула в раскрытые объятия. Гера опустил коньячный фужер рядом с креслом на пол и моментально обхватил меня руками, заключая в крепкий капкан. Тут же засопел в макушку, стоило мне уложить голову на его плече.

— Почему мы не можем проводить вечера также как сегодня? — задала самый болезненный вопрос, вскрывая воспалившийся нарыв тут же.

— Не знаю, — отговорился муж, по-прежнему оставаясь за стеной ледяного недоверия, по другую сторону от меня.

— Я скучаю.

— Я тоже, лягушонок.

— Не называй меня так, — встрепенулась и развернулась навстречу синим глазам, потемневшим до шторма. Обхватила его лицо ладонями, поглаживая подушечками пальцев, и пристально всматривалась в неуправляемую, рвущуюся ко мне бурю в надежде увидеть проблеск маяка. Пусть за тучами, пусть за вздымающимися неукротимыми волнами, мне бы только заполучить самую мелкую искорку, самый тусклый лучик, самую крохотную надежду, что ещё не всё потеряно. Что есть ради чего бороться.

Жадные губы накрыли мои властным поцелуем, утягивая в шторм, в полночный мрак без малейшего проблеска. Гера ласкал уверенно, не торопясь, он давно знал, насколько велико влияние, оказываемое им на меня. Как сильно я нуждалась в муже, как от его прикосновений плавилось моё тело и добровольно покорялось его воле и желаниям. Я сильнее развернулась, вжимаясь грудью, зарываясь пальцами в короткие тёмно-русые волосы. Оказывается, я успела подзабыть, что значило заниматься любовью, а не терпеливо сносить грубые прикосновения лишённые нежности и чувств. Мы сплетались языками, обменивались дыханием, жадно шарили руками по телам друг друга. Но хотелось получить несоизмеримо большего. Вернуться в прошлое и получить всё то, что мы творили раньше. Чтобы чувствовать не то, как ставшей восприимчивой грудь сплющивалась о каменный торс, а ощущать как две души, раскрываясь навстречу друг другу, сливались в одно целое, чтобы

подняться высоко за облака и в обоюдной эйфории рассыпаться на атомы, опадая обратно. Возвращаясь в тело каждого, но переживая единый экстаз на двоих. Гера разорвал поцелуй, давая нам обоим отдышаться.

— Малышка, хочу тебя, сил нет.

— Пойдём в спальню?

— Повернись.

Пока я раздумывала, что же от меня требовалось, муж сам перевернул моё тело, чтобы я оказалась спиной к нему. Пуловер пополз вверх, вынуждая поднять руки. Прохладный воздух омыл кожу, покрывая пупырышками. Я поёжилась. Но горячие ладони обняли полушария груди, делясь своим жаром. Он недолго поиграл с потяжелевшей плотью, качая в ладонях, будто взвешивая. После чего расстёгнутый и снятый лифчик опустился на пол возле кресла. Настойчивые пальцы тут же вернулись обратно, безошибочно отыскивая вершинки. Жалящие укусы плеч отвлекали, не давали мне нырнуть в блаженство.

— Что же ты со мной делаешь, Мира?

Я откинулась спиной на мужа, подставляясь под жадные и нетерпеливые ласки. Его требовательные руки мяли, поглаживали, щипали чувствительную грудь. Моё дыхание потяжелело, я выгибала спину и ёрзала попой под влиянием возбуждённой дрожи.

— Не вертись, иначе я долго не продержусь, — сердитый голос резанул, но возбуждённое состояние не позволило страху взять вверх. Его пальцы потянули за окаменевшие соски и мой стон разрезал тишину, прежде прерываемую нашим шумным дыханием.

— Хочу посмотреть, насколько сильно ты соскучилась. — Гера ловко расстегнул пояс юбки, и приподнял мою попу, чтобы стянуть ткань вниз. Одна ладонь огладила открывшиеся взору кружевные стринги. Секунда от него на раздумье и трусики слетели вслед за юбкой. Кожей ягодиц я почувствовала жёсткую ткань джинсов подо мной. Контраст обнажённой меня и полностью одетого мужа заставлял трепетать.

— Не крутись, Мира, кому говорю, — резкий оклик приструнил. Я снова откинулась на спину, позволяя мужу развести мои бёдра шире. — Упрись пятками в подлокотники кресла.

Я не торопилась, однако невзирая на охватившее смущение развела сначала одну ногу, а после другую. Хорошо, что Гера оставался у меня за спиной, я оказалась настолько раскрытой, что справляться с робостью становилось непросто. Я не монашка и не ханжа, но в последнее время внутренней уверенности не хватало, отсутствие доверия к любимому мужчине, тоже вносило свою лепту. Он не торопил, но, когда я устроилась окончательно, горячие пальцы моментально нырнули вниз, перебирая лепестки, проверяя мою готовность.

— Чёрт, Мира, ты сильно соскучилась. — Пальцы размазали влагу и наконец прижались к маленькому бутону, который уже давно пульсировал, требуя внимания.

— О-ох, Ге-ра..., мм, как хо-ро-шо, — постанывала, пока он выводил круги в самом сладком месте.

Вторая рука резко сжалась на соске. Я заметалась между ощущениями, но Гера следующими нежными касаниями усилил чувство возбуждения, заставляя забывать о боли. Я давно отринула смущение из-за развратной позы, и сама подавалась навстречу его движениям, желая поскорее получить разрядку.

— Не так быстро, жена, — он порочно хмыкнул на ухо, доведя меня почти до самой крайней точки кипения, — приподнимись.

Как только я спустила ноги на пол и невысоко приподняла попу, то вначале услышала

вжик его молнии, а после сильные руки потянули меня за бёдра, возвращая обратно.

— Только медленно, малышка.

Я опускалась на крепкий член, опираясь руками на подлокотники кресла.

— Ох, Ге-ра! — стон вышел особенно громким, ибо внутренние мышцы изголодавшись по удовольствию сжимались слишком сильно. Мне казалось, что я кончу сию же секунду, не успев насадиться до конца.

— Чшш, не торопись, Мирочка, — мужские руки оглаживали бёдра, спину, переходили через рёбра на живот. Я опустила ещё чуть ниже, пока его пальцы теребили мои соски, посылая возбуждение точно в то место, которое сейчас растягивалось от вторжения. Не выдержав напряжения, я одним махом рухнула вниз, вжимаясь в мужа как можно сильнее. И мы громко застонали одновременно.

— Мира! Это ни черта не медленно, — его возмущение искреннее, но главное, что не злое. А мне было всё равно, секундная боль мгновенно сменилась восхитительным удовольствием. Я зажмурила глаза, грудь вздымалась от частого дыхания, а пальцы сжимали подлокотники кресла. Гера, придерживая меня за бёдра, задал ритм, повинуюсь которому, я задвигалась.

— Малыш-ка, — срывался его хриплый голос, — какая же ты узкая... Я растягиваю тебя каждый день, но ты... как вчерашняя девственница... Мир-ра. Не торопись. Прошу.

Он тормозил мой темп, впиваясь пальцами в бёдра. Моё дыхание натужное, поверхностное, грудь подпрыгивала при каждом движении вверх-вниз. Паховые мышцы звенели от напряжения, под закрытыми веками бликовали вспышки. А я, не обращая внимание на шипение мужа, наращивала темп с каждым последующим движением, потому как последние капли терпения иссякали. Я слишком сильно в нём нуждалась, а твёрдый член внутри меня дарил сейчас именно то, чего Гера лишал меня длительное время. Живот подрагивал от предвкушения. Одну руку я убрала с подлокотника, чтобы пальцами заскользить по своему обнажённому телу. Вниз, туда, где жадно пульсировал набухший бугорок. Добравшись пальцами до места соединения наших тел, собирая влагу, я заодно приласкала скользящий во мне член.

— Мира! — возмущённый, но довольный мужской стон пробежался искристой лаской по натянутым нервам. Я хищно улыбнулась и вернула пальцы на клитор, глаза закатились, зубы до боли прикусили нижнюю губу, а после я сорвалась в дикую скачку. Всё отошло на задний план. Впереди замаячил огонёк. С каждым движением я неминуемо приближалась к нему, а тот увеличивался в размерах всё больше и больше. Ноги ныли от усталости, рука на которую мне приходилось опираться онемела, но это лишь подстёгивало меня сильнее. Я знала, что долго не продержусь, поэтому неслась к освобождению так быстро, как только могла. Гера тоже не выдержал сумасшедшего темпа и начал подавать бёдра вверх, встречая на полпути и врезаясь в меня яростнее и жёстче. Его пальцы ожесточённо мяли ягодицы. Тогда как я едва не обломала ногти той руки, что впивалась в подлокотник кресла.

— Малышка, я сейчас кончу. Поторопись.

Я активнее растирала клитор, когда Гера зарычал и вписался зубами мне в лопатку, нанизывая мой зад на свой содрогающийся в экстазе член. Почувствовав мужской оргазм, как тёплое семя выстреливает внутри, я через секунду огласила комнату громким стоном освобождения. Под веками яркий светящийся шар в конце концов лопнул и обжигающее наслаждение заструилось по венам. Я откинулась на спину, сильнее вжимаясь в мужа. Мышцы влагалища сладко сокращались, посылая вдогонку последние искры удовольствия.

Улыбка непроизвольно растянула губы. Но Гера развернул мою голову к себе и впился влажным настойчивым поцелуем, глубоко вторгаясь языком на мою территорию, я же отвечала с неменьшим пылом. А после мы наслаждались временной тишиной и блаженной истомой, ненадолго объединившей два уставших тела.

— Я кончил в тебя.

— Я заметила, но в этот раз срочную таблетку пить не буду. Слишком часто нельзя.

— Тогда вставай и пошли в душ, помоем тебя так.

— Снова «бабушкины методы», — усмехнулась, вдруг испытал прилив смелости и раскрепощенности.

— По крайней мере лучше, чем ничего.

Гера ушёл вперёд, потому как оставался полностью одетым, а мне пришлось собирать одежду, разбросанную по полу вокруг кресла. Когда я зашла в ванную комнату он уже стоял под струями воды. Прижалась к мускулистой спине, обвивая торс руками. Мои ладони заскользили по налитым мышцам груди, не забывая исследовать рельефный пресс. Но мою вольность, перехватив за кисть, пресекли на корню. Наградив одним весьма скромным поцелуем, муж сунул мне в руки мочалку.

— Мойся, пока я настрою лейку.

Через несколько недолгих минут, перехватив под коленкой одну ногу, он раскрыл меня, направляя мощную струю воды прямо внутрь.

— Эй, полегче, — запротестовала. Ощущения не сказать, что болезненные, но слишком интенсивные.

— Терпи, Мирка. Просил же помедленнее. А ты как дикая изголодавшаяся амазонка неслась во весь опор. Значит потерпишь.

Но как бы Гера не ворчал, я нисколько не жалела. Ведь настоящего удовольствия не испытывала слишком давно, я вплетала пальцы в его волосы, давно отбросив мочалку, и постанывала пока он очищал промежность от спермы. Его пальцы периодически проникали внутрь, рождая новое возбуждение и увеличивая громкость моих стонов.

— Ге-ра, мне нужно больше, — взмолилась, не выдержав скопившегося напряжения. Муж отбросил лейку, вставил в меня два пальца и вдруг присосался губами к набухшему бугорку.

— Ге-ра! — голос взвился на октаву вверх, превращаясь в писк. Кровь вскипела ментально. Несмотря на холодную кафельную плитку за спиной, я горела и пылала от возбуждения. Его губы с жадностью посасывали, пока пальцы словно заведённые сновали туда-сюда. Откинула голову назад, ударяясь затылком о стену. Но выжигающий порочный яд неотвратимо распространял свою отраву по всему телу, заставляя желать и стремиться только к одному.

— О-о-ох, — простонала, когда зубы мужа сомкнулись вокруг клитора, царапая, но не жёстко, скорее дразня. Острота ощущений зашкаливала, но, чтобы приблизиться к заветной грани не хватало последнего шага. Я обхватила руками грудь, сжимая и покручивая между пальцев соски. Острые молнии моментально устремились вниз, туда, где мужские губы без устали посасывали чувствительный бугорок.

— Гера, — захныкала обиженно, когда мужчина резко встал и вдавил меня в стену уже лицом, пристраиваясь сзади и потираясь пахом о ягодицы.

— Жадная, ненасытная, похотливая кошка, — вместе с хриплым голосом член заполнил меня одним слитным движением, входя по максимуму, до упора, — моя кошка, Мира.

Только моя. — Волосы на затылке попали в плен сжатых в кулак пальцев, на один оборот увеличивая моё возбуждение.

— Твоя, — вторила мужу, подавая попу назад, прогибая поясницу до ломоты в позвонках.

В этот раз он не хотел медленно, Гера двигался чёткими, размеренными движениями выходя почти до самого конца и тут же врывался обратно, погружаясь на полную длину. Я скользила пальцами по плитке, ноги дрожали, грозя разъехаться в стороны. Но его руки не давали мне растечься безвольной лужей. Гера пыхтел, увеличивая скорость и вколачиваясь словно одержимый. Он что-то неразборчиво бормотал, а пальцы непроизвольно сжимались и разжимались, натягивая волосы, что в свою очередь заставляло моё удовольствие взмывать всё выше и выше. Неожиданно, когда трение наших тел стало слишком ощутимым, и я успела отметить промелькнувшую в сознании мысль о возможной боли, невероятный по своей силе и красоте оргазм накрыл меня, взрывая наслаждением каждую клеточку тела.

— Ге-ра, о-о-ох! — хотела закричать, но вышел надсадный хрип, а ладони скатывались всё ниже по плитке.

— Чёр-р-т, Мир-ра! — рычал муж, отпустив волосы и смещая ладонь на бедро, не прекращая диких движений, и при этом всё яростнее нанизывая меня на себя.

Последний толчок, после которого он вынул член, и я почувствовала тёплую жидкость на пояснице. Я оставалась в полусогнутом положении, похожей на букву «г» только потому, что Гера продолжал удерживать меня. Но стоило ему отпустить, как я безвольным мешком осела на пол. Мужчина тоже долго не шевелился, переживая собственное удовольствие.

Несмотря на краткое перемирие между мной и мужем, засыпая, я дала себе мысленную установку не сильно надеяться на чудо, что после одного единственного вечера Гера вновь станет самим собой. Но развить мысль не успела, потому что сытое, но уставшее тело потребовало отдыха, погружая меня в крепкий без сновидений сон.

*Был он ревнивым, тревожным и нежным,
Как божье солнце, меня любил,
А чтобы она не запела о прежнем,
Он белую птицу мою убил.
Промолвил, войдя на закате в светлицу:
«Люби меня, смейся, пиши стихи!»
И я закопала весёлую птицу
За круглым колодцем у старой ольхи.
Ему обещала, что плакать не буду,
Но каменным сделалось сердце моё,
И кажется мне, что всегда и повсюду
Услышу я сладостный голос её.
А. Ахматова, осень 1914*

«Близится новый год, пришла пора задуматься над подарками», — напомнила сама себе на следующее утро. За окном землю укрыл пока ещё тонкий белоснежный ковёр. Но пройдёт не так много времени, как толщина снежного покрова нарастёт, уверенно погребая под собой бордюры, клумбы и цветники, впавшие в спячку до следующей весны. Сегодня в город я не выезжала, настроение оставалось приподнятым после вчерашнего эмоционального вечера, но надежда на благополучный исход не успела закрепиться достаточно, чтобы я смела уповать на безоблачное семейное счастье.

Стоило вечером услышать шум подъехавшей машины, как ноги сами понесли меня вниз по лестнице, голова не успела обдумать, а тело влекло меня по привычке в уютные и родные объятия. Я видела, как муж прошёл в дом, закрывая за собой входную дверь и отсекая морозный воздух, оставляя его снаружи. С последних ступенек почти слетела, так сильно торопилась. Набрал приличную скорость больно впечаталась в мужчину, не успевшему снять тёплое пальто. Но Гера устоял даже не пошатнувшись, обхватил одной рукой, сразу пробравшись ладонью под пуловер, накрывая обнажившуюся спину.

Я громко завизжала и задёрнула плечами, хохоча: — Гера, ты холодный!

— Зато ты горячая, несёшься по лестнице, будто ураган. Так нельзя, Мира, не ребёнок ведь, не долго и шею себе свернуть, — раздалось в ответ, после которого едва теплящаяся жалкая надежда рухнула в ледяную пропасть. Холодными оказались не только руки, но и голос, а значит муж вновь застыл и телом, и душой по отношению ко мне. Мой недавний смех моментально издох. Я отклонилась назад, чтобы всмотреться с грустной, обречённой полуулыбкой в ожидаемо ледяные синие глаза. Потянулась к его устам, вдруг удастся растопить хотя бы одну крошечную льдинку. Но он едва мазнул губами в ответ и отстранил меня окончательно:

— Мира, дай прийти в себя. День выдался тяжёлым.

— Что-то случилось?

— Нет. Ничего серьёзного. Просто один клиент оказался слишком дотошным и неуступчивым.

Я коротко вздохнула, скрывая облегчение. Главное, что не я причина его недовольства.

Однако ужин, как и раньше проходил в гнетущем молчании. Под конец я так страшилась услышать его обидное «жду в кабинете», что, когда именно эта фраза прозвучала, горячие слёзы крупными каплями покатались по щекам, падая в тарелку. Я склонила голову как можно ниже, не желая продемонстрировать того, насколько сильно задевало меня его бессердечное отношение. Кулаки сжимались в бессильном протесте. Тогда как муж, по моему, не испытывал ни малейших угрызений совести, напротив, боюсь, что он намеренно задевал меня сильнее.

Возможно, именно тогда я впервые осознала, что больше не смогу. Для меня одной ноша, которую Гера взвалил на меня, слишком неподъёмна. Я понимала — нельзя сдаваться если оставался хоть один малейший шанс. Но где мне отыскать тот шанс? Давая его, Гера тут же забирал обратно. И всё больше и больше раздаваемые им шансы напоминали дешёвые подачки. Я чувствовала себя прибившейся бродяжкой, которую не выбрасывали из жалости, время от времени подбрасывая ей скупую ласку, а в остальное — пользуясь по барскому изволению. Почему же я продолжала бороться за наши чувства, семью общую на двоих, тогда как Гера, только лишь выстраивал ледяную стену промеж нас, цементируя кладку ревностью, тайнами, обидами, упрёками, которые накапливаясь, легко оборачивались ненавистью. Хотела ли я продолжать глупый бег по кругу? А вдруг Мария Мстиславовна права? И мне следовало давно уйти от мужа, ещё в самый первый раз. Даже Маринка, если бы узнала все подробности, то сама наверно пристрелила бы Геру. А я же превратилась в жалкое подобие мученицы, добровольно взошедшей на алтарь, который кроме меня самой, по большому счету больше никому не нужен.

Положа руку на сердце, я сомневалась, что мужчины, практиковавшие дома за закрытыми дверями насилие, испытывали хотя бы толику уважения к своим избранным жертвам. Разве люди способны осязать по отношению к страдальцам что-либо помимо брезгливой жалости? По-моему нет. Даже если кто-то на первый взгляд казался таким доброхотом, который похлопав по плечу, бросит пару скупых ничего незначащих фраз вроде «всё будет хорошо» или «всё наладится, вот увидишь», искренне полагая, что на этом их миссию по оказанию помощи и творению добрых дел можно считать успешно завершённой. Плюс в карму зачтён. И они с «чистой совестью» возвращались к своей заурядной жизни и насущным делам, не оглядываясь и не вспоминая больше тех, кто сам по своей вине угодил в капкан, выставленный хищником.

Действительно, разве в природе хоть один из хищников додумался до того, чтобы начать жалеть или искренне сочувствовать жертве, своей или чужой? В худшем случае сожрёт, в лучшем — сожрёт быстро. Так стоило ли от людей, давным-давно по жестокости и беспощадности переплюнувших хищных зверей (но не забывающих, стучать себя в грудь и громко убеждать всех вокруг, что человек в целом и в частности «неживотное»), ждать доброго отношения.

Почему же я так не могла?!

Не могла пройти мимо с трудом волочащей забитые продуктами сумки сторбившейся морщинистой старушки, от которой за версту разило нафталином, а за две версты — сварливым характером, но от этого она не переставала нуждаться в помощи. Не могла не взять за руки малышню, стоявшую в ожидании разрешительного сигнала светофора на перекрёстке, почему-то без сопровождения беспечных, эгоистичных в своей вечной занятости взрослых. Не могла пройти мимо вздрагивавшей, плачущей девушки на скамейке, размазывавшей по лицу потёки слёз и горя из-за неразделённой любви. Не могла

превратиться в Геру... Покрывается непроницаемым льдом, обрасти броней из ненависти, выкинуть воспоминания о счастливых днях и вытирать ноги о того, кому совсем недавно признавалась в чувствах и распахивала душу.

Неужели я рождена быть жертвой? Почему таких как я изначально в обществе принято считать потенциальными жертвами?! Только из-за того, что некие отдельно взятые индивиды предпочитали жить по совести, брезговали не видом сирых и убогих, а глядя на несправедливость, жестокость, творимое бесчинство в отношении тех, кто заведомо не смог бы дать достойный отпор. Разве проявление сочувствия, живое неравнодушное сердце, желание поддержать, подставить плечо в трудную минуту тому, кто в нём нуждался, не надеясь услышать в ответ слова благодарности, — неужели всё это и принято приписывать характеристике жертвы?

Не знаю. Возможно. Что ж, пусть так. Да сколько угодно. Гера мог принимать меня хоть за жертву, хоть за покорную овцу, добровольно взошедшую на заклание. Только он, к сожалению, забыл многовековую мудрость:

*«Все́му своё время, и время всякой вещи под небом:
время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное;
время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить;
время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать;
время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий;
время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать;
время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить;
время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру[1]».*

Наступит такое время, когда ему столкнувшись с непоправимой истинной реальностью придётся умыться собственными кровавыми слезами. Потому что когда-нибудь мы ответим за всё. Каждому из нас предстоит ответить за каждый свой поступок.

Ты пожалеешь... Поверь, Гера, однажды настанет день, когда ты поймёшь, осознаешь и очень горько пожалеешь, о том, что именно умудрился разрушить причём своими собственными руками. Лишь бы не оказалось слишком поздно, муж.

Со стороны могло показаться, что я смирилась, безропотно приняла уготованную Герой мне участь бесправной жены, когда даже предметы интерьера представляли для мужа бóльшую ценность. Да, я терпела, глотала ставшие привычными тугие комки в горле, одевала наряды к ужину, укладывала волосы в причёску, наносила лёгкий макияж, чтобы скрыть нездоровый блеск глаз от невыплаканных и будто навечно застывших слёз. Ужины проходили в неизменном молчании, а Гера усиленно делал вид, что не замечал меня и моей перемены в поведении. Тогда как я превратилась в зеркальное отражение его самого. Чистый лёд, облитый ненавистью! Снаружи и внутри. Никаких улыбок, нечаянных касаний, томных взглядов — всё это я сложила в самые дальние уголки души, наподобие прапрабабушкиного дряхлого сундука, забытого всеми и пылившегося на чердаке такого же старого и покосившегося трухлявого дома, куда живые не заглядывали последние сто, а может двести лет.

— Как прошёл день? — единственный вопрос, который он изредка мне задавал.

— Как обычно, — неизменно отвечала я.

После окончания ужина мне следовало явиться в кабинет, что означало: «ты будешь делать мне минет». Или же я слышала: «Ступай в спальню, я подойду через полчаса», что означало я буду драть тебя во все дыры. Мой скулёж о том, что я не хочу, что я не готова, Гера не слушал. Он хотел, и он был готов — он брал свою законную жену.

Наверно я должна быть благодарной, ведь после того единственного случая он больше ни единого раза не поднял на меня руку... Но что такое ссадины и ушибы в сравнении с тем, когда болела душа. Когда, сгорая в адовом пламени изо дня в день, беспомощно угасала любовь, вера в неё, в нас, надежда на счастливое будущее. Телесные увечья наверняка смогли бы затянуться, обрасти мясом, покрыться рубцами, но душа кровоточила безостановочно. Не существовало лекарств от похожих ранений, не придумали бальзамы и мази если нечего перевязывать, оперировать, невозможно провести трансплантацию или заменить на протез. Я, следуя когда-то данному мужем совету, приноровилась использовать смазку. О том, чтобы в постели с ним испытывать привычное возбуждение не шло и речи. Совсем успела позабыть какого это плавиться в крепких руках любимого мужчины. Тот последний раз почти украденного мной любовного наслаждения у камина, в день, когда выпал самый первый снег...

Муж есть, любимого больше нет.

В один из вечеров незадолго до наступления Нового года Гера телефонным звонком предупредил, что вернётся домой поздно и я получила разрешение ужинать без него. Оповестив тётю и сославшись на плохой аппетит, укрылась в спальне. Последнее время её болезненный жалостливый взгляд полосовал мне душу похлеще Гериного равнодушия или грубости в постели. Я перестала ужинать с ней вместе, если муж отсутствовал. Завтраки и обеды, тоже старалась проводить уединённо: либо в спальне, либо в городе. Главное, чтобы не видеть порицания и жалости, плескавшихся за линзами очков доброй Марии Мстиславовны. Но видимо она понимала гораздо больше меня, потому что тактично молчала, едва качая головой всякий раз, когда я сбегала от неё, подгоняемая трусостью и малодушием.

Тем неожиданней показалось то обстоятельство, когда вечером со стороны улицы раздался шум подъехавших машин. Выглянула в окно. Гера ведь предупредил, что задержится, почему же вернулся раньше? Но какого же было моё удивление, когда первым к дому прошёл Прохор, приобнимая за талию двух громко хохочущих девиц. Муж вошёл последним, но увидев, что он никого не обнимал шумно выдохнула. Неужели я до сих пор способна испытывать ревность к мужчине, который в шаге от того, чтобы обернуть ненавистью мою неубиваемую любовь? Неловко замялась, не зная, как поступить. Гера не предупреждал о визите гостей. Стоило ли мне спуститься вниз, чтобы показать себя радушной и воспитанной хозяйкой? Но вдруг непрощенная мысль едва не спалила самоконтроль к чертям: «А мог ли его звонок быть предумышленным, чтобы спокойно отужинать в компании... хм, друзей, если их можно так называть».

Подобного я стерпеть не могла. Унижать меня за закрытыми дверями спальни — на твоей совести супруг, но перед посторонними — это за гранью. Приготовиться ко сну я не успела, поэтому переодеться нужды не было. Домашнее тёмно-коричневое платье из тонкой шерсти, приталенное, чуть ниже колена выглядело излишне скромным, но меня никто не предупреждал о приезде гостей. Перед выходом из комнаты, неуверенно сжав ладонью дверную ручку, я ненадолго замерла. Правильно ли я поступала? Интуиция

молчала, также как и рассудительность, обернувшись ледяными статуями (зато, как выяснилось, ревнивыми), чутьё заморозилось следом. Ну уж нет, пока я хозяйка в этом доме и законная жена своего мужа трусить глупо. Поэтому решительно открыла дверь и спустилась вниз.

Четверо людей с комфортом разместились в диванной зоне в гостиной. Хорошо, что не у камина. Иначе это был бы новый удар ножом точным попаданием в сердце. После единственной за долгое время близости, доставившей помимо незабываемого удовольствия, самые приятные воспоминания, которые я бережно хранила в раненом, но до сих пор бьющемся сердце, я считала каминную комнату своей личной территорией. Возможно, причина проста и банальна — там Гера ни разу не проявлял жестокости.

— Добрый вечер, — вежливо, без грамма сарказма поприветствовала всех. Тем не менее в первую очередь оценивая внешний вид двух дамочек, сидящих по бокам от Прохора. Девушки мало отличались друг от друга, разве что цветом волос: одна блондинка, вторая рыжая. Обе ярко накрашены, алые губы на пол-лица, которые скорее пугали, чем соблазняли. Но я женщина, может чего-то не понимала. Их одежда, мягко говоря, плохо соответствовала наступившей зиме. Те клочки ткани, которые едва прикрывали женские прелести, держались при помощи святого духа, не иначе. При малейшем движении всё колыхалось и шевелилось. Не знаю, что чувствовали мужчины при взгляде на этих..., хм, хорошо, женщин, но лично мне захотелось выдать каждой по махровому халату, а то ведь замёрзнут бедняжки, простынут ненароком. Дом у нас хорошо отапливался, но я всё равно подмерзала и в зимнее время предпочитала одеваться потеплее, во что-то шерстяное. Удивительно, что две чучундры, извиняюсь, женщины до сих пор не отморозили свои оголённые не по сезону телеса.

— О-о, Мира! Как хорошо, что ты пришла, — пьяно и слащаво протянул Прохор, — а мы отмечаем выгодную сделку, — он просветил меня о причинах сабантуя и вызываясь расхохотался, вызвав на моём лице непроизвольную брезгливую гримасу. Почему я не выносила этого хамоватого типа? Вроде мужик как мужик, ничего особенного. Ко мне особо не лез. Но рядом с ним меня словно озноб продирает, как при опасности. Неприятное чувство и непонятное.

— Зачем ты спустилась, Мира? — муж не пьян, но зол. Вальяжная поза исчезла, явив присутствующим хищника перед прыжком. Дамочки, которых мне так никто не представил, моментально, прочувствовав смену настроения, притихли, прервав свои глупые смешки, и переводили взгляды из-под огромных наклеенных ресниц с меня на мужа и обратно.

— Ты предупреждал, что удержишься, но задержка видимо пошла по иному сценарию, — не сдержала ехидно-пренебрежительной гримасы и демонстративно хмыкнула.

«Ты хозяйка в этом доме, Мира», — приходилось напоминать себе ежесекундно. Муж вскочил и за два шага преодолел разделявшее нас расстояние, схватил меня больно за руку выше локтя и потянул в сторону выхода.

— Поднимайся наверх и не вздумай спускаться, — высказался тихо, но грозно. Заледеневшие глаза сверкали неприкрытым гневом.

— Ты ещё запри меня для надёжности.

— Надо будет — запру, не сомневайся.

— Отпусти руку, мне больно, — попыталась вырваться, но безуспешно.

— Если ещё раз сунешь любопытный нос куда не просят, то будет намного больнее, — закончив угрозу, он отшвырнул меня брезгливо, как прокажённую. Горечь полоснула по

живому, но я легко затолкала её поглубже.

— Можешь не утруждаться, компания у тебя подобралась хуже некуда. Так что я за счастье посчитаю не видеть ваших пьяных лиц.

— Мира, ты нарываешься, — разъярённое шипение в ответ, удивительно что ядом не брызгал.

— Ухожу. — Развернувшись, направилась к центральной лестнице и оттуда бросила напоследок гораздо громче и язвительней: — Уже ушла! Развлекайся муж! — Но я не уверена, что он расслышал.

Рассчитывала уколоть побольнее его, а в итоге из нас двоих испытывала гадливость лишь я. Гера же оставался непробиваем, как дубовый чурбан. Он хоть что-нибудь чувствовал? Или окончательно превратился в бизнес-машину, которая кроме работы ничего не замечала и ничем не интересовалась. Одичавшая жена, тётя, заменившая ему мать и отца — на всех плевать.

В голове снова замаячила красным фонарём мысль, что сейчас как никогда подходящий повод собирать чемодан и бежать. В гардеробной я даже попыталась отдельной горкой сложить вещи первой необходимости, хотя бы на первое время, вроде джинсов, свитеров и белья. Но кроме переполнявших меня смятения и неразберихи, уверенности в собственных действиях как не было, так и нет.

Спросить совета? Но я прекрасно знала, что подруга приедет и собственноручно соберёт мои вещи лишь бы увезти подальше. Тётя Маша, как ни удивительно, заняла аналогичную позицию. Даже я понимала, что расстаться — единственно возможный выход из тупика, в который Гера умудрился загнать нас обоих. Но почему тогда я никак не могла заставить себя покинуть дом, который давно приняла своим? Сейчас даже его сумрачность по углам меня не тревожила, а наоборот заставляла сердце сжиматься от тоски, стоило нарисовать в голове картину прощания.

Как только я бралась перебирать одежду, то руки незаметно сами опускались, а я заново погружалась в неприятные, тягостные размышления, чтобы спустя какое-то время осознать себя сидящей в кресле, тогда как вещи продолжали висеть в гардеробном шкафу на вешалках, хвастаясь стройными рядами. «Утро вечера мудрёнее, не бежать же мне в ночь, в конце концов». Плюнула на всё и пошла спать. Однако семейные проблемы настигли меня даже во сне. Потому как вскоре я вынужденно проснулась от собственного крика, сердце колотилось в сумасшедшем ритме, а во рту было суше, чем в пустыне.

— Мне только кошмаров до кучи не хватало, — пробормотала вслух и тут же испуганно прикрыла рот ладонью, собственный голос показался слишком громким в ночной тишине. Не хотелось неосторожно вылетевшей фразой разбудить Геру. Но повернувшись в его сторону, я заметила, что постель пуста и даже не смята. Он не ложился. Мобильный телефон подсказал, что время перевалило за час ночи. Где его носило. Неужели пьянствовал до сих пор?

Слезла с кровати, кутаясь в тёплый халат и ныряя ногами в тапочки. Выглянув в окно, убедилась, что машины продолжали стоять под окнами в том же количестве, как и несколько часов назад. Сделала вынужденный и безрадостный вывод, что, к сожалению, гостей не убавилось и не прибавилось. Последняя мысль расстроила, ибо я надеялась, что Прохор, вдоволь натешившись уберётся восвояси вместе со своими подружками.

Горло после ночного кошмара драло, а воды в комнате не оказалось. Можно было утолить жажду из-под крана в ванной комнате, но нездоровое любопытство в отношении

двух вызывавших более чем оправданное недоверие дамочек, которые находились в опасной близости от Геры, заставляло принимать наиглупейшие решения.

Я приоткрыла дверь из комнаты и прислушалась. Вроде тихо. Крадучись словно вор в собственном доме, бесшумно спустилась по лестнице, сразу прошмыгнув на кухню. Вдоволь напившись воды, только было направилась обратно в спальню, но почти сразу же неудовлетворённый любопытствующий интерес, подогреваемый... ревностью, чего уж там, потребовал обещанного вознаграждения. Где Гера разместил гостей и где расположился сам? В гостиной никого не было и я бросила взгляд в коридор, в котором из-под одной из закрытых дверей пробивалась полоска света. Но это же его кабинет... Неприятное удивление отразилось гримасой на моём лице. Обычно он не разрешал посещать его святая святых, особенно посторонним, даже уборка в этой комнате проводилась реже остальных. Потому как муж категорически не терпел чужеродных рук на документах, с которыми работал. Я прокралась на цыпочках к двери и покосилась на замок. Дверь прикрыта, но не до конца. Мне оставалось потянуть осторожно за ручку, чтобы увеличить зазор. Но когда я заглянула внутрь... то очень сильно пожалела, что открыла ящик Пандоры...

— Мирка, три часа ночи, ты сдурела или случилось что? — сонный хриплый голос подруги раздался в ухе после десятого телефонного гудка.

— Случилось. Я еду к тебе. Сейчас, — даже странно, что я не рыдала и не билась в истерике.

— Ты цела? Не пострадала? — её сонливость исчезла, сменяясь отчётливым беспокойством и тревогой.

— Цела и не пострадала, — как можно быстрее успокоила её. Хм, физически я действительно не пострадала.

— Я сама вызову тебе такси, а ты пока выбирайся из клятого гадюшника.

Она даже не представляла, насколько точно описала мои собственные мысли и чувства некоторое время назад.

А вскоре второй раз за ночь я тихо кралась в потёмках собственного дома, задыхаясь от душного пуховика, который нацепила заранее, держа на весу забитый вещами чемодан, чтобы не греметь по полу колёсами, при этом стараясь потише пыхтеть от натуги. И к тому моменту как я спустилась с лестницы, показавшейся нескончаемо длинной, успела тысячу раз пожалеть, что вообще додумалась взять с собой чемодан. Вот на кой он мне сдался? Потому как больше всего я опасалась, что Гера, как назло, объявится в самый неподходящий момент. Чем могла закончиться наша с ним стычка предсказать затруднительно. Поскольку теперь мы оба на грани безумия. Он уже давно, а я впервые решительно настроена свалить. Посему опасалась выдвигать опрометчивые предположения, чем могло бы закончиться наше нечаянное столкновение; спускаться на тормозах откровенное издевательство над моими чувствами и дальше — выше моих сил. Но вместе с тем я отдавала себе отчёт в том, что физически ему не составит труда сломить моё сопротивление.

«В крайнем случае буду уповать на то, что все останутся живы...», — упадническая мысль неожиданно придала смелости. Ведь кроме жизни мне и терять то больше нечего. Сегодняшним поступком Гера лишил меня всего. А может, идя у него на поводу, как предрекала тётушка, я сама потеряла себя. И последний инцидент лишь закономерный итог его бессердечия и моей никому ненужной жертвенности.

Спустившись на первый этаж, я опасливо оглянулась в сторону коридора со

злополучным кабинетом, там свет по-прежнему пробивался полоской из-под прикрытой двери. Почти бегом пересекая большой холл, я вскоре бесшумно открыла входную дверь, чтобы в следующее мгновение дышать колким морозным воздухом. Но спустя несколько минут обогнув дом по дуге, держась как можно ближе к тёмным окнам, а после миновав задний двор, я благополучно вышла через заднюю калитку. Не то чтобы я опасалась охраны, всё же я не пленница. Но охрана может позвонить Гере, а сталкиваться с ним сейчас — это плохой вариант развития событий для нас обоих.

Прогулка на свежем воздухе пошла мне на пользу, чувства отодвинулись на задний план, оцепенение, накотившее в отсутствие сжигающих эмоций, постепенно брало вверх. Кто бы мог предположить, что за два дня до наступления Нового года я буду бежать прочь из родного дома от ненавистного мужа, ещё и посреди ночи. Я никогда не понимала отчего слезливые турецкие или бразильские сериалы свято почитаемы женщинами всего мира. Просмотр «мыльных опер» лично мне представлялся величайшей глупостью. Жгучие, пылкие, разрывающие сознание страсти — зачем лишний раз истязать себя подобными эмоциями, причём чужими? Особенно когда всё надумано, фальшиво и наиграно. Но хрустя морозным снегом под ботинками и борясь попутно с чемоданом, который прочно увязал колёсами в снегу и категорически отказывался катиться, что пришлось взвалить его на себя, моя внутренняя переоценка ценностей пережила переворот. Если бы кто-то неделю назад поведал мне, как я проведу канун Нового года — я бы нагло расхохоталась тому человеку в лицо. Но сегодня моя жизнь — одна из серий злосчастной мыльной оперы. Зато меня неожиданно осенило, что ничего в жизни не происходит просто так. Даже экранизированные истории, не основанные, казалось бы, на реальных событиях, наверняка где-то когда-то были кем-то прожиты, кто-то прошёл через все испытания, прочувствовав на собственной шкуре все жизненные тяготы и испив кубок, отмеренный коварной судьбой, до самого дна. Потому что иначе никак.

Марина ждала у собственного подъезда, зябко кутаясь в стёганое пальто.

— Глупая, зачем выскочила — набросилась на неё с обвинениями, как только выбралась из машины.

— Вдруг у тебя багажа вагон?

— Пф, по-твоему, как бы я с ворохом чемоданов выбиралась из особняка к тому же в темноте?

Расплатившись с таксистом, мы поднялись в квартиру. У Маринки симпатичная просторная двушка. Дом в центре города старой постройки, но мне нравился внутренний душевный уют, напоминавший почему-то о беззаботном детстве.

— Бросай чемодан и проходи на кухню. Заварю нам кофе, — распорядилась хозяйским голосом подруга.

Но первым делом избавившись от верхней одежды и обуви я ненадолго спряталась в ванной комнате. Открыла кран в раковине и, пока вода стекала, заглянула в зеркало. Но впервые на моей памяти я не выдержала собственного взгляда и отвернулась... Потухший и безысходный. Он заставлял смотреть в чёрную пропасть без дна, в которую я падала прямо сейчас, барахтаясь в воздухе, нелепо маша руками и ногами, пытаюсь остановить падение, но ухватиться было не за что. Опоры больше нет. И дело не только в Гере. Я сама перестала быть опорой для себя. Не знаю, как давно это произошло, моя в том вина или нас обоих. Но смотреть себе в глаза я отныне не могла. Это не больно, это жутко...

— Рассказывай, что случилось, — Маринка разливала из джезвы ароматный напиток по

чашкам, когда я прошла на кухню и устало, даже грузно опустилась на стул.

— Всего лишь увидела, как Гера развлекался с проституткой в нашем доме.

— Да брось, ты меня разыгрываешь? — весело хохотнула подруга, расставляя чашки на столе.

Я взяла кусочек ржаного хлеба, намазала маслом и накрыла сверху тонким ломтём сыра. Желудок протестующе сжался, отказываясь принимать еду. Но руки действовали на автомате, я даже не задумывалась, что именно делала, пока не откусила кусок бутерброда и не ощутила на языке смесь вкусов кислого и сливочного.

— Что я делаю? — пробормотала под нос сама себе и отложила недоеденный бутерброд в сторону, — нет, Мариш, к сожалению, а может к счастью, я не шучу.

— О-чу-меть! — Маринка шумно плюхнулась на стул и вылупила на меня и без того круглые голубые глаза.

«До чего же она красавица. А мужики-козлы не видят под носом самого настоящего бриллианта». В минуты острого горя рядом можно увидеть лишь тех, кто действительно щедр к тебе. Ибо только они не пожалели для тебя частички своего сердца, чтобы разделить ношу тяжкого груза.

— Я говорила, что люблю тебя?

— Мира, — у неё сорвался голос. А я, заметив, как она поджала побелевшие губы, поспешно продолжила:

— Они с Прохором вернулись вчера вечером выпившие и в компании двух полуголых девиц. Меня муж выставил вон.

— Вот же козлийный урод!

— Да, я бы сама не осталась. Компания, сама понимаешь, подобралась не по мне. А ночью приснился идиотский кошмар, благодаря которому я спустилась вниз за водой и заодно найти отсутствующего в спальне мужа. В это время в его кабинете транслировался прямой эфир для тех, кому исполнилось восемнадцать. На его рабочем столе, — вздрогнула всем телом от омерзения, спровоцированного свежими воспоминаниями.

— Мирка! — громко охнула подруга и прижала руку к сердцу, словно ей также больно, как и мне сейчас. — Мир, мне очень жаль. Правда. — В её круглых голубых глазах плескались слезы, точно такие же, как и у меня. — Каким бы ни был Подольский козлом, но закончить всё вот так... Если бы рассказал кто-то другой, а не ты, я ни за что бы не поверила, что ваша история может закончиться настолько пошло и скверно. Это...

— Не надо Мариш, только не ты, — перебила, зажимая пальцами переносицу. Переждав резь в глазах, я продолжила самым решительным голосом, на который была способна сейчас, — пожалуйста, не жалея меня, иначе я не выдержу. Сама не понимаю на каких морально-волевых держусь до сих пор.

Не знаю почему мой взгляд всё время возвращался к надкусанному бутерброду, ни с того ни с сего меня это разозлило до чёртиков. Бутерброд не мой муж, чтобы вызывать схожие чувства. Поэтому я решила проблему радикальным, но самым правильным способом — в несколько укусов отправила бутер в желудок, устраняя причину раздражения. Чем провинился передо мной кусок хлеба?

— Ну, ничего. Всё в жизни рано или поздно проходит и это пройдёт. Мы с тобой и не такое переживали. Ты молодая, умная, красивая. Мы тебе быстренько нового жениха отыщем, получше ублюдка-Подольского.

— Уймись, Марин. Беру тебя в свидетельницы и ответственно заявляю, что даю обет

безбрачия. Никаких мужиков и тем более замужества. Надоело. Всех мужиков в сад, а лучше сразу опускаю букву «с», то есть к чёрту.

— Эй, полегче с клятвами-то. Совсем сбрендил? Не вали всё в одну кучу. Чтобы выйти за кого-то замуж неплохо бы для начала развестись с козлом, а во-вторых, отказываться от приятных ни к чему необязывающих свиданий для собственного здоровья преждевременно. Ты остынь, прими изменившуюся реальность, тебе ещё через развод проходить. Кто знает, что козлиному ублюдку в голову взбрёт. Но у меня уже есть на примете толковый адвокат. Я правда не успела с ним связаться, но пособирала отзывы от тёток, пользовавшихся его услугами. Те в один голос уверяют, что не мужик — зверь. Рвёт оппонентов, как тузик грелку, даром что сам мужик. В общем женщин защищает на совесть.

— Спасибо. — Рот искривился в зевоте, которую я даже не старалась прикрыть ладонью, усталость накатывала неотвратно: — Ты не будешь сильно возражать, если я какое-то время поживу у тебя? — мой самый болезненный вопрос. Не считая будущего развода, само собой. Ибо ни собственных денег, ни жилья, ни работы у меня не было. Ушла с чем пришла, м-да.

— Мирка, с ума сошла?! Конечно нет. Живи сколько потребуется, — искренне возмутилась добродушная подруга.

— А твоим встречам с Савелием я случайно не помешаю?

— Не переживай, — она лишь беспечно махнула рукой на моё возражение, — у него своя жилплощадь, так что мы найдём, где уединиться.

— Спасибо подруга, ты меня очень выручила. — С моих плеч действительно свалился один немаленький груз. Хотя бы о жилье можно не думать на первых порах.

— Хватит благодарностей. Ты раззевалась. Давай-ка попробуем отдохнуть, может выкроем пару часов для сна.

— Кофе напились, какой отдыхать? А тебе на работу скоро собираться, — возразила, но Маринка меня уже не слушала.

— Мира! — раздался её крик из глубины квартиры, — на диване чистое постельное бельё и одеяло с подушкой. Устраивайся. Я лично попробую поспать хоть чуть-чуть.

Она скрылась в спальне, а я, так и не прикоснувшись к постельному белью, как была в джинсах и свитере вскоре свернулась калачиком на диване и закрыла глаза...

Я приоткрыла дверь из комнаты и прислушалась. Вроде тихо. Крадучись словно вор в собственном доме, бесшумно спустилась по лестнице, сразу проишмыгнув на кухню. Вдоволь напившись воды, только было направилась обратно в спальню, но почти сразу же неудовлетворённый любопытствующий интерес, подогреваемый... ревностью, чего уж там, потребовал обещанного вознаграждения. Где Гера разместил гостей и где расположился сам? В гостиной никого не было и я бросила взгляд в коридор, в котором из-под одной из закрытых дверей пробивалась полоска света. Но это же его кабинет... Неприятное удивление отразилось гримасой на моём лице. Обычно он не разрешал посещать его святая святых, особенно посторонним, даже уборка в этой комнате проводилась реже остальных. Потому как муж категорически не терпел чужеродных рук на документах, с которыми работал. Я прокралась на цыпочках к двери и покосилась на замок. Дверь прикрыта, но не до конца. Мне оставалось потянуть осторожно за ручку, чтобы увеличить зазор. Но когда я заглянула внутрь... то очень сильно пожалела, что открыла ящик Пандоры...

На рабочем столе, среди важных бумаг, к которым не разрешалось прикасаться никому кроме него, мой некогда любимый и любящий супруг убивал нашу семью. Сам. Добровольно. Своими же руками... Нет, не руками. Членом, который беспощадно долбил рыжую девицу. «Волосы ниже живота рыжие, значит не крашеная», — отметила про себя отстранённо. Затем взгляд произвольно выхватил Прохора, вольготно расположившегося на диване, а между его широко расставленных ног, стоя коленями на полу, блондинка в установленном ритме покачивала вниз-вверх головой. От омерзения и гадливости тошнота подкатила к горлу, но я заставила себя снова взглянуть на Геру. Ещё один раз...

Мужское лицо по-прежнему свирепое, лютное, ненавидящее будто саму жизнь, губы презрительно кривились. Могло показаться, что происходящее ему омерзительно также как и мне. Но его член доказывал обратное. Он без стеснения сношал проститутку в доме, под крышей которого спала его собственная жена. Большого цинизма вообразить невозможно. Это даже не конец. Это полнейший крах.

Острая боль пронзала насквозь. Я схватилась за сердце. В ушах загудело кровяное давление. И мне казалось, что я прямо сейчас слышала, как глашатай зачитывал обвинительный приговор нашему некогда счастливому браку. Кто виноват в том, что мы начали смотреть друг на друга глазами полными ненависти, тогда как несколько месяцев назад мы ждали появления на свет нашего первенца и шептали признания в любви? Но вот приговор озвучен, наш брак на плахе, палач отпустил верёвку гильотины, и тяжёлое лезвие со скрежещем звуком скользнуло вниз, неумолимо рассекая нас пополам. Отделяя друг от друга. Навсегда. Навечно.

В ту минуту жестоко убита не только наша семья. Мои радужные мечты, моя вера в мужчину, которому я была предана до самого конца несмотря ни на что, моё сердце, разрубленное пополам, изливалось кровью, дёргаясь в посмертных конвульсиях. Не было больше нас, отныне существовали только он и я. Хотя насчёт себя не уверена. Ему то, что, он уже несколько месяцев, как превратился в бездушного ледяного монстра. Ему должно быть всё равно. А вот я теряла кровь вслед за собственным сердцем, приговорённым и казнённым мужем-палачом.

Внезапно Гера будто почувствовал что-то. Резко вскинул голову и моментально поймал в силки мой агонизирующий взгляд. Синие льдистые глаза полыхнули ненавистью, яростью, гневом, сменяясь злобным удовлетворением, затем секундная боль, и мне даже показалось, что мелькнуло сожаление. Хотя о чём ему жалеть? Он изувер, не человек для меня больше. Порядочный мужчина никогда бы так не поступил. И речь ведь совсем не о любви. Речь об элементарном уважении к той, которая делила с ним кров, еду, постель. Сожалел он или нет — плевать. Мне теперь тоже всё равно.

Бросив последний взгляд на страстную пару на рабочем столе, заметила, что Гера успел надеть маску ядовитого превосходства. И я едва сдержалась, чтоб не расхохотаться в голос над самой собой. Наивная Мира пыталась разглядеть в пылающих гневом ледяных глазах сожаление! Три раза ха-ха! Маринка права, я безмозглая идиотка, пытавшаяся сохранить то, чего давно не существовало в реальности. Аккуратно прикрыв дверь, я вернулась в спальню, постояла несколько минут глядя на разобранную постель с тем выражением лица, когда видишь ядовитую змею. Отныне наша супружеская кровать вызывала во мне единственную ассоциацию — мерзкая, гнусная, скользкая, ядовитая змея... гадость, одним словом.

Открыла глаза, отворачиваясь от непрошенных видений, и я снова в Маринкиной квартире. Кофе — зло. Хотела заснуть, но не получалось. Сердечная тахикардия бухала в груди, мешая расслабить тело. А может предатель-муж виноват в бессоннице. Нереальность происходящего сбивала с толку, нестерпимо хотелось поддаться искушению и нырнуть поглубже в прошлое, в котором каждое утро меня встречал глубокий бездонный взгляд, наполненный искристым обожанием и неподдельным восхищением, трепетной благоговейностью и пылкой чувственностью. Где не хотелось отворачиваться от горячего тела, жадных губ, крепких объятий, а мечталось замереть в них навсегда... Печально, что моё «навсегда» разбито без жалости и сострадания, без оглядки на общее счастливое прошлое. Возможно ли склеить осколки?

Умелому мастеру по силам сотворить всё, что мятежная душа пожелает, но то, что склеено, уже никогда не станет прежним. Раны покрываются шрамами, те грубыми рубцами. Внешний вид, благодаря виртуозной шлифовке, может быть тем же, тогда как содержание изменилось навсегда.

Я снова прикрыла веки, чтобы попытаться заснуть...

Обнажённая рыжая женщина с пышными формами, распростёртая на рабочем столе, бесстыже раскинув ноги в стороны, опиралась пятками о столешницу. Мужчина в растёгнутой серой рубашке и едва удерживающихся на бёдрах чёрных брюках толкался пахом в срамное рыжее лоно. Беспощадно. Грубо. Резко. Впиваясь пальцами в молочную кожу рыжей, раскрывая её бёдра шире, разводя до упора...

[1] Екклесиаст 3 глава. Царь Соломон.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net